

Боб Проберт в соавторстве с Кирсти Маклеллан Дэй

Тафгай: моя жизнь на грани

Посвящается Дэни, любви всей моей жизни, и моим прекрасным детям - Броган, Тиерни, Джеку и Деклин

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы, Дэни и её дети выражают огромную благодарность Дэйву Уинхэму за любезно предоставленные записи, интервью и прочие материалы, предназначенные для написания книги, собранные им с 1993 по 1995 годы совместно с друзьями и коллегами Боба Проберта. Несмотря на то, что Боб и Дэйв решили отказаться от написания книги, их труды и материалы нашли своё место в этой книге.

Дэни и Кирсти благодарят всех тех, кто помогал осуществить мечту Боба о появлении этой книги: Лесли и Дэна Паркинсонов; Норма Проберта; Терезу Проберт; Джима Вуда; Пенни Тэйлс; Шелдона Кеннеди; Рика (Большого Папочку) и Рикки Рогоу; Дэрену Рогоу; Райана (Буши) ВанденБуша; Арта Вуфендена; Стэйси Тэйлс; Стиви Айзермана; Пола Коффи; Криса Челиоса; Троя Краудера; Колина Кэмпбэлла; Морин и Брэда МакКриммонов; Дага Гилмора; Марти МакСорли; Дона Черри; Рона МакЛина; Генерала Рика Хиллера; Марка (Триса) ЛаФорреста; Эдди Мио; Тома Мюллена; команду сайта rugamidproductions.tv – Джулию Синклэр, Кэрол Котроу, Соню Блумфилд, Шелли Хенри, Арана Лайла, Джорди Дэя и Витторию Уолтер; Джули Фолк и сайт adrenalinereginasports.com; Джастина, Мишель и Кэролин из Салона Утопия в Лэйкшире.

Кирсти Маклеллан Дэй выражает особую благодарность Дэни, Броган, Тиерни, Джеку и Деклин за теплый прием, а также своему мужу и коллеге Ларри Дэю за помощь в редактировании в любое время суток. Отдельная благодарность коллективу ХарперКоллинс за осуществление невозможного — Джиму Гиффорду за работу без выходных, Айрис Тапхолм за веру, Ллойд Дэвису за верстку, а также Ноэлю Зитцеру, Нилу Эриксону, Аллегре Робинсон, Чериди Джонстону, Кори Битти, Робу Файрингу, Колин Кларк, Джордан Уайтхаус, Майклу Ги-Хэддоку и дизайнеру обложки Грегу Тэбору. Спасибо моим родителям, Джоан и Баду Маклеллан, детям и внукам, Бадди, Кристин, Чарли, Ланди, Джорди, Полу, Теа, Джексону и Гриффину за их неиссякаемую любовь и поддержку. Спасибо Тео Флэри за знакомство с Бобом. Выражаю признательность Митчу Рогатз и Тому Басту из Триумф Букс.

И самое большое спасибо тебе, Большой Боб, за рассказанную тобой историю.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЭНИ ПРОБЕРТ

Боб долгое время сомневался, стоит ли писать книгу и рассказать всю правду. Но, по мере того, как наши дети выросли, о Бобе все чаще и чаще появлялись всякие небылицы в прессе. Это по-настоящему расстраивало Бобби. Он знал, что он не ангел, но он хотел рассказать правду. Он упорно работал над книгой вместе с соавтором, Кирсти Маклеллан, когда его смерть, 5 июля 2010 года, помешала его планам. Я видела, сколько уже было сделано, так что дети и я решили исполнить его мечту.

Эта история Боба – такая, какую он хотел рассказать.

Я так горжусь тобой, малыш.

ПРЕДИСЛОВИЕ СТИВА АЙЗЕРМАНА

Я родился примерно на четыре недели раньше Боба, в 1965 году. Мы играли в юниорах друг против друга. Он играл в Brentford, я – в Peterborough. Нас обоих в 1983 году задрафтовал Детройт Ред Уингс и мы стали одноклубниками в сезоне 1985-86. Проби начал уверенно шагать по лиге в сезоне 86-87, первом, в котором нас тренировал Жак Демер. Было очень волнительно стать частью возрождения организации Красных Крыльев, а Боб был главной частью этого.

На протяжении следующих восьми лет, мы многое повидали вместе, на льду и вне него. Яркие моменты включают в себя две полуфинальные серии плейофф против Эдмонтон Ойлерс, ведомые великим Уэйном Гретцки. Проб сыграл важную роль в продвижении в плейофф. Я чувствовал себя значительно лучше, когда знал, что Боб приглядывает за мной.

Болельщики могут помнить его умение драться и забивать голы, но он был большим, нежели чем простым драчуном и забивалой. Боб знал игру. Он был интеллигентным игроком с замечательным чувством хоккея. Для игрока с каменными кулаками, у него были необыкновенно искусные руки. Его умение паса, ведения игры и чувство гола слились в нём в единое целое. Его очень уважали коллеги по цеху. Я помню свой вход в раздевалку на матче Всех Звёзд в 1988 году. Все великие, от Уэйна Гретцки до Марка Мессье, были там, и первое, что они хотели сделать, так это встретиться с Проби. Помню, они подходили ко мне и спрашивали: "Ты представишь меня этому здоровяку?" Хоккеисты его уважали. Не только потому, что он был тафгай, но и потому что он был замечательный игрок.

Проби был очень популярным одноклубником и любимцем болельщиков. Его любили все. Он был интеллигентным, одновременно ушлым парнем, быстрым на ответ. Он всегда легко сходился с людьми, хорошей шуткой или дружеской подколкой. Он словно озарял светом раздевалку, входя в нее и говоря: "Эй, это я – громила". На пике своей игры, он делал игру веселой. Иногда он останавливался в середине драки, подтягивая шлем или же подмигивал мне или Джерарду Галланту, подавая знак, что всё в порядке.

Он оставил след в сердцах каждого из нас. Неважно, кто – юный любитель хоккея, больной ребенок, служащий Джо Луис Арены, член твоей семьи – Боб всегда находил время сказать: "Привет" и немного поболтать. Люди, встречавшиеся с ним в первый раз, всегда думали: "Оказывается он – мировой парень". Он нравился всем, особенно мне.

За напускным самоуничижительным юмором Боба скрывался по-настоящему заботливый человек. Он был честен и верен людям, которые уважали его. Он был жестким хоккеистом и бескорыстным одноклубником, делавшим всё для своей команды. У него было мягкое сердце и добрая душа.

Пролог

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Каждый день Боб Проберт намеревался отправиться на озеро к 10 утра, но, казалось, ему не удавалось никак попасть туда раньше 14:30. Это заставляло его всегда быть готовым к отправлению на озеро. Утром 5-го июля 2010 года, он съел немного хлопьев Mini-Wheats и прикончил хлопья Groot Loops, недоеденные десятилетней дочерью Деклин. У них в гостях были тесть и теща, Лесли и Дэн Паркинсон. Дэн был шефом полиции в Корнуолле, Онтарио, городе в восьми часах к северо-востоку, на реке Сент-Лоуренс. Лесли села позади него и процитировала Библию: "Знаешь, Боб, у Бога есть большие планы на тебя. Ты просто должен отбросить всё, что тебя гнетёт, снять ярмо и обратиться к нему. Его ноша легче". Боб проглотил остатки хлопьев с молоком, кивнул и ответил: "Да, я знаю, знаю, знаю". Затем он выпил свою третью Коку за день и в одиннадцать часов был у своей машины.

Ему нужно было заправить катер и зайти к доктору, так как у него кончились таблетки. Иногда по утрам ему было трудно встать с постели. Семнадцать лет в качестве самого устрашающего энфорсера НХЛ не могли не сказаться. Ему было прописано принимать по три Оксиконтин в день, но он проглатывал по восемь – две с утра, две после ленча, две в обед и две перед сном. Он высыпал их в колу, для того, чтобы растворить оболочку, затем, то, что осталось, он высыпал в дорожку. Так лекарство действовало на него сильнее, на пару часов спина переставала болеть, мышцы бедра не ныли, и он мог ходить без ощущения ножей, режущих его колено. Он заполнял рецепт с количеством таблеток на месяц, затем отдавал его жене, Дэни. Если он оставлял рецепт себе, то таблетки слишком быстро кончались. Когда Дэни уезжала куда-либо, она прятала пилюли по всему дому. Боб звонил ей с утра, и она рассказывала, куда она прятала очередную порцию таблеток на день. В понедельник она могла сказать, что они в сигарной коробке, во вторник – приклеены с оборотной стороны одной из картин. Это была хорошая система. В конце концов, Боб хотел контролировать количество выпитого и наркотиков. Дэни чувствовала его желание изменить свою жизнь, потому что дети выросли и теперь вполне понимали, что происходит. Боб чувствовал себя ответственным. Годы терапии и реабилитации также помогли.

Проби выкуривал по две пачки Парламента в день, в основном, в своём гараже на шесть машин. Там уже больше не было места для других машин, потому что он был полностью забит Харлеями, частично восстановленными классическими машинами и различными запчастями. Семья Пробертов жила в доме своей мечты на озере Сент-Клер. Напротив них, через озеро, стоял Детройт. Боб и Дэни отделывали дом, когда Боб играл в Чикаго, в 1999 году. Он получил самый большой чек за свою карьеру, в то время – 1,8 млн. долларов в год. Дом был изысканно отделан – восемь тысяч квадратных ярдов серого камня и чудесный двор с громадным плавательным бассейном и беседками под дубами, кленами и грушами.

Боб ненавидел занимать деньги. Когда он платил за что-то, он платил наличными. Этот дом не стал исключением - 3,5 млн. долларов. Он ценил искусство, любил картины. В семейной комнате он повесил оригинал Виктора Швайко. В журнале Architectural Digest есть фото. Каким-то образом он сумел убедить знаменитого русского художника врисовать номер 24 на фасад маленького бара, доминирующего на левой стороне парижской сцены. Адрес совпадает с его игровым номером. Но Боб никогда не мог радоваться тому, чего не мог разделить с другими, так что он купил первую копию той же самой картины и подарил Лесли и Дэну на Рождество.

Боб всегда умел добиться от людей того, чего он хотел. Когда у него кончалась Кока-Кола, он звонил матери, Терезе, жившей неподалёку от Уинзора и просил её встретиться с ним в яхт-клубе с новой порцией газировки. У неё всегда было несколько упаковок в холодильнике, припасённых для таких случаев. Он запрыгивал в свой катер Sea-Doо 200 Speedster и мчался по

озеру в клуб. Его катер с двумя 135-сильными реактивными моторами вполне мог бы согнуться и для Бэтмена. Шесть метров в длину, гладкий узкий нос, алюминиевые поручни и громадные крылья по бокам. Катер был довольно сложным в управлении, что только Боб знал, как с ним управляться. Хотя он не был членом яхт-клуба, Боб сам причаливал, швартовался и открывал дверь клуба, впуская мать внутрь. Если кому-то подобное не нравилось, то Боб лишь усмехался в ответ и предлагал им не напрягаться. Никто не мог испугать Боба Проберта.

5 июля выдался очень жаркий денёк. Температура ожидалась в районе 35 градусов по Цельсию. Боб опять пожаловался на проблемы с животом.

Вместе с Дэни они недавно отметили 17-ую годовщину свадьбы. Дэни Вуд Проберт – невообразимо красивая женщина, как с макияжем, так и без него. У неё умные зелёные глаза, высокие скулы, точёный подбородок и сияющие, тронутые солнцем волосы, спадающие на плечи. Дэни уже две недели уговаривала мужа пройти полное медицинское обследование: "Ты должен пройти его, помни о наших четырёх детях".

"Да, я знаю, Малыш, я знаю", отвечал он.

"Я серьёзно, Боб".

"Я тоже серьёзно, Вуд", засмеялся он и поцеловал её.

Потом он вышел к бассейну и сказал остальным готовиться к выходу. Он сказал, что вернётся через пятнадцать минут, лишь съездит загрузится.

Боб сильно вспотел, пока подтаскивал катер к спуску на воду на судовой стоянке Падс Плейс Марина, неподалёку от дома. Он подумывал о постройке своего дока, с ним было бы намного проще. Прежде чем он спустил катер на воду, он обнаружил, что тот не заводится – сдох аккумулятор.

Он по быстрому домчался до дома, забрав двадцатиметровый удлинитель и зарядное устройство. По пути он зашёл к своему приятелю Донни Кадариану, который тоже, как оказалось, возился с катером. В беседе Боб заметил, что его подташнивает.

Пару "Кока-Кол" спустя, он вернулся домой, уложив зарядное устройство в багажник машины Дэни. Дядя Дэни Пенни, живший с семьёй и отец, Дэн, поболтали с Бобом. Оба заметили, что Боб был не такой весёлый и живой, как обычно. Боб взял с собой Тьерни и её подругу Сару с собой. Тьерни была его другом. Ей нравилось делать то, что он делал, включая игру в хоккей. В конце июля ей исполнялось 13 лет, и она вытянулась уже до 177 сантиметров.

Боб вернулся к катеру и начал пробовать заводить его. "Давай, детка, давай, сделай это для меня, давай". Наконец, тот завёлся.

Пенни стоял неподалёку от озера и ждал возвращения Боба и детей. Наблюдать за ними было всегда интересно. Боб на полной скорости мчался по озеру, закладывая вираж, огибая большую скалу на севере озера, а затем подплывал к дому. На этот раз он остановился и крикнул: "Все готовы?" Но остальные не успели собраться и Боб, не желая глушить мотор, вновь помчался по озеру, пообещав скоро вернуться. Иногда он уступал водительское кресло и штурвал кому-нибудь из детей. Боб был уверен во всех своих четырёх детях, и он никогда не говорил им "Нет". Они могли попросить у него что угодно. "Могу ли я пойти домой к подруге?", "Да, конечно", "Ты подвезёшь меня", "Без вопросов". В конце концов, Дэни установила правило: ничего не спрашивать у него, потому что дети всегда знали, что ответ будет "да".

Вскоре Боб вернулся за Джеком, десятилетним сыном, Дэни, Пенни, Дэном и Лесли. Они посчитали спасательные жилеты, убедившись, что хватит каждому и решили отправиться на восток, к причалу на Белль Ривер. Там был греческий ресторан, и Дэни хотела съесть салат. Они редко плавали в ту сторону, но чем дальше плыть, тем лучше. Им нравилось на катере. Дэни сидела позади Боба, пока они пересекали воды озера. Они были женаты уже семнадцать лет, но ей всё ещё нравилось наблюдать за ним. Его мощные плечи с четкими рельефными дельтовидными и трапециевидными мышцами. Когда он обнимал её, она чувствовала себя защищённой. Она покосилась на веснушки на его спине и подумала, что ему нужно помазаться солнцезащитным кремом. Было ещё пара родинок, на которые и ему стоило бы взглянуть.

Они плыли уже минут десять, когда Тьерни, сидевшая спереди по левому борту, услышала какое-то дребезжание, доносящееся с носа катера. Боб попросил её заглянуть в якорный отсек, чтобы убедиться, что якорь на месте. Всё было на месте, а дребезжание не утихло. Боб заглушил мотор. Они были в середине нигде, но Боб был уверен, что аккумулятору хватило времени зарядиться. Он вскарабкался на нос, убрал оттуда несколько вещей и снова завёл катер. Звук не исчез.

Перегнувшись через борт, он заметил, что черный резиновый кранец, идущий вдоль корпуса катера, частично оторвался и болтался свободно. Поймать такое в двигатель совершенно не хотелось, и Боб решил пристегнуть его на место. После того, как он заглушил двигателя, Дэни взобралась на корму. Она не давала лодке наклониться, пока Боб вместе с Дэном вставляли кранец на место. Сделать это было довольно сложно и требовало немало усилий. Им нужно было крепко прижимать его пальцами, чтобы тот больше не отлетел. На протяжении этой работы, Боб свесился с одного борта, головой почти касаясь водной глади, заправляя носовую часть кранца. Дэни попросила его быть осторожнее. Дэн в это время крепил кранец в средней части катера. Затем Боб шагнул за спину своего тестя и начал работать ближе к Дэни.

Внезапно он резко выпрямился и пошатнулся. Он взмахнул руками, словно пытаясь удержать равновесие. Лесли, сидевшая прямо за ним, решила, что он дурачится. Пенни и Дэн повернулись к нему. Они подхватили его, когда ноги его подкосились, и он рухнул на водительское сиденье. Губы начали лиловеть.

"О, Боже, с ним что-то не так", - закричала Пенни. Она схватила его за запястье.

"Пульса нет". Она повернулась к Дэну: "Попробуй ты". Дэн был полицейским, так что каждый год он сдавал тесты по оказанию первой помощи. Он попытался нащупать пульс на сонной артерии. Не желая, чтобы это услышали дети, он прошептал: "Нет пульса". Зажав Бобу нос, он попытался сделать тому искусственное дыхание. После пары выдохов, губы Боба начали розоветь, но Дэн знал, что без непрямого массажа сердца не обойтись.

Дэни, следившая за тем, чтобы кранец снова не отвалился, услышала волнение на катере и краем глаза увидела суету. Она повернулась к остальным: "Что происходит?"

В Пенни было всего 165 сантиметров роста и 52 килограмма веса, однако она нашла в себе силы подхватить 109 килограммов веса Боба под руки и опустить его вместе с Дэном на палубу, между водительским сиденьем и кормовой банкой. Она опустила на колени, держа голову Боба в своих руках. Тем временем, Дэни в панике набирала 911.

Дети стояли на носу лодки, всё время спрашивая: "С ним всё в порядке? С ним всё будет в порядке?" Лесли молилась, стоя рядом с детьми, глядя на то, как её муж пытается оживить их зятя.

Дэн раскинул ноги Боба и начал попытки его реанимировать. Сначала сто качков в минуту. Однако Боб не подавал никаких признаков жизни. Ни единого вдоха, а уши начали багроветь. Затем массаж вроде бы снова запустил дыхание. Дэн был уверен, что это как будто реанимировать утопленника, в какой-то момент глаза Боба откроются, и он вернётся к жизни.

Дэни дозвонилась до службы спасения и объяснила оператору, что они только что миновали маленький городок рядом с Уинзором – Пьюс, но сказать точнее их местоположение она не могла. Она оглянулась вокруг, пытаясь не паниковать, но вокруг на берегу были только коттеджи. Оператор попытался успокоить Дэни, сказав, что они отследили местоположение телефона. Дэни отдала телефон матери, попытавшись найти ключи от катера. В зажигании их не было. Куда Боб их дел? "Где ключи?" – закричала она. – "Мне нужны ключи".

Боба начало трясти, его голова болталась из стороны в сторону. Пенни не была уверена, что он сказал: "Я не могу дышать" или пытался что-то сказать Дэни, но какие-то непонятные слова сорвались с его губ.

Дэни нашла ключи, провалившиеся между спинкой и сиденьем кресла, и попыталась завести катер. Как это сделать, она точно не знала, однако, она сумела запустить один мотор. Ликующим голосом она крикнула Бобу: "Да, я сделала это, Малыш. Всё в порядке, я завела катер". Пенни заплакала, увидев, как Дэни любит Боба.

Но ликование Дэни сменилось разочарованием, когда она поняла, что работает только один мотор. На одном моторе нельзя было набрать скорость. Только Боб знал, как обращаться с катером. Они медленно-медленно поплыли к берегу.

Дэн вспомнил, что недавно слышал на радио беседу с медиками, и один из них сказал, что делать искусственное дыхание – это бессмысленная потеря времени. Вместо него рекомендовали сосредоточиться на непрямом массаже сердца. Кислорода в крови ещё достаточно и главная цель – доставлять его к мозгу, не давая тому умереть. Так что, Дэн не прислушивался, дышит ли Боб или нет. Главное – поддерживать кровоток до появления реанимации. "Давай, Боб, борись" – шептал Дэн сквозь сжатые зубы.

Пенни обложила голову Боба холодными полотенцами и брызгала ему в лицо водой. Она всячески подбадривала Дэна: "Отлично, Дэн. У тебя получается".

Хотя дети ничего не видели за спиной Дэна, они начали истерить. Лесли продолжала громко молиться и, в то же время, пытаясь определить их местоположение с помощью оператора 911. Но вокруг была только вода и никаких заметных ориентиров. Она не имела никакого понятия, где же они плывут. "Пожалуйста, скажите, откуда придёт спасательная команда?" – умоляла она оператора.

После этого, не в силах как-то помочь зятю, она схватила полотенце и начала размахивать им, пытаясь призвать кого-нибудь на помощь. Она заорала в трубку: "Ты знаешь, кто тут умирает на катере? Боб Проберт!"

Спасательная команда смогла прийти на помощь только через 20 минут. Всё это время Дэн заставлял биться сердце Боба.

Тем временем, один плотник из Эмервилля, Пит Крейг, сидел в теньке и слушал свой сканер. Он услышал, что Лесли упомянула имя Боба и позвонил соседу, у которого было свое судно Yamaha WaveRunner.

Лесли услышала звук приближающегося судна и оглянулась. "О, Боже мой, кто-то пришёл к нам на помощь". Молодой человек в ярком спасжилете осадил своё судно рядом с их катером. "Спасибо, Господи, Вы – доктор?"

"Нет, Меня зовут Кай, я живу тут неподалеку. Мой сосед услышал вас на своём сканере. Чем я могу помочь?"

"Я не могу запустить двигателя и я не знаю, где мы сейчас". – Ответила Дэни. Тогда Кай перепрыгнул на катер, а Дэни вскарабкалась на его судно. Он повёл катер прямо к своему дому в Эммервилле, сказав Лесли, чтобы та вызвала туда медиков. Завести второй мотор он тоже не смог.

Лесли теперь забеспокоилась ещё и о своём муже. Он был крепким сильным мужчиной, пятидесяти семи лет, но он уже пятнадцать минут без остановки пытался оживить Боба на сильной жаре. Заметно было, как он устал.

По мере приближения к берегу, Дэн начал слышать сирены скорой помощи, а вскоре и увидел их, стоящих у дока. Но жизнь потихоньку покидала тело Боба. Его дыхание стало совсем слабым, а за пять минут до берега оно и вовсе пропало. Пенни стала хлестать Боба по лицу. "Я люблю тебя, Боб, мы любим тебя. Ты должен сделать это, просто посмотри на меня".

Тьерни обняла Джека и Сару. Все трое рыдали. Они смотрели на своего отца, надеясь, что он вновь вернётся к жизни. Когда Пенни начала хлестать его, они отвернулись. Секунду спустя Тьерни вновь повернулась к отцу: "Папочка, я люблю тебя..." Её плач отразился эхом по воде.

На берегу спасатели быстро пришвартовали катер и дважды попытались оживить Боба электрическим разрядом дефибриллятора. Из-за моментально собравшейся толпы Дэн не мог видеть, что происходит, кроме того, что медики очень старались.

Лицо Боба совсем посерело. Пенни не хотела оставлять его одного, но она всё ещё надеялась, что он вернётся. Кто-то отвёл детей под тень деревьев. Пенни нашла их, обняла и сказала: "Давайте просто помолимся за вашего отца. С ним всё будет в порядке". Потом она пошла к Лесли и Дэни, стоящим неподалеку от медиков. На пути с ней тоже едва не случился сердеч-

ный приступ. Её вдруг охватила сильная дрожь и удушье. Лишь через несколько минут она смогла оправиться.

Дэни расшагивала по пляжу как пантера, часто вставая на цыпочки, пытаясь разглядеть, что происходит на катере. Она пыталась вспомнить, когда они с Бобом последний раз занимались любовью. Давно, но не потому, что они не хотели или пропали чувства. Она была с дочерьми неделю за городом, потом вернулась на день, когда Боб улетел в Ванкувер на встречу. Когда он вернулся, она вновь уехала в загородный дом. Просто не было времени. У них просто не было достаточно времени.

Дэни вошла в воду, пытаясь обогнуть катер. Ей нужно было, во что бы то ни стало увидеть или услышать что происходит. Внезапно у неё все потемнело перед глазами. Она очнулась под водой, и какой-то пожарный вытаскивал её на берег. Она смогла встать, и он помог ей дойти до Лесли. Та взяла полотенце и начала сушить дочери волосы, как бывало, когда Дэни была ещё маленькой девочкой. Дэни посмотрела на неё и спросила: "С ним же всё будет в порядке, правда, мама?"

Дэн стоял в воде у носа катера и ждал. Попытки спасателей оживить Боба продолжались около получаса, прежде чем его погрузили в реанимобиль и отправили в больницу. Остальным членам семьи также показали туда дорогу. На Боба нацепили кислородную маску, повсюду болтались какие-то трубки. Дэни подошла и слегка коснулась его, пока его грузили в машину.

Дэн и Пенни забрали детей домой, а Лесли и Дэни поехали в больницу вместе с Питом Крейгом. Пока Дэни сидела в комнате ожидания, она думала о будущем. Она надеялась, что её страх поможет Бобу. Может, он изменит своё питание, будет больше заниматься спортом. Одно оно решила точно, Боб будет проходить медобследование регулярно. Недавно он сказал ей, что он сдал анализ крови, но кто знает, было ли это правдой? Она намеревалась сесть с ним и предъявить ультиматум. Когда дело касается его здоровья, всё должно быть серьёзно.

Вскоре после их приезда, к ним вышли медсестра и социальный работник. Сердце Лесли ёкнуло. Она вспомнила, как точно такой же дуэт с непроницаемыми лицами вышел к ним, когда в больнице умер их отец. Она обняла Дэни и усадила её в кресло. Она знала, что следующим из палаты выйдет доктор.

Пенни показалось, что прошла вечность, с тех пор как они повезли детей домой, а затем отправились в больницу. Когда они были всего в пяти минутах езды от неё, зазвонил телефон Дэна. Это была Лесли: "Он умер..."

КАК СКАЗАЛ ДОН ЧЕРРИ

Тай Доми был мелким засранцем, и я подумал: "Почему нет?" Понимаете? Я не обязан был драться с ним, однако я сказал себе: "Хер с ним, поехали. Дам ему шанс, чёрт бы его побрал".

Он заявил мне: "Давай, Боб, Мачо Мэн хочет биться за титул". Он называл себя Мачо Мэн, как знаменитый рестлер. Я ответил: "Давай, ты, засранец, начнём". Ему повезло, когда он задел меня и рассёк мне кожу прямо над глазом. Он не ударил, а просто по касательной оцарапал меня. Ссадина не болела и не причиняла никаких неудобств. Наша толкотня продлилась всего секунд тридцать, после чего помощники разняли нас, прежде чем началась настоящая махаловка. Когда он катился на скамью штрафников, он раззадоривал зрителей победным выбрасыванием рук вверх, изображая получение чемпионского пояса

Позже, тренер Брайан Мюррей, спросил меня: "Какого хера ты теряешь своё время с этим мелким придурком Доми? Тебе нечего доказывать".

"Да плевать". – Ответил я. – "Я дал ему шанс".

"Ну, тебе лучше знать".

Да, я дрался. Думаю, это и помогло мне пробиться в Лигу, потому что они видели, что я могу и играть и драться. Сейчас такое сочетание встречается редко. Парни, которые могут и драться и играть, подписывают контракты на большие деньги. Хотел бы я играть сейчас. Не просто из-за денег – я был бы счастлив.

Многие против драк в НХЛ. Они говорят, что это инородная часть игры. Но, как говаривал Дон Черри: "Когда дерется Проби, видели ли вы, чтобы кто-то вставал со своего места и уходил за кофе?"

НЕ ГОРЯЧИСЬ, ЭЛ

У меня на ноге большая красная отметина. Я обжѐг ногу на прошлой неделе о выхлопную трубу моего байка. Всегда говорил детям: "Осторожнее, не обожгитесь, не касайтесь её", а сам тогда вскочил на байк и забыл о ней. Я уже давно вожу мотоциклы и всё ещё, бывает, забываю о нагретой выхлопушке. Я купил первый мотоцикл в 1990 году – Кавасаки Вулкан 750, а потом, в 1991, взял по-настоящему быстрый дѐртовый байк. Первый Харлей появился у меня ещё спустя год и с тех пор я гоняю только на Харлеях. У моего отца тоже был мотоцикл той же марки, когда я был ребенком. Он был полицейским в Уинзоре и ездил на Харлее. Порой он заезжал домой и брал нас с собой, покататься. И он же привѐл меня в хоккей. Его звали Эл. Эл Проберт.

Я не знаю, как он встретил с моей матерью. Знаю только, что они были уже не молодыми. Ему было тридцать шесть, когда я появился на свет. Маму звали Тереза Брэннаган.

Родители отца были родом из Англии. Дед Джек был просто потрясный. Мы, бывало, проводили много времени у него дома, оставались ночевать и тому подобное. Мой старший брат Норм и я играли в лакросс. Папа Джек всегда приходил на наши игры. Мы как-то проиграли важную игру, и мой отец пришѐл ко мне после. Он был очень разочарован результатом и вылил на меня всю свою злость. Папа Джек отвѐл его в сторону и сказал: "Не горячись, Эл, Боб выкладывался в игре на полную катушку и игра ему по-настоящему удалась". Папа Джек всегда поддерживал нас. Он был счастливым человеком – очень счастливым и с ним всегда было весело.

У моего отца всегда был драйв. Он был крутым. Меня он учил быть таким же, неуступчивым, сильным, мощным как бык, никогда не выказывающий слабость. Он провѐл три года в армейском запасе, после чего его отправили в Германию. После дембеля он направился прямоком служить в полицию. Копом он стал в 1954 году, ему было 25 лет. И он был примерно моих габаритов, 190 см роста и около 100 килограмм веса. Дед был гораздо меньших размеров, а бабушка и того меньше. И при этом у них был такой большой сын.

Папа Джек умер в 1973 году, когда мне было восемь лет. Я помню те похороны. Вы же знаете, какие бывают дети в том возрасте. Мы не были особо огорчены тем, что он умер, так что мы сидели и веселились с братом на заднем сиденье нашей машины. Моей маме даже пришлось напомнить нам: "Дети, ведите себя приличнее. Вы едете на похороны вашего дедушки". Но мы не воспринимали эти слова. Это была первая смерть, с которой я столкнулся. Помню, я смотрел на него, лежащего в гробу и старался быть сильным. Я подошѐл к отцу и сказал: "Папа, смотри на меня. Я не плачу. Все плачут, а я нет". Но ночью я всё-таки плакал. Я не хотел плакать на людях, чтобы они не подумали, что я тряпка. Повзрослев, я понял, что это совсем не тот случай. Никто не подумает, что ты плакса, если ты заплачешь на похоронах.

На тех похоронах что-то ещё произошло между моей матерью и женой брата отца и это было всё. Мы никогда больше не общались с нашими двоюродными братьями и сѣстрами.

Я думаю, я похож на Папу Джека. Я любил веселиться. Хотя выгляжу я как мой отец. Говорят, что я больше похож на мою мать, но я думаю, что я похож на своего отца.

Я вырос в южном Уинзоре на тихой улице в маленьком кирпичном домишке. Виржиния Парк Авеню. Поскольку это был тупик, мы играли в уличный хоккей целый день. Устраивали площадку прямо посередине улицы и сражались.

В школе же успеваемость у меня была не очень. Я понимаю теперь почему. Потому что я больше любил всякие инструменты и приспособления. Когда я учился во втором классе, учитель включил электрический вентилятор и поднял лист бумаги. Он спросил: "Сколько человек думает, что вентилятор сдует этот лист с моего стола?". Все подняли руки, кроме меня. Потом он спросил: "А кто думает, что вентилятор втянет этот лист бумаги?". И я оказался единствен-

ным, кто знал, что должно было случиться с листом бумаги. А вот сидеть в классе я совсем не любил и я не могу вспомнить ни одной прочитанной книги. Когда я проходил реабилитационный курс, мне поставили диагноз: "Синдром дефицита внимания с гиперактивностью", довольно распространённое явление среди подростков. В норвудской начальной школе я мог сидеть за партой и не слышать ни единого слова учителя. Я прокручивал в своей голове кино – кино о том, что я буду делать, когда прозвенит звонок. Просиживание штанов сводило меня с ума, мне нужно было чем-то заняться. Я всегда грыз ногти от волнения, но за целый день в школе я выгрызал их до мяса. После того, как я потерял передние зубы, я научился использовать боковые зубы. Адаптировался, так сказать.

Мне было четыре года, когда я начал играть в хоккей. В организованную лигу я попал в пять лет, когда мой отец отвел меня на местный каток. Я влюбился в него. Я начал играть на позиции форварда – левого крайнего – и играл слева всю свою карьеру. Да, иногда я переходил на правый фланг, хотя у меня и левый хват, но никогда я не играл ни в центре, ни в защите. Ребята с улицы обычно ходили играть на пруд. В газете "Уинзор Стар" есть фото моего отца, шнурующего коньки моему брату. Он всегда помогал нам с коньками. Клал мою ногу на свою и зашнуровывал мои коньки.

Я любил своего отца. Он не курил, но любил выпить пивка после работы. Пара пива в баре "Легион", может, джин-тоник, и я редко видел его пьяным. Раза два, да и то, он вполне контролировал себя.

Он не был таким уж прям мачо. Обычно он хлопал нас с братом по спине и говорил что-то вроде: "Хорошая работа". Он был немногословен, но когда он говорил, лучше было его слушать. Иначе тебе доставалась затрещина. Помню, как-то я чересчур активно возражал ему, как вдруг – "Шлёп". Я быстро осознал, что лучше его не доводить. Легкое шатание и звон в ушах – удовольствие не из приятных.

У моей матери на случай моего непослушания имелась лопатка. Мне было десять лет и я был не из самых послушных детей, так что как-то я схлопотал ей по заднице. В тот же вечер, когда родители куда-то ушли, я распилил лопатку пополам маленькой пилой из набора, полученного в подарок на Рождество. Лопатка была угрозой, а я ликвидировал её.

И в следующий раз, когда она вознамерилась её использовать, она начала на меня кричать. Я сбежал от неё в свою комнату, и она заперла меня в ней. Отца не было дома, и я расплакался. Она почувствовала себя виноватой и выпустила меня, дав печенье. И опять я быстро понял, как устроить хорошее шоу и управлять своей мамой с малых лет.

Мой отец был олдскульным полицейским в Уинзоре. Он творил уличное правосудие с помощью своей дубинки. Его уважали. Я вспоминаю, как он приходил домой с работы, побывав в драке. Однажды он утихомиривал массовую потасовку в баре и один из его локтей был весь в порезах. Я считал, что это было так круто.

Знаете, если бы я не стал хоккеистом, я мог бы стать полицейским. К тому же, я и так имел с ними много дел.

Однажды, когда я был в восьмом классе, мы с приятелями, Тони ДиКокко и Дэйвом Кантагалло, резвились в школе. На полном ходу мы неслись по холлу школы, я – впереди, Тони за мной, а когда к двери подбежал Дэйв, он врезала ему прямо в лоб. Рассечение было ужасным, повсюду кровь, как у рестлеров. В итоге его увезли в больницу и наложили швы. Меня и Тони вызвали к директору, и я думал, что отец выплет мне по первое число, но он не сказал ни слова.

Отец, бывало, приводил нас в полицейский участок и устраивал тур, показывая камеры и закрывая нас внутри. Мы ходили к его другу и стреляли из ружей. У отца было много оружия, штук двадцать стволов или около того. После его смерти мама продала их все напарнику отца за 2500 долларов. Я до сих пор злюсь на неё за это. Это же было круто – иметь свою коллекцию оружия – мне было тогда 17, а Норму – 18. Там был "Люггер", который его дядя привёз со Второй Мировой, четыре помповика Ли-Энфилд, Магнум 57 и пара сорок-пятых. Еще была пара короткоствольных Детектив Спешл – полицейская версия Кольта.

Отец часто брал меня с собой на игры Ред Уингс. У него был приятель, Пэт Д'Амор, владелец строительной компании. Отец присматривал за его собственностью в свободное время. В знак благодарности Пэт давал ему билеты на хоккей. В то время в Олимпии было не слишком безопасно. В 1976 году одного бизнесмена, шедшего после игры в теннис к своей машине, застрелили на парковке. Охранники уходили домой и выключали свет на парковке, даже они не хотели находиться около Олимпии поздно ночью. Когда мой отец водил меня и Норма на игры, он брал с собой короткоствольный .38. Он пересекал границу с ним под ремнём. Он распахивал куртку, показывал свой значок полицейского и говорил: "Я на хоккей". После игры, когда мы шли к машине, он держал пистолет в руке. Мы с Нормом чувствовали себя в полной безопасности. Наш старик не собирался никому позволять докопаться до нас.

ЗДОРОВЯК С УМЕЛЫМИ РУКАМИ

Мне нравилось думать, что я хороший распасовщик. Но это было и проблемой. Много раз вместо броска по воротам, я отдавал пас. Мне просто нравилось помогать другим. Ничто не сравнится с видом одноклубника, который забил гол с твоей передачи.

У меня были хорошие тренеры, которые знали, что я могу играть. Многим не выпадает такой шанс. Я уверен, ты хорош настолько, насколько этого хочет твой тренер. А у меня был ещё и драйв – я так думаю. Это всё и помогло мне пробиться в НХЛ. Я видел многих, имеющих талант, но у которых не было этой жажды игры, драйва.

Рик Кранкер был моим тренером в миджетах. Мировой мужик. Я иногда встречаю его в городе. В возрасте от 10 до 13 лет, я всегда был одним из лучших игроков в команде. Мне повезло ещё и в том, что я был всегда намного выше других ребят. Мало кто мог сравниться со мной в росте, так что я всегда был среди двух или трёх лучших игроков команды. И мне это нравилось. Единственное, меня бесил мой размер ноги. Всегда выводили из себя эти здоровенные лапти. Я всегда покупал обувь на размер меньше и ходил в ней. Сейчас-то уже мне на это плевать.

Мой брат Норм, на год старше меня, тоже играл вместе со мной. Его задрафтовала Уинзор Спитфайерс, главная местная юниорская команда. Она же и стала концом его хоккейной карьеры. Просто не повезло – оказался в ней не в то время. Спитфайерс были по-настоящему хорошей командой тогда. Они пробились в финал ОХЛ. А брат не получал много игрового времени. В любой бы другой год он играл бы гораздо больше, но не тогда. Он отыграл год в Сент-Клер Колледж из Уинзор, но это было всё. Думаю, это было стало для него ударом, когда он не смог закрепиться и там. И у него тоже начались проблемы с выпивкой и наркотиками.

Я начал выпивать уже давно. Впервые я напился в 14 лет. Мы были с семьёй на празднике у моей тёти в Мичигане, и мой отец прихватил домой кулер, набитый пивом – американское пиво в банках, разных сортов. "Шлитц", "Бадвайзер", "Пабст Блю Риббон". Я втихаря вытащил их, решив попробовать на вкус. Выпил одну и ничего. Потом ещё одну и ещё.

Выпив примерно пять банок, я почувствовал сначала легкое опьянение, а потом меня накрыло по полной. Я был такой: "Зашибись мне дало", но я знал, что мне лучше лечь в постель, прежде чем кто-то спалит меня шатающимся или валяющимся на полу.

Полагаю, я облевал всё вокруг в ту ночь. Моя мать пришла меня будить с утра и ужаснулась. У меня до того проявлялась иногда аллергическая реакция на рыбу, так что я обвинил во всём тунца. Быстро придумал отмазу, что я ужинал у приятеля, а они добавили тунца в макароны с сыром. Мать купилась на мою выдумку, так что после этого, она всегда беспокоилась обо мне, чтобы я не ел много тунца.

Мне повезло ещё и в том, что я легко мог бы захлебнуться в собственной рвоте. Выпить пивка стало потом регулярным занятием. У меня был высокий порог сопротивляемости алкоголю. Отец обычно сидел внизу, смотрел телик, мать спала, а я прокрадывался в гостиную или на задний двор и пил пиво. Обычной дозой было 4-6 банок. Я прятал пустые банки, а на следующий день выкидывал их. Мне нравилось состояние опьянения. По-настоящему нравилось.

Я начал зависать на вечеринках, искать приятелей, которые тоже были не прочь выпить. Сначала, нажравшись на выходных, я не мог снова пить еще недели три. Но потом промежутки между пьянками становились всё короче и короче. Каждые выходные, а потом и дважды в неделю я напивался. В то время это не вредило моим занятиям хоккеем. Главное, не пить перед игрой. После? Без проблем. Может, даже за день до игры. Когда ты молод, всё выветривается из тебя уже на следующий день. Помню, отец очень разозлился, когда узнал об этом. Но после

того как мой брат Норм вдребезги расколотил машину, после одной из вечеринок, мои похождения не казались такими уж ужасными.

Как-то одной ночью, мне было лет шестнадцать, я возвращался домой после зажигалова. В противоположном направлении мимо проехали копы. Внезапно я ломанулся через ближайший двор. Они заложили полицейский разворот и начали гнаться за мной. Перепрыгнув пару заборов, я помчался к школе, надеясь укрыться там, потому что машина не смогла бы пробиться сквозь траву. Но они вызвали подмогу и окружили меня.

Усадив меня в машину, они допросили меня и им пришлось отпустить меня. Было прикольно на самом деле – в чём они собирались меня обвинить? В беге по улице? А я и сам не знаю, почему я побежал. Может, своеобразный бунт против власти. Сейчас бы за это меня, скорее всего, подстрелили бы из "Тазера". Мне доставалось "Тазером" и, скажу я вам, лучше сначала подумать о том, что собираешься делать.

Мне было на многое насрать в то время. Я завалил половину экзаменов в девятом классе, а мои оценки упали ниже среднего. Мне удавалась только игра в хоккей. Я играл крайнего в своей миджет-команде, "Клуб 240" и уже привлёк к себе некоторое внимание. 187 сантиметров ростом и 97 килограмм веса и продолжал расти. К тому же неплохо играл. Я мог оттеснить соперника, хорошо управлялся с шайбой, и результативность была на уровне.

Для меня лучшим в хоккее была моя команда, одноклубники. Я не был таким уж серьёзным, как стоило бы. Я никогда не оттачивал своё катание и не загонял себя тренировками вне льда. Когда мне было 16, мы отправились на турнир в Ванкувере. Это было весьма насыщенное событиями путешествие. Я нарушил закон, лишился девственности с девушкой старше меня и заставил некоторых скаутов обратить на меня внимание.

Я изготовил фальшивые удостоверения личности для всех парней, так что мы могли набирать столько бухла, сколько захотим. Это было весьма занятно, с учётом того, что раньше не было компьютеров. Я достал все необходимые инструменты в магазине рукоделия. Я вписал на каждом удостоверении имя, провёл линию для подписи, добавил фотографию, вытиснил слово ALBERTA поверху, раскрасил его в красный цвет и добавил рост и вес владельца. Затем я заламинировал их и они стали выглядеть как настоящие студенческие удостоверения.

И нас ни разу не спрашивали о возрасте, ни разу. Это было круто.

У меня были умелые руки. Не то, чтобы прямо мастер хоть куда, но кое-что умел. Поддельные удостоверения позволяли нам покупать выпивку и торчать в барах. Мы веселились с девчонками, стоявшими на углу нашего отеля. Думаю, им нравились безбашенные парни. Одна из них была прелестной блондиночкой. Несмотря на её некоторую грубость в общении, я находил её интересной.

Она стала первой девушкой, которой я когда-либо видел обнажённой. Скинув трусики, она протянула мне презерватив. Я видел фотографии голых женщин – у отца была нычка с журналами – но сейчас всё было во плоти. После я вышел от нее, показывая своим товарищам большой палец, но, на самом деле, всё прошло довольно неуклюже. И я не заплатил ей. У меня и денег не было, да и она не была проституткой.

В турнире участвовало несколько хороших команд, но пиво и секс, похоже, помогли мне, потому что я был избран левым нападающим в первую команду лучших всего турнира. Скауты наострили уши и в следующем году, в 1982, меня задрафтовала молодёжная команда Брентфорд Александерс. В ознакомительном лагере Александерс я весьма нервничал. Все остальные игроки были такими положительными, прямо образ пиши. Но как только уехали родители, мы сразу же запалили громадный костёр и опорожнили несколько бочонков пива. Гора упала у меня с плеч.

Моего отца хватил удар в 1981. Я был дома, как и моя мать, когда отец вернулся с работы. Сгусток крови закупорил одну из его артерий и у него начались проблемы с речью. Моя мать закричала мне: "Бобби! Бобби! С отцом что-то не так!"

Ему парализовало левую сторону тела и он никогда не смог полностью восстановиться. Я старался как-то избегать его после этого и всегда чувствовал себя виноватым из-за этого. Мы не приводили домой друзей, потому что не хотели, чтобы его видели таким. Он был слаб и с трудом говорил и ходил. От него осталась лишь тень прежнего Эла, сидевшая перед телевизором. Он злился на себя и печалился одновременно. Думаю, это из-за того, что он всегда учил нас, что слабость – это непростительно.

Год спустя у него случился ещё удар. На больничной койке он выглядел совершенно больным и исхудавшим, с посеревшим лицом и мертвенно-бледными губами.

Он поспрашивал меня о Brentford, сказал мне заточить коньки и постричься. Через пару часов он впал в кому и умер. Я не плакал.

Через день после его похорон я отправился в ознакомительный лагерь.

Я читал миллион раз, что все мои проблемы были из-за моего отца, Эла, умершего, когда мне было 17. Люди же всегда ищут какую-нибудь причину. Но это не было правдой.

Я никогда не мог прийти к какому-то единому выводу относительно моих проблем. Говорят, что у меня синдром Мерилин Монро – боязнь успеха. Или я не мог справиться с популярностью. Но это полная чушь, потому что я начал выпивать задолго до того, как я стал популярным и задолго до смерти отца.

Просто так случилось, что когда всё идёт хорошо, я обычно праздновал это, а в итоге я пристрастился к веселью. Я никогда не любил останавливаться на полпути, вы понимаете, о чём я? Зачем тормозить на полдороге? Давай, до конца.

В тот год я жил в доме у одной семьи. Наш вратарь, Аллан Бестер, игравший потом за Торонто Мейпл Лифс, жил вместе со мной. Хозяйке дома было лет 30, а ему мужу уже немногим за 40.

Первый год там выдался просто ужасным. В свои семнадцать лет я уже крепко поддавал. Мне нравилось быть всегда, если не пьяным, то хотя бы выпивши. Без выпивки я был довольно скромным, а алкоголь помогал мне преодолеть любое смущение. Я мог без проблем заговорить с девушкой. Вскоре это стало зависимостью. Я не мог остановиться на одной-двух кружках пива. Вот выпить двенадцать – было в самый раз. Способствовало этому ещё то, что у нас была не обычная работа с 9 до 17. Два часа утренних тренировок, а после обеда можно было уже начинать расслабляться.

На завершающей сезон вечеринке я сцепился с кем-то в баре, заработал рассечение, на которое пришлось накладывать швы в больнице, после отправился ещё в один бар, а в итоге привёл домой официантку. Я её спрятал в подвале дома, в котором жил, и вечер закончился сексом. На утро я проснулся и услышал, что хозяйка занялась стиркой. Вместе с официанткой нам пришлось прятаться под грудой старых матрасов. В голове билась мысль о том, что если нас засекут, то ничем хорошим это не кончится.

После того, как хозяйка поднялась наверх, развешивать выстиранное, я тихонько провёл официантку через заднюю дверь. Ей было около 21 года тогда, высокая, белокурая, просто прелесть. Почему же она снизошла до меня? Может, из-за жалости. Я был весь забинтован, покрыт всяческими царапинами – идеальный вариант для жалости. И я никогда не умел говорить комплиментами и знакомиться с девушками. Разве что из-за моих густых черных волос с завитками.

Как я уже сказал, я вывел её из дома и уже думал, что всё в порядке, меня не спалили. Однако, хозяйка, похоже, услышала что-то. Она выглянула в окно и увидела уходящую девушку. Тут же прискакав ко мне, она начала на меня кричать. Я косил под дурачка: "Какая девушка? О чём вы говорите?"

Она позвонила мужу и, когда он пришёл домой, они известили об этом случае и команду. Руководство команды объявило мне, что раз уж сезон окончен, то меня отправляют домой. Моей матери пришло письмо от хозяина дома, в котором я жил. В нём он рассказал, что сам бывший алкоголик и что, по его мнению, у меня есть проблемы с выпивкой и мне нужно помочь преодолеть их.

Сейчас я и сам думаю, что я тогда был алкоголиком. Когда мы только начали покупать пиво, нам хватало упаковки на четверых. А потом, когда появились упаковки по восемнадцать банок, мы делили её уже на двоих. Позже мы стали брать по двенадцать банок на одного. Так что, к восемнадцати годам я выпивал по 12 банок пива в день, но мог и по шестнадцать, не особенно пьянея. Обычно мы соревновались в том, кто больше сможет выпить. Я всегда побеждал. Мои габариты помогали мне в этом. В 17 лет я был уже 190 сантиметров ростом и весил более 90 килограмм. Здоровый парень, который мог перепить любого. Это было круто.

В первый мой год в юниорах меня не допустили к игре. Наш тренер Дэйв Дрэйпер, по прозвищу Зиппи, пронюхал что-то о наших экспериментах со спиртным. После этого, меня и ещё одного форварда, Терри Маки, отправили домой. Терри и я отрывались с несколькими девчонками. Они были клеевые, но кто-то заложил тренеру, что они курят травку. Я же никогда не был особым любителем травы. Меня можно было дисквалифицировать за многое другое, но за траву??? Но тренер не желал слушать никаких оправданий, говоря, что ему хватит.

Я отправился назад в Уинзор, крепко отметил свое возвращение и неделю спустя вернулся в Brentford. К этому времени я появлялся в школе только чтоб погулять с девчонками или же встретиться с друзьями. Я провалил почти все экзамены – даже не открывал учебников и редко появлялся в классе. Зиппи поставил меня перед выбором – или школа или с самого ранья на лёд. Я забил на учёбу и в 9 утра уже катался на льду. Я так и не окончил старшие классы школы.

В тот год у меня случилась и первая, по-настоящему успешная, драка. Я сцепился с тафгаем из Кингстона, мне удалось удачно попасть, и я свалил его. И пошёл слух по всей лиге Онтарио, что я крутой парень.

Я не из тех людей, которые вечно чем-то недовольны и раздражены. Чтобы вывести меня из себя, нужно очень постараться. Но когда меня выведут, берегитесь, я становлюсь весьма злым, а если я достигну точки кипения, то знайте, у вас будут бооольшие проблемы. Я стал замечать, что у меня появилось больше пространства на льду, так что я взял на себя ответственность выучиться искусству драки, ради защиты моих одноклубников. Так я и получил своё амплуа на площадке.

Мне повезло ещё и с моим ростом. Я был почти самым высоким в лиге и с длинными руками. Я мог удерживать соперника на расстоянии, не давая ему ударить меня. Развивая мою технику ледовой потасовки, я использовал своё преимущество в длине рук. Мне нравилось ухватить противника за свитер или плечевой щиток и удерживать его так. Затем я отклонял и голову назад, так что он не мог ударить меня. После этого я начинал бить его, а он не мог ответить, потому что был слишком далеко от меня – на расстоянии моей вытянутой руки плюс еще несколько дюймов выигрывалось за счёт отклонения головы. Правда, я частенько забывал об этом способе драки. Намереваясь скинуть краги, я обдумывал план действий, однако, когда дело доходило до потасовки, все задумки улечувались и я действовал по обстоятельствам.

Драки были частью моей игры. Они стали моим пропуском в большие лиги. Мне надо было что-то противопоставить тем, кто катался лучше, чем я. Парни были не такие уж габаритные, зато более быстрые и способные, чем я. Так что, ледовые поединки стали необходимым дополнением, позволявшим мне получать больше игрового времени.

Передние зубы я потерял, отыграв первый сезон в юниорах. Не в драке, нет. Я приехал домой на пару дней и вышел погонять с друзьями шайбу. Мой сосед, Рон Санко, отпасовал мне, я неуклюже двинул клюшкой и зарядил ее стержнем себе в рот. Один зуб вылетел, второй сломался наполовину. Это была просто жесьть, ведь я только вернулся домой. Я собирался зайти в школу на следующий день, зависнуть с друзьями и тут вот такое.

Первый сезон в юниорах я закончил с 12 голами, 16 передачами и 133 штрафными минутами в 51 игре. Мы финишировали четвертыми в дивизионе Эммс – названном по имени бывшего ГМ Бостон Брюинс, который владел молодёжными командами в Барри и Ниагара Фоллс и подписал Бобби Орра. Четвёртое место выходило в плэйофф, так что я ещё в восьми играх на

вылет забил два гола, отдал две передачи и отсидел 23 минуты на скамье штрафников. Мы проиграли в полуфинале дивизиона Су Грейхаундс.

В том июне, на драфте НХЛ, генеральный менеджер Детройта Джимми Девеллано, выбрал меня - в третьем раунде, сорок седьмым. Он сказал, что решил выбрать меня после того, как увидел мой удар сопернику прямо над его рукой, удерживающей меня. Интересовалась мной ещё Филадельфия, но достался я всё-таки Красным Крыльям. Я не мог поверить в это. В драфте ОХЛ меня выбрали только в *седьмом* раунде. Джимми Ди считал меня игроком типа Кларка Гиллиса – здоровяк с умелыми руками. Он был единственным, кто не скрывал своего желания заполучить меня. Думаю, он сочувствовал мне из-за смерти моего отца. Ещё одним поводом, по моему мнению, была перестройка команды. Детройт набирал народ на перспективу, давая болельщикам надежду. В 60-х годах они четырежды доходили до финала кубка Стэнли, но в 70-е их называли "Мертвецами". Человек по шестьсот зрителей на игре считалось удачей. За семнадцать сезонов с 1966-67 по 1982-83, Крылья играли в плейофф всего два раза.

В 1983 году у Ред Уингс появился новый владелец, Майк Илич и тогда же у них выдался отличный драфт. Четвертым номером драфта они выбрали Стиви Айзермана, во втором раунде правого крайнего Лейна Ламберта, в третьем раунде ушёл я, в пятом к ним добавился левый нападающий Петр Клима и правофланговый игрок Джо Кошур, а в десятом они получили Стю (Комбайна) Гримсона.

Джимми Девеллано затем выпустил большинство задрафтованных Детройтом игроков пообщаться с прессой. Крыльям очень требовалась реклама. Когда Стиви, Джо, Клима и я начали играть за них, многие игроки из команды не могли пристроить свои бесплатные билеты, потому что не было желающих.

Я стоял позади Стиви. Он был почти на пятнадцать сантиметров ниже и на 20 килограмм легче. Он был очень серьёзен. При взгляде на него вы сразу понимали, что такого как он, никогда не встретишь соседом по тюремной камере или весело обсуждающим своё похмелье. Но было в нём нечто, что мне нравилось. Прикоснуться к этому нельзя, но у него было качество, присущее лишь избранным, заставляющее сражаться за него. Может быть, это называется способностью быть лидером.

МНОГИЕ ЗАНИМАЛИСЬ ЭТИМ

То, что вас выбрали на драфте, вовсе не означает того, что вы будете играть в НХЛ. Я вернулся в юниорскую команду на следующий год. Я не думал, что я буду жить у тех же хозяев, что и в мой первый год, однако тренер заставил меня позвонить им и извиниться, и они приняли меня обратно. Однако продолжалось это не долго. Я заявился домой сильно пьяным, после вечеринки новичков и хозяева позвонили в команду. Мне пришлось переехать к владельцу Александерс, Джеку Робилларду. И не мне одному, вместе со мной к нему поехал ещё Боб Пирсон. У Джека был отличный дом – бассейн внутри и на улице, просто огромный дом на огромном участке. У него были все игрушки для старшего школьного возраста, снегомобили и машины, на которых мы могли кататься. Это было обалденно. К тому и он, и его жена редко бывали дома. В доме у них ещё жила смотрительница, так мы все вместе приглядывали за домом.

Нет, я не спал со смотрительницей, но однажды я переспал с хозяйкой. Это она заарканила меня, а её муж так и не узнал об этом. У неё были красивые большие глаза, но она была слегка полноватой, с широким задом. Она постоянно всё поддевала меня: "Давай, большой мальчик, почему бы тебе не позаботиться обо мне?" В итоге, я как-то поддался на её намёки, поднялся к ней в спальню, где она лежала на кровати. Всё началось с обжиманий и в итоге всё закончилось сексом.

После этого я заволновался: "Какого чёрта я делаю?" Я беспокоился о том, как бы об этом не узнал её муж. Он был неплохим парнем.

Дальше всё стало ещё хуже. Она начала меня постоянно донимать, вновь пытаюсь сделать так, чтобы мы остались дома одни. В итоге, мне это надоело и я, типа, спихнул её своего другу, тоже не дураку выпить. Он начал за ней ухаживать, комплименты и всё такое, так что они стали любовниками. Я был только рад этому, потому что она меня реально напрягала.

Ещё один хороший приятель тоже спал с хозяйкой дома, в котором он жил. В юниорах такое часто случается, молодые парни трахают хозяйек. Сейчас это тоже случается. У пары, которую я знаю, жило двое игроков и жена начала спать с одним из них. А её муж был особо не против. Я рассказал об этом своей жене, и она спросила: "Может мы тоже в следующем сезоне пустим к себе на постой пару игроков Спитфайерс?"

У нас была жесткая команда. Тодд Фрэнсис был бойцом. Шейн Корсон умел махать кулаками. Помимо них был ещё я и пара других драчунов. Очень мощная, силовая команда подобралась.

Шейн был первым номером драфта в 1983, когда его выбрал Brentford. Той осенью он нарисовался в кемпе на новёхоньком Камаро Z28. Понтов в нём было выше крыши, так что однажды, после тренировки, Тодд насрал ему на капот. Мол: "Слышь, чувак. Ты – мудака. Не хер понтоваться". Насрал на новую машину, прямо на капот. Шейн так и не узнал, кто это сделал. И это, конечно же, не поумерило его понтов. Он разозлился, но всего лишь посмеялся над этим. Он вытер капот сам, парой бумажных полотенец, с таким видом: "Ха, мудацье, подождите, я найду того, кто это сделал". Обычное поведение Шейна. Хотя после мы были в хороших отношениях.

Игра в том году нам удавалась. Обычно на наши игры приходила пара сотен человек. Болельщики хорошо относились ко мне, зато Тренер Дрейпер постоянно втирал мне, что пора перестать пасов, надо самому бросать по воротам. В нашей пятой игре, 1-го октября 1983 года против Ошава Дженералс, я сравнял счёт в последние пять минут игры. За год до этого Генералы пробились в финал Мемориал Кап против Портланда. Главной звездой у них был Дэйв Гэнс, который в НХЛ сыграл всего ничего, за Лос-Анжелес, но в сезоне 1983-84 он набрал 132

очка. За них ещё играл Дэн Грэттон, выбор Лос-Анжелеса в первом раунде в 1985 году, который также не снискал лавров в Главном Шоу. Всего семь игр в НХЛ. Джон Маклин отыграл часть сезона за Нью-Джерси. По завершении карьеры у него было более 400 голов в НХЛ. Вратарь Кирк МакЛин был неповторим. Пятнадцать лет в НХЛ, вышел с Ванкувером в 1994 году в финал кубка Стэнли. И них был ещё Майк Стерн. Я и он были примерно одинаковых габаритов и с похожими результатами. Он завершил сезон с 76 очками и 118 минутами штрафа, а я набрал 73 очка и 189 штрафных минут.

Я играл в звене с Тоддом и Шейном. В тройке у нас была неплохая "химия". Три больших форчекера: Шейн – 187 см, 82 кг и Фрэнсис – 183 см, 97 кг. Мы не давали соперникам выйти из их зоны. 28 октября мы играли с Беллвиль Буллс. С ними у нас всегда было острое соперничество. Я уже забил к тому времени семь голов и пару раз неплохо подрался. Мы вздули их 4:2 и испортили им Хеллоуин.

Помню одного игрока, вроде бы Али Буторац, защитник. Он не был высоким, зато был весьма крепким. Он катился вдоль нашей скамейки, когда начал что-то высказывать нам. Это требовало большой смелости, потому что мы были злобной командой. Но и Беллвиль был неуступчивой командой, так что такие выпады могли позволить себе только они. Двое наших – Роб Моффат, здоровый защитник, но не любитель драк и правый крайний Дуг Стюарт, сграбастали Бутораца и повалили на лавку, устроив ему чудо-карусель. Роб харкнул ему в лицо. Беллвиль в полном составе помчался на выручку, Тодд повернулся ко мне со словами: "Давай наваяем им" и прыгнул на лёд, со мной и Шейном позади. Мы неплохо провели тогда время, даже наш вратарь, Крис Пуси, покинул свои ворота, покотившись на randevу с их кипером, Крейгом Биллингтоном. Но нас было меньше, так что трое беллвильцев били одного Тодда. Они лупили его в стиле мафии – двое держат, третий бьёт его. В итоге, он оказался в госпитале, с травмой глаза. Восемь наших удалили до конца игры, так что оставшиеся полчаса мы доигрывали в двенадцать человек. Мы всё-таки выиграли игру, и, думаю, та драка сплотила нас как команду.

Перед следующей игрой адреналин бурлил в моей крови. Хотелось сделать что-то запоминающееся. Игра была в Уинзоре, и я забил пару шайб Спитфайрам. Но вели мы с разницей всего в одну шайбу, так что я устроил заварушку прямо на следующем вбрасывании, так чтобы они точно не отыгрались. Моего соперника пришлось уводить со льда, самостоятельно катиться он не мог. А я был крут, в драке лишился свитера и ехал на скамейку с голым торсом. Моя семья и друзья просто сходили с ума.

В следующей игре с Садбери Волфс я записал на свой счёт первый хет-трик. Хотя Зиппи всегда ругал меня за то, что я всегда играл слишком близко к воротам соперника, но я считаю, что это не было таким уж криминалом. Я еще поработал над щелчком и 9 декабря забросил победную шайбу в овертайме, броском с 8 метров. Всего очко отделяло нас от первого места в дивизионе Эммс. Когда всё идёт хорошо и уверенности в будущем хватает, я это праздную. Бесплатные напитки и женское внимание нам было всегда обеспечено.

Помимо Корсона, Стюарта и меня, за нас играл ещё Майк Миллар, забивший 50 голов в том сезоне, а затем поигравший в НХЛ за четыре команды и завершивший карьеру в Европе. Из будущих нхловцев у нас был ещё Брюс Белл, отыгравший несколько лет в НХЛ, в основном за Квебек и Сент-Луис.

35 голов – это отличный результат для тафгая, так что меня выбрали в команду дивизиона Эммс в матче Всех Звезд ОХЛ в городе Гельф. Помимо меня в команде оказались Белл и наши вратари Бестер и Пуси. Наш тренер Дэйв Дрэйпер был тренером команды Эммс. Я был весь в нетерпении перед игрой, а в этом состоянии я становлюсь очень беспокойным. За день до игры, мы отправились в бар в кампусе Университета Гельфа – все, кто должен был играть, были там. Ну и паре игроков пришлось помочь оттуда уйти. Белл и я жили в одном номере и мы, то ли не услышали звонка на подъём, то ли его вообще не было, в итоге опоздав на утреннюю раскатку. На тренировку мы успели, но фотосессию пропустили. Думаю, Тренер Дрэйпер

разозлился на нас. Он пришёл к нам в номер и заявил, что планирует исключить нас из числа участников матча.

Зиппи был отличным, честным мужиком. Он редко выходил из себя. Он посоветовал нам отправиться на неделю домой и всерьёз задуматься, что мы собираемся делать дальше, ведь мы оба были задрафтованы в НХЛ. Мы должны были осознать, насколько мы облажались. Он добавил: "Пусть ваше возвращение станет для вас новым стартом. Я просто хочу, чтобы вы играли и не искали себе неприятностей". После этого он ушёл, ему нужно было еще сделать пару звонков.

Это было плохо. Джимми Ди из Ред Уингс должен был присутствовать на игре и скауты из Квебека, посматривающие на Брюса. Вдобавок, на игру выехала моя семья. А Зиппи, тем временем, позвонил Шейну Корсону и ещё одному нашему одноклубнику, Джону Мелинбруксу. Они и заменили нас в составе. Зиппи также отстранил от игры Джима Мэйна из Гельфа, заменив его на одноклубника Тревера Стинбурга.

Джимми Ди был в ярости. Он сказал, что задрафтовал меня, потому что видел мой потенциал, даже несмотря на не впечатляющие показатели моего первого года в юниорах. Он не мог поверить, что я так глупо просрал свою возможность поиграть за Уингс и выставил его на посмешище. А Зиппи решил, что урок стоит продлить и отправил меня домой ещё на неделю.

Мы завершили сезон на втором месте, в двадцати пяти очках от Китченера. В плейофф мы вновь скрестили клюшки с Су Грейхаундс и снова уступили. Я был третьим бомбардиром команды (35 голов, 38 передач, 73 очка в 65 играх). Лидерами были Миллар (50 – 45 – 95) и новичок Джейсон Лафренье (24 – 57 – 81). Несмотря на то, что я был дисквалифицирован, Детройт пригласил меня в тренинг-кемп, летом 1984-го. Дальше этого дело не пошло, я по возрасту еще год мог играть в юниорах, туда-то меня и отправили.

Летом Александерс переехали в Гамильтон, сменив название на Стил Хокс. Дрэйпер оставался тренером. Он знал многое об игре, хороший учитель для будущих профессионалов. К нему всегда можно прийти и поговорить по душам, он никогда не выказывал неудовольствия. Я беседовал с ним несколько раз тет-а-тет, и он посоветовал мне изменить себя, потому как я толкал некоторых на неверный путь. Он собирался слегка подзатянуть гайки. Он слышал о дерьме на машине Корсона и не хотел, чтобы подобное повторилось. Он также запретил посвящение новичков. Порой новичков запирали голыми в туалете автобуса или им приходилось играть в перетягивание каната на привязанных к членам шнуркам от коньков. Глупо, но это было традицией. Все бреют себя с головы до пят, когда попадают в юниоры – я брился, даже Гретцки брился – и теперь Зиппи хочет избавиться от традиции. Я поспорил с ним на этот счёт, однако он предупредил, что не допустит обривания новичков и что он надеется, что отстранение от Матча Всех Звёзд пошло мне на пользу и я стал более ответственным.

Первые четыре игры нового сезона я еле передвигался по площадке. Я старался стать серьёзным, не зависая по ночам в барах. Но, на вечеринке новичков, все обошлись, и мы решили вновь вернуться к традиции обривания. Закончилось всё ожесточённой перепалкой с тренером, после чего меня отправили домой.

По этому поводу я особо не парился, разве что мне не понравилось, что он высказался обо мне в прессе. Спортивному редактору Brentford Экспозитор Теду Биру он заявил, что собирается подыскать мне новую команду: "Мы много от него натерпелись за эти годы. Терпению пришёл конец". Я читал эти старые статьи и думал: "А вот тренер, который говорит всякую херню о своём собственном игроке, девятнадцати лет от роду". Джимми Ди он сказал, что я нарушитель спокойствия и ему по барабану, что я делаю, но в Гамильтоне меня больше не будет. Джимми Ди вовсе не улыбалось видеть меня без дела, теряющим понемногу форму и влипающим в неприятности. Он решил подписать со мной профессиональный контракт, пока я ожидал трейда в другую юниорскую команду. Я нанял Донни Михана своим агентом и 1-го октября 1984 года подписал трёхлетний двусторонний контракт, с возможностью продления ещё на год. В НХЛ моя зарплата бы составляла 65000 – 70000 – 80000 и 85000 долларов. В низших

лигах я получал бы по 25000 долларов. Если бы я остался в другой юниорской команде ОНЛ, я получал бы по 5000.

Я переехал в Детройт и начал тренироваться под руководством тренера Уингс Ника Полано. Я был ужасен – определённо не готов играть в Шоу прямо сейчас. Не мог обработать пас, падал на ровном месте, а катание было просто отвратительным. Нервничал, как никогда в жизни, посмотрели бы вы тогда на мои ногти на руках. Плохая форма – это очень напрягало, однако, меня всячески поддерживали. Я получал дополнительное время на льду и много тренировался в зале – боксировал с грушей, таскал тяжести, проводил тренировки с отягощением, в общем, стремился на новый уровень.

До того момента я толком и не осознавал, что всё-таки пробился наверх. Многие из тех, с кем я играл в юниорах, были задрафтованы, однако, они так и оставались игроками низших лиг. Среди них были по-настоящему хорошие игроки. Но после тренировки с Уингс и разговора с Джимми Ди, словно лампочка зажглась у меня в голове. НХЛ стала выглядеть для меня как весьма реальной целью.

КРИСПИ

Когда я тренировался с Уингс, тренер Су Сент-Мари Грейхаундс Терри Крисп и их ГМ Сэм МакМастер прослышали, что я свободен и решили, что я и есть та самая недостающая часть пазла на их пути к Мемориал Кап. Они устроили командный опрос, и никто не высказался против моего прихода в команду. Один из них, Грэм Бонар, игравший раньше за Спит-файерс, заметил, что иметь меня в своей команде гораздо лучше, чем играть против меня.

Криспи был крут. Он играл за Филадельфию Флайерс семь лет в годы Дэйва Шульца и Разбойников с Большой Дороги. Похожую команду он и создавал из Грейхаундс. Дисциплина в команде была армейской – выкладывались и на тренировках и в играх. Джимми Ди решил испугать меня. Он сказал, что это мой последний шанс, я и так испортил всё что можно. Если я взялся бы за старое, Криспи пообещал погрузить меня на медленную лодку и отправить в Китай. Когда я приехал в город, Криспи позвонил мне, рассказал, что команда играет в олдскульный хоккей, рассчитывает на победу, и я должен отлично вписаться в коллектив.

По мне это звучало неплохо.

Тем временем забеременела моя подруга. Я уже договорился о переезде в Су, но не мог я взять и бросить её одну. Она собиралась сделать аборт. Я подумывал звякнуть Криспи: "Эй, тренер, извиняюсь, но я не смогу играть, моя девушка будет делать аборт, я должен быть с ней", но решил, что это не сработает. Я позвонил одному из своих лучших друзей и договорился с ним, что он отвезёт её к врачу и побудет там с ней. Это испортило наши отношения с девушкой. У нас был разговор после того, но всё было уже не то.

Криспи поставил меня в первую тройку к Бонеру и центру Уэйну Гро. У нас сложилась хорошая "химия". Гро забросил 59 шайб и отдал 85 передач – 144 очка. Только у Дэйва Мак-Лина из Беллвилля (64 – 90 – 154) было больше очков. Бонер поделил первое место в лиге по голам, 66, и стал четвертым по результативности с 137 очками. Я же появлялся на льду в 44 играх, набрав 72 очка, 20 шайб, 52 передачи. Стратегия Криспи была проста: "Просто играй в хоккей". Соперники постоянно донимали меня, однако Терри не хотел, чтобы я поддавался на их провокации. Я же делал то, что он говорил. Одна из наших игр в Гамильтоне транслировалась по ТВ, как игра недели ОНЛ. Су против моей старой команды. Они всегда были непримиримыми соперниками, с тех пор как Стилхоукс базировались в Брентфорде. Тренировал Гамильтон Билл ЛаФорж. Он был известен своей манерой набирать в команду забияк. Комиссионер ОНЛ Дэвид Бренч перед игрой зашёл к нам и попросил играть чисто и не портить репутацию хоккея. Говоря нам об этом, он смотрел на меня, выглядя довольно обеспокоенным.

В первом периоде было много ругани со стороны обеих команд, что меня начало потихоньку выбешивать. Обстановка накалилась, начались мелкие стычки и столкновения и внезапно началась драка. Все разбились на пары, сцепились даже вратари. Драка, казалось, длилась вечность – минут двадцать, на самом деле. Десять хоккеистов удалили до конца игры, включая меня. Ла Форжа дисквалифицировали до конца сезона, включая плэйофф.

Брэд Далгарно, заменивший меня в Гамильтоне, был примерно моих размеров и не боялся драк, но ему было всего 16, так что побить его не было большим достижением. Я расправился с ним и обнаружил, что трём моим одноклубникам требуется помощь. Помню, я взглянул на Криспи, он кивнул мне и я накатил сразу трём Стилхоуковцам – бац, бац, бац. Это было весело, реально весело.

Болельщики во всех городах по-настоящему болеют за свои молодёжные команды. Мне нравилось играть в Оттаве, где живут сестра моей матери, Тетя Пэт и её муж, Дядя Майк. Однажды, когда у нас там была игра, я позвонил им и сказал, что мы могли бы встретиться после игры. Я вышел наружу чуть позже, чем ожидалось, и они уже начали беспокоиться, потому что

остальные игроки уже загрузились в автобус. Дядя Майк, он учитель, сказал: "Боб, в автобусе уже двадцать с лишним игроков, ждут тебя. У тренера уже, наверное, идёт пар из ушей". Мы двинулись к автобусу, но перед ним всё ещё стояла толпа болельщиков, ждущих автографов и каких-нибудь сувениров. Тетя Пэт собрала мне большую сумку еды, и я сказал ей держать её крепче. Когда я открыл дверь, я закричал: "Извините, у нас тут женщина с ребёнком". Все разошлись, дав нам пройти к автобусу.

Мне всегда говорили: "Боб, у тебя нет чувства времени" и, думаю, в этом что-то есть. Я слышал, на это часто жаловались, но мне нравилось делать то, что я делал. Криспи однажды сказал мне, что он поручал игрокам приглядывать за мной. Типа: "Уэйн, возьми Боба сегодня с собой и когда с тебя хватит, сдай его Скотти". Он знал, что я не отказываюсь зависнуть с кем-нибудь, замутив веселуху, так что он выбрал "правильных" парней, чтобы они занимали меня "правильными" делами. Помню, приятель мне как-то рассказал, что игроки жаловались на эту обязанность. После двенадцати часов тусовки, жратвы и телевизора они падали с ног от усталости, а я был готов к новым подвигам. План Криспи работал по большей части, но иногда всё было наоборот, когда выбирал занятия я.

Джоэль Браун, защитник, был неуступчивым игроком, часто скидывающим краги. Его обменяли из Оттавы 67 в Китченер Рейнджерс, где он играл с моим будущим одноклубником в Адирондайке и Детройте Шоном Буром. Я слышал, комментаторы говорили об этом, когда началась драка, и мне показалось, будто я стал сильнее. У меня, во время потасовки, будто что-то поднимается изнутри, вместо усталости. Я так сильно хочу победить, что перебарываю усталость. Полагаю, это адреналин или что-то в этом роде. Очень злит, когда не выигрываешь, а если ты проиграл одну драку, затем уступил в следующей, потом в ещё одной, то команда может и избавиться от тебя или же отправить в низшие лиги. Что-то вроде: "Этот парень не помогает нам выигрывать, он не может переломить неудачно складывающуюся игру. Это нам не подходит, так что либо обменяем его, либо подтянем кого-нибудь посильнее", Чтобы оставаться в лиге, нужно преодолеть большое давление и быть способным победить в драке.

В одной из игр Джоэль размашистым ударом влепил мне прямо в лоб. Я же просто взглянул на него и начал ржать. Как раз в этот момент и выигрывается драка.

Криспи доверял мне. Надо сказать, я задолжал ему за это. Он дал мне шанс, когда я в нём и нуждался. Он всегда говорил мне что-нибудь подбадривающее, типа: "От синей линии до ворот соперников немного есть игроков лучше тебя". Он говорил, что у меня умелые руки, я хорошо вижу площадку и знаю, что делать на ней. У него была теория, что соперники побаивались меня, так что он советовал, когда я получал шайбу, пользоваться их страхом и идти по свободной площадке к воротам. Моя уверенность всегда была высокой в сезоне 1984-85.

Грейхаундс доминировали в ОНЛ в том году. Мы выиграли дивизион Эммс с 22 очками отрыва, выиграли все 33 домашних игры, завершив сезон с результатом 54 – 11 – 1. Девять игроков из нашего состава отыграли минимум одну игру в НХЛ: Уэйн Гро, Уэйн Пресли, Роб Зеттлер, Крис Феликс, Дерек Кинг, Тайлер Лартер, Кенни Сабурин, Джефф Бьюкибум и я. Криспи тренировал Калгари Флеймс в год их единственной победы в кубке Стэнли в 1989 году. Гро завоевал Ред Тилсон Трофи, приз самому выдающемуся игроку лиги; Криспи получил приз "Тренер года"; наши вратари, Скотт Моузи и Марти Абрамс завоевали награду как пропускавшие наименьшее количество голов за игру; Кингу достался "Новичок года".

В плэйофф мы победили Китченер, Хэмилтон и Петерборо, выиграв Росс Робертсон Кап как победители лиги. Это значило, что мы отправимся на Мемориал Кап, национальный молодёжный чемпионат. Тремя другими командами были: Принс Альберт Рейдерс, чемпионы WHL, Вердун Джуниор Канадиенс, победители квебекской лиги и Шоуинигем Катарактс – хозяева розыгрыша. В полуфинальной игре против Принс Альберт я подрался с Кеном Баумгартнером. Рейдерс вели в счёте, когда он толкнул меня в наши ворота. Он натянул мне свитер на голову, удерживая мои руки, и завалил меня на лёд. Это очень разозлило меня, никто ж не любит про-

игрывать, так? В моей голове засели слова моего отца: "Ты должен быть сильным. Если ты проиграл в драке, ты выглядишь лузером или слабаком".

Так что я был весьма зол. Мы орала друг на друга по дороге на скамью штрафников. "Да, когда я выйду отсюда, тебе кранты". Обычно я много не болтаю, но порой на меня находит. А в тот момент я был весьма близок к своей точке кипения. "Ты, мудака, когда мы выйдем, мы будем драться, прямо здесь! Прямо здесь, приятель, прямо здесь",

Мы отбыли своё наказание, вышли на лёд и подрались. Но такая вот штука, когда я выходил со скамьи, я не закрыл дверцу. Просто выпрыгнул на лёд и встретил его у борта. Мы начали бороться и толкаться и он отлетел от набортного плексигласа. Мы завалились прямо в мой отсек штрафников, я был сверху.

Его голова оказалась прямо под скамейкой. Я бил его ударами сверху вниз, но попадал, по большей части, ему в шлем, а он умудрялся отвечать мне ударами сбоку головы. Один из лайнсменов уселся мне на спину, схватив за наплечники, пытаюсь оттащить, но я никуда не собирался. Он попытался перелезть через борт и влезть между нами. Потом просунул руки под мной и вновь начал меня оттаскивать. Я по-прежнему и не думал поддаваться. Другой лайн-смен склонился над Баумгартнером, пытаюсь затащить его подальше от меня, глубже под скамейку. Наконец, они смогли разнять нас. Было забавно – Кен встал, а его джерси сзади был весь коричневый из-за грязного пола в пенальти боксе. И никто сильно не пострадал. Мы бились с ним ещё пару раз в профессионалах. Он всегда был сильным соперником.

Меня отправили в раздевалку, удалив до конца игры, и это стало концом моей карьеры в молодёжных командах. Мы проиграли Рейдерс 3:8, которые затем победили Шоуинигем в финале 6:1. Я был разочарован, так как всерьёз считал, что мы могли выиграть Мемориал Кап в том году.

КТО-НИБУДЬ СДЕЛАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ

Летом 85-го я неплохо проявил себя в кемпе Детройт Ред Уингс. Я набрал больше всех очков во внутрикормандных матчах и стал лучшим бомбардиром команды в предсезонке. Это был мой третий кемп, так что я начал его, будто я уже профессионал. Криспи неплохо подготовил меня, так что я старался изо всех сил. Первые два кемпа я думал: "Ну а хрен ли, если не пробьюсь в состав, вернусь в юниоры". В этом году такой возможности уже не было.

Гарри Нил тренировал Детройт в то время. Не думаю, что он и Джимми Ди считали меня траблмейкером, но я беспокоился потому, что меня могли отправить в АНЛ, ведь в Детройте было три отличных левых нападающих: Джон Огородник – 50 шайб в 1984-85, Уоррен Янг, свободный агент, подписанный на большие деньги после его выдающегося года в Питтсбурге и Петр Клима, сбежавший из Чехословакии тем летом. В итоге, меня и отправили в Адирондак той осенью, ударив по моему эго. Я был сокрушён этой ссылкой.

Адирондак Ред Уингс играли в Глен Фоллс, штат Нью-Йорк, в пятидесяти милях к северу от Олбани, в восточной части штата. Я жил вместе с нашим вратарём, Келли Пуси (мой одноклубник по Брентфорду) и защитником Дэйвом Королом. Я превратил гостиную в мою спальню, и они постоянно жаловались, что там воняет как от кошачьего лотка. Хотя я и был разочарован, что не попал в Шоу, мне нравилось там. Бары были открыты до 4 утра и никто на тебя не давил. Тренером был Билл Динин, игравший за Детройт в 50-х. Хороший мужик.

Команда играла в дивизионе Норт с Монктоном, Фредериктоном, Галифаксом, Шербруком и Портлендом, что означало, что у нас было много времени для зависания в барах на выездах. Мы обычно выезжали в Маритаймс и играли по два раза с Монктоном, Галифаксом, Фредериктоном, а затем отправлялись домой. У нас была система: выиграла игру, затем в бар и бухать. На следующий день тренировка, от полудня до сорока пяти минут, а потом опять по паре пива. Когда я попал в лигу, все пили в обед. Это было почти обязательно, словно командная тренировка. В неигровые дни мы обычно где-нибудь собирались и опять ударяли по пивку. Это было полезно для поддержки морального духа. Это сплачивало команду. А сейчас все проводят время по своему.

Сезон 1985-86 я поделил, играя за Адирондак и Детройт. Первый мой вызов в НХЛ пришёлся на первую неделю ноября. Уингс тогда были в очень бедственном положении – 12 игр и всего одна победа. Подозреваю, что они решили, что я не смогу навредить им больше, чем уже есть.

Со мной в Детройт часто поднимали ещё и Марка ЛаФореста (Триса). В первую же неделю его пребывания в НХЛ несколько одноклубников схватили его в душе на Джо Луис Арене. Они завязали ему глаза, сняли остатки одежды и привязали в распятом виде к багажной тележке. Да-да, полностью голым. Другие новички не могли этому никак помешать, они просто сидели и смотрели. Его обрили с головы до пят и разукрасили ступни в черный цвет. Затем разукрасили ноги полосками, так что он стал похож на символ парикмахерской.

Он, тем временем, начал петь "Jumpin' Jack Flash" во всю мощь своих лёгких, словно его ничто не беспокоило.

После его выкатили на середину льда. Все уборщицы, убиравшие трибуны, начали подшучивать над ним, типа: "Бедняга, ты же так замёрзнешь". Марк же продолжал петь, и ветераны начали кричать: "Мы так и знали, что тебе это понравится, извращенец". Их идеей-то было понятно что, попугать новичков команды, а тут он, поёт, как ни в чём не бывало, наслаждаясь моментом. Я был горд за него.

В завершение шутники сказали нам: "Давайте, забирайте его". Я выбежал на лёд с криком: "Трис! Пора идти!" Я развязал ему руки и ноги, а потом мы сидели в раздевалке и ржали над этим. Поскольку Трис был вратарём, то главным действующим лицом в его испытании был

наш основной кипер Эдди Мио. Так что я предложил побрить Эдди. Я сказал: "Вот что мы должны сделать. Я схвачу его и завалю на пол. Хрен он от меня куда денется".

Трис идею не одобрил: "Не знаю, Боб. Они тогда убьют нас",

"Может, тогда свяжем ему ноги"

"Пожалуй, не стоит".

"Я серьёзно".

"Нет, Боб, не нужно этого".

Минут через пять, в середине раздевалки, я запрыгнул на Эдди и повалил на пол, крича: "Трис, я поймал его!" Трис был в ужасе: "Ради всего святого, отпусти его, Боб".

Через несколько дней Дэни Гар и Дуайт Фостер подошли к Мио и предложили побрить меня. Но Эдди ответил: "Как хотите, но я не буду принимать в этом участия". Но они упорствовали: "Давай, ты его знаешь, он из твоего города. К тому же, он хотел достать тебя. Давай, просто держи его. Мы не станем его брить на самом деле". Эдди согласился.

Он подошёл ко мне и сказал: "Бобби, пойдём, мне надо поговорить с тобой". Мы вышли, разговаривая, и тут он внезапно накинулся на меня, а ещё человек пять схватили меня со спины. Я начал вырываться, но Эдди прошептал: "Бобби, не надо. И не бей меня, они просто хотят поугагать тебя". Я умерил свои попытки вырваться, так что они водрузили меня на стол и привязали.

После этого Дуайт Фостер достал бритву, побрил меня, и меня разукрасили так же как и Триса ранее, разве что меня никуда не вывозили из раздевалки. Когда они закончили, они сбегали, так что отвязывать меня пришлось тренеру и завхозу.

На следующий день мы все смеялись над этим. Всё осталось в прошлом. Я официально стал частью команды.

В том сезоне я сыграл 32 игры в АХЛ (12 шайб, 15 передач) и за Детройт 44 игры (8 шайб, 13 передач). В Адирондайке я заработал 152, в Детройте 186 штрафных минут. Я знал, что, если я хочу остаться в Шоу, я должен драться со всеми тафгаями. Именно этим я и занимался.

Моя третья драка в НХЛ пришлась на первый период игры с Флайерс 14 декабря 1985 года. Соперник был здоровенный Дэйв Рихтер, 98 кг, 196 см. Он был в игре только ради драки. Я неплохо выступил против него. Определённо, ты бьёшься с лучшими, предупреждая заранее о своих намерениях, а не просто прыгая на него. Честная драка, ты хватаешь мою руку, я хватаю твою и посмотрим, кто победит. Я всегда хотел биться честно.

Но попадают и грязные игроки. Они тянут тебя за волосы или пытаются выдавить глаза. Но, в основном, тяжеловесы в НХЛ дерутся честно. Бывают, некоторые хватают тебя за руки, стараясь не попасть под удар и пытаюсь обозначить свои удары, чтоб было похоже на драку. Но, всё-таки большинство бьются по-честному.

Я думаю, фаны тоже предпочитают видеть хоккеистов, старающихся врезаться друг другу хорошенько, а не просто танцующих на льду.

Потом я неплохо побился с Риком Токкетом, который подрался 23 раза в том сезоне. Джон Барретт, один из наших габаритных защитников, хитанул Рича Саттера, отправив его на скамью запасных, и брат-близнец Рича, Рон, сбросил краги. Началась массовая заварушка и мы с Токкетом дрались прямо перед скамейками штрафников.

Я честно дрался, до тех пор, пока Токкет не врезал мне пару раз головой. Я ответил ему тем же, и под конец это стало хорошей честной дракой.

Мой брат Норм был на трибунах с приятелями. Когда он увидел, что Токкет бьёт меня головой, он сбежал вниз, к скамье штрафников. Только прибежав туда, он задумался: "И, блин, что теперь?"

Команда в Адирондайке была сплавом из игроков, отыгравших почти всю карьеру в низших лигах (Джордж Робертсон и Тед Спирс), завершающих карьеру (Эдди Джонстон, Барри Мелроуз, Бретт Каллиген) и новичков (я, Шон Бурр, Джо Кошур и Адам Оутс). Мы стали

первыми в дивизионе, обойдя Мэйн Маринерс на одно очко. Соперниками по первому раунду плейофф стал Фредериктон Экспресс. В первой игре их тафгай, Ричард Землак, набравший 280 минут штрафа в том году, вышел на лёд накалить обстановку. Я уважил его, но поскольку драка закончилась быстро, не думаю, что он выходил ещё на площадку. Во второй игре он врезался в меня, но потом вдруг решил, что драться со мной не хочет. Но было уже поздно – я не позволил ему безнаказанно свалить после такого наезда. Подобное могло плохо отразиться на моей репутации. На этот раз я побил его в одну калитку, не дав ни разу контратаковать. После он рассказал, что знал, что он выглядел весьма неубедительно, после чего болельщики стали называть его ссыкливым цыплёнком. Вот это и есть пример давления, которое испытывает хоккейный боец.

В Глен Фоллс мы поделили победы, затем Уингс выиграл третью игру, в Фредди Бич. Два дня спустя Фредериктон разбил нас в пух и прах. К середине второго периода мы летели 1:5, после чего тренер заменил Триса. На ворота встал Пуси, который поначалу все неплохо ловил, однако, в третьем периоде Фредериктон вновь начал забивать. После забитого гола они прокатились вдоль нашей лавки, победно вскидывая кулаки в воздух. Ненавижу такое поведение. Спустя минуту они довели счёт до 1:7 и вновь поехали вдоль нашей скамьи. Какого хрена – вы и так выигрываете? Трис сидел в конце лавки, злобно крича: "Кто-нибудь, сделайте что-нибудь. Так быть не должно. Эти сучары... Сделайте же что-нибудь".

Я взглянул на их вратаря, Фрэнка Каприса. Он творил чудеса в воротах в том матче. Вряд ли мы смогли бы забить ещё одну, да и зачем. Однако, кто-то должен был сделать что-то. Я вышел на лёд и погнался за их защитником Нилом Белландом, игравшим немного в Ванкувер Кэнакс. Он прокатился с шайбой за воротами, а я срезал угол и впечатался в Каприса. Он ударился о перекладину. Ловушка отлетела в одну сторону, клюшка в другую, маска слетела, ворота поехали к борту. Каприс рухнул на спину, скользя по льду. Белланд подлетел ко мне, намереваясь отомстить, однако я ухватил его за шею, зажав его голову подмышкой. Спиной я повернулся к борту, ожидая, что на меня прыгнет кто-нибудь ещё. Смельчаков не нашлось и я отпустил Нила и покатыл на скамью штрафников. Ни один из соперников не тронул меня.

Каприса вынесли со льда на носилках, а меня дисквалифицировал до конца серии президент АНЛ Джек Баттерфилд. Тренер Фредериктона, Андре Савар, начал жаловаться по поводу ударов исподтишка, тактики устрашения и тому подобное. Но, по мне, проблема была в них самих. Никто из них не вступился за Каприса.

Счёт в серии вновь сравнялся 2:2. В следующей игре в Глен Фоллс уже мы поглумились над ними. Счёт 9:3 и Каприс был совершенно не похож на себя двухдневной давности. Думаю, он толком не мог ещё увидеть шайбу, потому как вырубил его я качественно. Ну и в завершение мы выиграли у них 5:4 во втором овертайме.

Я не играл в полуфинальной серии против Монктона. Мне вlepили обвинение в езде в пьяном виде в Уинзоре. Я отмечал победу, когда копы загребли меня и отправили на ночь в камеру, заявив, что мои глаза были налиты кровью, от меня разлило алкоголем и я шатался. Так что мне пришлось разбираться с этим. К счастью, Монктон не был силовой командой, так что Динин не должен был сильно злиться на моё отсутствие. Я ему нужен был на финал против Херши Бирс, где тафгаев было хоть отбавляй.

Мы выиграли у Монктона в пяти играх, тогда как в другом полуфинале, между Херши и Сент-Катаринс, потребовались все семь игр. У нас выдалось шесть дней отдыха. У наших тренеров было правило – никакого бухалова во время плейофф. Но, во время образовавшейся паузы, я и Трис отправились в бар в Глен Фоллс. Догадайтесь, кто туда зашёл? Правильно – тренер.

На следующий день Трис пришёл к Динину извиняться: "Слушай, извини нас. Бобби и я зашли туда пропустить пару стаканчиков"

Тренер ответил: "Хорошо. Вы не единственные, я запалил вчера семнадцать человек".

Наша команда побаивалась Херши Бирс, фарма Филадельфии. Они хитовали больше чем мы, в составе у них были настоящие громилы и талантливые игроки. На первую игру в Херши

пришло около восьми тысяч человек. Во второй смене в углу площадки меня вызвал на бой габаритный защитник Майк Стозерс. Я принял его вызов, а уже в следующей моей смене "потанцевать" меня пригласил их капитан Дон Нахбаур, прямо перед скамьей Херши.

На следующий день журналист гленфолловской "Пост-Стар", Гордон Вудворт поведал, что моё "уничтожение" Нахбаура "даёт команде больше места для манёвров" во второй игре. Они перестали ловить нас на силовые приёмы. После свистка больше не было каких-то тычков, зацепов и прочих наездов. Ну и поскольку таланту у нас было больше, мы выиграли Колдер Кап.

Ночью после выигрыша кубка Колдера была большая вечеринка. Шампанское подавали нам прямо на лёд. Закончилось празднование в баре "Трейдиг Пост". Трис вышел отлить, но туалет был занят. Он начал стучать в дверь. Спустя некоторое время оттуда вышел какой-то здоровяк, недовольно посмотрев на Триса. Через час, когда Трис собрался уходить, тот здоровяк стоял у двери. Трис подошёл ко мне и зашептал: "Проби, видишь того чувака? Он здоровый как холодильник, просто гора мускул".

"Ну и что?"

"Он собирается убить меня".

"Да ладно, что ты гонишь?"

В итоге я отправился к нему и спросил: "У тебя проблемы с Трисом?"

"Да. А у тебя какие проблемы?"

Я вытащил свой зубной протез и положил в карман: "Давай, пойдём выйдем, Халк Хоган".

Целой толпой мы вывалились на улицу. Я не хотел, чтоб меня дисквалифицировали, так что я дал ему ударить меня в лицо раз пять или шесть. После этого я схватил его, не давая двинуться и спросил: "Все видели, что он ударил меня первым?" Закончилось всё тем, что я свалил его на землю. Мой приятель-одноклубник Шон Бурр сказал, что видеть это было стрёмно. Я нашёл свой пиджак и вернулся в бар, продолжать пить. Позже я съездил в больницу, зашить пару рассечений. В конце концов, это моя работа – защищать одноклубников, на льду и вне него.

Первый раз я попробовал кокаин, когда мы праздновали победу в кубке Колдера. До этого я всегда опасался наркотиков. Я слышал, что они могут сделать разумом, так что я держался от них подальше. Но мы оттопыривались, и одноклубник позвал меня: "Пойдём в ванную, я хочу, чтобы ты попробовал что-то".

Я отказался, но он настаивал: "Давай, тебе понравится, заодно протрезвишься и тебе будет кайфово".

"Нет, нет, я и так в порядке".

Позже, уже под конец, мы отправились в другое место, и хозяин дома предложил: "Боб, пойдём со мной". Мы поднялись наверх. На этот раз я был уже изрядно выпивши, так что все мои страхи улетучились.

На комод в его спальне уже было насыпано много дорожек порошка. Он протянул мне свернутую купюру, и я втянул несколько дорожек. О, да, это была любовь с первого взгляда. Я был слегка не в форме от выпитого, но внезапно мозги прочистились. Кокаин придал мне энергии, я почувствовал себя Суперменом. Это было зашибись.

Через час я снова подошёл к нему и попросил ещё. Но нет, у него всё закончилось.

Я по-прежнему жил в отеле "Квинсбери" в Глен Фоллс (Комнату мы делили с Пуси и Королом). Я вернулся в отель, подошёл к девушке на ресепшене – она была немного старше меня – и спросил: "Не знаете, где тут можно достать кокаина?". Так всё обыденно, будто я её спросил, где можно купить зубную щётку. Видели бы вы её взгляд. Она покачала головой: "Нет, я никого не знаю". Вот так всё было в первый раз. И я хотел ещё.

На следующий день я отправился в Детройт с ещё одним игроком, старше меня. Один из молодых ехал за нами до хайвея. Мы ехали на запад, ему же надо было на север. На развилке

мы остановились, съехав на обочину. "Старик" вытащил пакетик и поделил его содержимое пополам с молодым. Ехать нам предстояло целый день, так что старший намеревался принять дозу до выезда на интерстейт. Он спросил меня: "Хочешь?" Я же всё утро думал о том, как было круто после "дорожки", так что я естественно ответил согласием. Когда ты принимаешь кокаин на трезвую голову, ты чувствуешь отвратительный вкус во рту, так что я начал плевать. Напарник остановил меня: "Хорош плевать. Пусть он всосётся, разойдётся по твоему телу". Я сделал так, как он сказал, но, помню, что плевать хотелось ещё больше.

Последняя наша игра в финале кубка Колдера состоялась 21 мая 1986 года. Двадцать восьмого же до Ред Уингс дошли вести о моём задержании полицией, так они отправили меня на курс реабилитации. Причём оплачивать её должен был я сам. Я не считал это такой уж проблемой. Понятное дело, если бы я отказался, то это не осталось бы без последствий. Но дата начала лечения отложилась из-за того, что у меня обнаружился мононуклеоз и острая ангина.

На лето я уехал домой. Я жил у матери, так что особой возможности принимать наркотики у меня не было. Мои друзья в Уинзоре не признавали кокаин ни под каким видом, но всем им нравились шумные вечеринки. 2 июля я завис в таверне "Тюн-Ап" со своим приятелем-хоккеистом Джеем Урбаником, игравшим за Спитфайерс и задрафтованным Бостоном. Ко времени закрытия, 1:25 ночи, официантка начала просить нас уйти, но мы игнорировали её, продолжая пить. Охранник вызвал полицию и меня арестовали за нападение на полицейского, а Джея за препятствия действиям полиции.

22 июля я почувствовал себя лучше и анализы подтвердили, что мононуклеоз ушёл. Меня отправили в "Хазельден Фаундейшн" в Центр-Сити, штат Миннесота. Там часто принимали игроков различных спортивных команд. Я встретил девушку в аэропорту, которая летела туда же. Ей было немногим за двадцать, красавица-блондинка. После этого мы ещё и ехали в одном автобусе. Первые пять дней, пока нас не разделили, мы зависали вместе.

В ближайшем лесу там была отличная пешеходная дорожка. Однажды мы дошли до большого черного ясеня, в который когда-то ударила молния. Мы решили спрятаться неподалёку и заняться любовью. Одно за другим и мы перебрались на само дерево. Во второй раз мы улеглись неподалёку от самой дорожки, что оказалось глупым поступком. Мы услышали, что кто-то идёт по тропе, так что нам пришлось прятаться в кустах. Нас не поймали, однако мы попали под подозрение. Двое из персонала пришли ко мне и заявили: "У нас есть повод думать, что вы занимались сексом с одной из наших пациенток". И меня отправили в другую клинику в Миннесоте. С их стороны было нечестным, даже не дать мне шанса оправдаться.

Помню, я видел ту блондинку, уезжая в автобусе. Думал про себя: "Вот сучка". Она была весьма зажигательной штучкой. На пальце у неё было большое кольцо с бриллиантом и она поведала мне, что она замужем за парнем, родители которого большие шишки в мире спорта. На следующий год я прочитал о её разводе. Был большой скандал в Штатах. В суде развернулась настоящая битва между ними, она рассказала о пристрастии мужа к кокаину, получив в итоге кругленькую сумму.

Следующий месяц я провёл в госпитале "Эбботт-Нортвестерн" в Миннесоте. Они не засчитали мне неделю, проведённую в Хазельдене, что я посчитал совершенно неправильным. В прессе же мой отъезд из Хазельдена был оправдан тем, что там нет достаточно хорошего тренажёрного зала.

Подъём у нас трубили в 6:30, с 9:30 до 10 у нас была лекция, с 10:00 до 11:30 – групповая терапия, затем ланч. Снова терапия с часу до двух, затем семейные сессии. В газетах все это подробно описывалось. В команде говорили о том, что я осознал и поменял своё поведение, теперь живу один день за раз и тому подобная дребедень. Я лишь поддакивал, не желая профукать свой шанс принять участие в сентябрьском тренинг-кемпе.

Хазельден запомнился ещё тем, что я завел там интрижку с одной девицей из персонала. Она также была красивой блондинкой. Когда моё лечение закончилось, я полетел домой вместе с ней. Мы прожили вместе неделю. Никакого секса с ней не было до моего возвращения домой. Она очень понравилась моей матушке. Потом мы встречались, но недолго.

Уингс продолжали устраивать интервью со мной, в которых я говорил что-то типа: "Я уже по-настоящему близок к тому, чтобы оставить все проблемы позади. Я счастлив тому, что Детройт не оставил меня". Я полагал, что всё это должно помочь мне в будущих судебных слушаниях. Меня также беспокоило то, что меня лишили водительских прав на один год. Это означало, что я не смогу водить свой новый Monte Carlo SS, который я купил за 22000 на свой бонус, полученный при подписании контракта.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

В октябре 1986 года меня приговорили в двум годам условно за нападение на полицейского в Уинзоре, когда я отказывался уйти из таверны "Тюн-Ап". Дополнительным условием стало, что если за это время меня не привлекут за пьянку, то наказание было бы аннулировано. Но эти два ареста всё-таки стали большой проблемой. В ноябре, после проигрыша 0:2 Лифс, меня и моего одноклубника Петра Климу остановили в аэропорту несколько строгих таможенников. Клима за год до того сбежал из Чехословакии и не имел с собой визы. А я, будучи на условном сроке, мог получать только временную визу, которой у меня тоже не было. Мне пришлось ждать, пока её перешлют мне. Уроды.

Тот год выдался весёлым, но я постоянно влипал в неприятности. Меня постоянно трясли на таможне, уинзорская полиция тоже имела на меня зуб и Уингс постоянно приглядывали за моим поведением. В начале тренировочного лагеря я повредил колено. Мне пришлось лечь под нож хирурга, после того, как я решил всё-таки выйти на лёд. Меня прооперировали и удалили хрящ. Две недели спустя я вернулся в игру. Следующая операция на колене потребовалась только через десять лет.

Как-то в декабре 1985, Трис и я были в Квебеке, перед игрой. Ни один из нас не был тут раньше. Трис решил внести предложение: "Бобби, послушай. Я завтра не играю. Но ты знаешь, у них хорошая команда, с братьями Штясны и Мишелем Гуле. Так что давай не сильно налегать сегодня. Не больше шести-семи пива на ужин".

Мы зашли в отличный ресторан. Врезали по пивку и ушли в полдесятого вечера. Падал приятный снежок, так что мы решили пройтись. По дороге зашли в клуб, из которого доносился "Лед Зеппелин". В баре я затарился парой виски с колой каждому, а Трис заказал четыре пива. Опять одно за другим и в номере мы оказались в 4:30 утра. На двери висела записка: "Позвоните тренеру".

Я смял её к чертям, но сюрпризы на этом не закончились. Записки были на выключателе, на подушках, на телефоне и на прикроватной тумбочке.

Трис выругался.

На следующее утро на завтрак мы отправились совершенно разбитыми. И от нас, похоже, воняло. Наш тренер, Гарри Нил и Колин Кэмпбелл, которого мы звали Соупи, помощник, были уж там: "Вы двое, идите сюда".

Трис сказал: "Бобби, я поговорю с ними".

"Где вы были сегодня ночью?"

"Не здесь".

"Где был *ты*, Бобби, сегодня ночью?"

Снова ответил Трис: "Не здесь".

"Когда вы вернулись домой?"

"Поздно".

"Что ж, вас не было в номере в полвторого ночи".

"Ну да, мы пришли позднее".

"Ладно, с каждого штраф в 300 долларов и, кстати, Трис, ты сегодня играешь".

Мы победили 5:4 и Триса признали первой или второй звездой матча. Я записал на свой счёт хет-трик Горди Хоу. Следующим вечером мы уселись на самолёт в Хартфорд и заказали пару пива. Я сказал Трису: "Давай повторим вчерашнее".

Мне было двадцать лет и я считал себя неуязвимым. Декабрь 1986 года, почти Рождество. Мы с приятелем в Уинзоре устроили бухательное турне по барам. Помнится, было баров пять, в каждом выпито не по одной стопке водки. Мы нажрались в абсолютный ноль, после че-

го я отвёз приятеля домой в Детройт. Потом я возвращался через туннель в Уинзор, правда, я не помню, как ехал в нём.

Я остановился на светофоре на пересечении Уэллет и Уайндот. За мной где-то позади двигалась другая машина. Позже, в полицейском протоколе я прочитал, что водитель той машины утверждал, что я выглядел в драбадан пьяным. Думаю, я сидел, склонив голову к рулю с полузакрытыми глазами. Этот грёбаный водила, взвизгнув шинами, поехал на зелёный. Я ничего не соображал, сидя, будто во сне. Тронувшись с места, я заметил его, а потом внезапно дал по тормозам. Очевидец рассказал, что я объехал припаркованный автомобиль, подрезал кого-то и вылетел на встречу. Закончил я свой маневр, врезавшись в бетонный столб на противоположной стороне улицы. Столб переломился и приземлился на крышу моей машины. Видели бы вы мой Монте Карло. Дрова да и только.

По видимому, пара прохожих вытащили меня из тачки и уложили на тротуар. Помню, как меня грузили на носилки скорой. Медик пощекотал мою ногу, пытаюсь понять, не парализован ли я. Водитель скорой ответил на мой вопрос, что я врезался в электрический столб.

Меня привезли в больницу и оставили лежать на одной из кушеток. Помню, думал: "У меня остался только один ботинок". Пришедший доктор слегка подштопал меня. Я повредил грудную клетку, а на лице красовались свежие порезы. Когда он закончил зашивать мне ссадины, я спросил, могу ли я идти. Он ответил, что да, но чтоб я никому не говорил, что он меня отпустил. Снаружи должны были дежурить полицейские, так что я слегка приоткрыл дверь, оглядеться. Но никого там не оказалось. Я раскрыл дверь пошире и осмотрел холл целиком. И опять никого. Я похромал на улицу, стараясь свалить оттуда как можно быстрее. Но не тут-то было. За спиной раздались голоса: "Ну и куда ты намылился?". Два копа отвезли меня в участок, где попытались заставить меня дунуть в трубку. Но я был еще весьма зол, да и ушибы сильно болели. В рапорте они указали, что я, не переставая, посылал их на хер, но всё же согласившись под конец пройти тест. Я выдул 0.17 промилле при допустимых 0.08.

Ночь мне пришлось провести в вытрезвителе. Выпустили меня только в 8 утра. К тому времени о происшедшем стало известно юристу Уингс Джиму Лайтсу. Я должен был отправиться к нему сразу после освобождения из участка. В офисе Лайтс битый час ездил мне по мозгам. Просто орал на меня, говоря о том, какой я мудака, раздолбай, своим поведением бросающий тень на Ред Уингс, что было абсолютной правдой. Это не было похоже на: "Эй, Боб, рад, что ты жив". Скорее, твою мать: "Давай, вали отсюда".

Я тоже рад тебя видеть, Джимми.

Крылья дисквалифицировали меня на неопределённый срок из-за обвинений в езде в пьяном виде. После подобных выходов Стиви Ай обычно не сдерживал себя: "Какого хера ты натворил, Бобби?" Однако, в прессе он вступался за меня раз за разом. Он рассказывал газетчикам, что где бы мы ни были, он не видел меня пившим что-либо крепче содовой и что команда не собирается отворачиваться от меня, потому что я был другом Стиви.

Так что в январе у меня было назначено сразу два судебных слушания. Одно – за последнее выступление, второе за апрельские похождения, аккуратно перед плэйофф кубка Колдера. Донни Михан был моим адвокатом и агентом при подписании моего первого контракта. Он был вполне компетентен, однако мне требовался защитник в суде.

У моего отца был хороший приятель, Дон Уили. Он служил детективом в полиции Уинзора. Вместе с отцом они ездили на Харлеях в отделе транспортной полиции. Дон в некотором роде приглядывал за Нормом и мной после смерти нашего отца. Джим Лайтс и Колин Кемпбелл позвонили ему, и он посоветовал им защитника, Пэта Дешарне. Он сказал, что Пэт – один из тех юристов, которых ненавидят все в департаменте полиции, потому что он отлично справляется с защитой. Такой-то мне и был нужен, так что я нанял его.

Тренер Уингс Жак Демер снял мою дисквалификацию после нашей встречи с ним с глазу на глаз. Он очень щепетильно относился к таким происшествиям. Пять лет назад он потерял друга из-за пьяного водителя и совсем недавно поучаствовал в социальной рекламе против

пьяных за рулём. Я чувствовал себя виноватым, так что я пообещал ему больше никогда не пить.

В середине января на меня признали виновным в инциденте с электрическим столбом и отказе пройти медосвидетельствование. Меня оштрафовали на тысячу долларов и лишили водительских прав. Я признал свою вину. Обвинитель был хорош. Его вопросы были типа: "М-р Проберт, Вас считают в НХЛ настоящим крутым парнем, не так ли?"

"Да".

"Я читал статьи в газетах, где говорилось о том, что Вы чемпион-тяжеловес в НХЛ, если можно так выразиться".

"Да, я слышал об этом".

"И в НХЛ нет серьёзных соперников для Вас, которые могли бы заставить Вас плясать под свою дудку?"

"Там есть несколько отличных бойцов, но я стараюсь быть лучшим".

"Похоже, что и вне хоккея, если Вы не хотите заходить в комнату, когда полицейские настаивают на этом, не хотите дуть в трубку, когда полицейские говорят вам сделать это, нет ни одного офицера полиции, который мог бы принудить Вас физически сделать то, что он хочет?"

"Вероятно, Вы правы".

"Ещё бы не прав, там было шесть офицеров полиции, которые даже не смогли Вас заставить зайти в комнату, пройти тест на алкоголь".

"Ну да, так оно и было".

После того, как суд завершился, я спросил у Дешарне: "Я выступил не слишком хорошо, да?"

"В качестве свидетеля в криминальном деле? Да, не особенно хорошо, разве что только ты не прослушивался на участие в программу "Час суда".

Естественно, меня признали виновным. Под конец рассмотрения дела судья заявил: "Если раз девятнадцать сказать офицерам полиции: "Валите на хер" – это не отказ выполнять требования сотрудников полиции, то я тогда и не знаю, что такое отказ".

В конце января меня признали виновным в пьяной езде и по апрельскому делу, но я и так уже должен был заплатить две тысячи и прав меня лишили на год. Обвинение намеревалось засадить меня за решетку, но Дешарне нанял одного криминалиста из Торонто, Риту Чарльбо. Перед апрельским происшествием я выдул где-то пять кружек пива за два часа. Чарльбо засвидетельствовала, что при моём росте и весе подобной дозы недостаточно, чтобы я опьянел. Судья согласился с ней и на этот раз я сумел избежать тюрьмы.

ПИЦЦЫ БОЛЬШЕ НЕТ, ТАК ЧТО УХОДИ И ТЫ

На 25 января 1987 года у нас выдался четырёхдневный перерыв между играми, а Нью-Йорк Джайнтс играли с Денвер Бронкос в Супербоуле. Я начал смотреть игру дома, но одному пырнуться в телек было отстойно. Супербоул многое значил для меня. В году было три даты, когда я обязательно напивался – мой день рождения, Рождество и Супербоул. Просто вот такая традиция. Я отправился в бар, где встретил друзей. Но я решил просто посидеть там, но не пить. Это, конечно же, было глупо, потому что в баре всегда найдётся кто-нибудь: "Давай, Боб, накатим по одной". А я такой: Нет, нет, я не пью". А мне: "Да ладно, всего одно пиво". Ну и я: "Ладно". А потом приходилось скрывать это от команды. Просто такой постоянно замкнутый круг.

Не думаю, что это влияло на мою игру. Многие считали, что я играю лучше, когда бухаю. Когда я воздерживался от выпивки, я часто слышал: "Он не выглядит таким уж крутым, он слишком спокоен".

В то самое супербоульное воскресенье я выпил всего лишь пару колы с ромом. Я смог остановиться на этом. Но моя жизнь была словно под микроскопом. Кто-то узнал меня и понеслось.

Жак Демер относился ко мне хорошо. Я получал много игрового времени, играя в первой или второй тройке. Он доносил свои мысли и действия словами. Некоторые из нас считали, что его напутствие, день за днём, одно и то же: "Давайте, давайте, парни, вздуйте их как следует", уже устарело. Но мне нравилось то, что он не использовал чересчур много видео. Он был настоящий тренер старой закалки. Его отец был алкоголиком и Демер часто говорил мне об этом. Он по-настоящему хотел достучаться до меня. Помню, как-то после выигрыша важной игры, в которой я хорошо проявил себя, мы с ним выпили по паре пива.

Пэт Дешарне позвонил ему и сказал: "Зачем ты это сделал? Теперь он считает, что выпивать – это в порядке вещей, раз даже ты делаешь это".

Жак ответил ему: "Пэт, я не думаю, что он алкоголик. Я уверен, что он в порядке. Он выпил пару кружек и был в полном здравии".

После Супербоула мой поход в бар оказался в газетах. Жак вызвал меня и сказал, что я должен снова пройти курс лечения – уже третий. Я поспорил с ним, заявив, что, если я хочу пива, это моё грёбаное дело. Но он ответил, что если я не отправлюсь в клинику, я не буду играть. И главное, счёт за мою реабилитацию уже подходил к трём тысячам, ети его мать, долларов.

11 февраля 1987 года я отправился в Брентвуд Рикавери Хоум, общине для алкоголиков в Уинзоре. Заправлял ей упрямый священник Реверенд Пол Карбонно. Отец Пол вовсе не собирался гладить кого-то по головке. Уингс отправили меня на лечение без выполнения общественных работ, так что я мог играть. Я жил в лечебном центре, но они отпускали меня на игры и тренировки.

Месяц спустя в игре с Миннесотой Норт Старс, Джо Кошур забросил шайбу уже на первой минуте. Несколько минут спустя я подхватил шайбу и пробился к воротам. Франк Мусил завалил меня, так что судья свистнул буллит. Я должен был пробивать его. Вратарём соперников был Кари Такко. Я ужасно нервничал перед началом разбега.

Размашистыми движениями я повёл шайбу, накатываясь на ворота. Я наметил два места, в которые намеревался бросать – либо над его рукой с ловушкой, либо в "домик". Доехав до ворот, я выбрал "домик", переложил шайбу под удобную руку и бросил. Такко свёл щитки, но было уже поздно. Шайба задела щиток и скользнула в ворота. Это было круто, скажу я вам.

Моя реабилитация закончилась после того, как меня выкинули из Брентвуда за нарушение внутреннего распорядка. Иногда зрители позволяли мне слегка расслабиться, получая

взамен билеты на игры. Я мог вернуться в общину поздно вечером, но обычно отделялся автографом для их детей.

Но Отцу Полу не нравилось такое отношение к лечению. Дополнительным минусом стало моё посещение стриптиза, о котором стало известно ему. Когда вы лечитесь от алкоголизма, посещение стриптиза – это не самая лучшая идея. Я познакомился с парой сестёр, танцовщиц из Франции. Мы поболтали и одна оставила мне свой номер телефона. Я позвонил ей, и мы договорились насчёт ужина в этом же стриптизе. Она заказала себе водки с апельсиновым соком и спросила, собираюсь ли я пить? Я ответил, что мне позже надо за руль, так что я пока пропущу. Понимаете, вряд ли бы она была в восторге, если я сказал: "Извини, но я алкоголик". Так что я обманул её, говоря о том, что мне вечером ещё вести машину и лишний штраф мне совершенно не нужен.

Но потом мы отправились в бар, где она выпила одну кружку пива и ещё одну за меня. Становилось жарко и тупо сидеть мне уже не хотелось, так что я решил, что если чуть-чуть выпить, то ничего страшного не случится. Но, прежде чем ты осознаешь это, ты вливаешь в себя еще одну и ещё одну, и в итоге я здорово набрался.

Последней каплей стал наш заказ пиццы прямо в общину. В мою дверь постучали, я открыл и увидел, что это Отец Пол, держащий пиццу. Он бросил её на пол и сказал: "Пиццы больше нет, так что уходи и ты".

Я не мог поверить в свое счастье, когда я попал в состав команды Всех Звёзд НХЛ. Игра была назначена на 20 января 1988 года. Заголовок в "Уинзор Стар" гласил "Боб Проберт на седьмом небе от счастья". На этот раз они не ошиблись в описании.

После объявления о моём участии в матче Всех Звёзд я собирался выехать из Уинзора на тренировку. Но меня не пропускали на границе. Я позвонил Пэту Дешарне. Он приехал, и долго-долго убеждал пограничников в том, что все обвинения меня в США уже рассмотрены в суде, и я могу свободно перемещаться через границу. В итоге мы опоздали на тренировку. Я переделся и снял мой зубной протез, но ещё немного задержался, попросив Пэта объяснить тренеру причину моего опоздания. Все вокруг уже взмокли, а я еще ничуть не вспотел, так что Соупи подкатился и начал: Давай, Проби. Ты профукал всю тренировку, да ещё и опять стоишь тут как раздолбай. Давай, работай". Я посмотрел на него и прошепелявил: "Меня выбвали на маф Всеф Вефд".

Матч стал одним из самых памятных моментов в моей карьере. Он состоялся в Сент-Луисе. Я не мог поверить, что я в такой звёздной компании – Марио Лемье, набравший шесть очков, Мэтт Нэслунд – пять передач, Денис Савар – гол и две передачи, Дэйл Хаверчак – две передачи и гол, Уэйн Гретцки, забивший гол в первой периоде с моей передачи. Если кто-то год назад сказал бы мне о такой возможности, я бы рассмеялся ему в лицо.

В конце марта я получил письмо от Джимми Ди, в котором говорилось: "Я рад сообщить Вам, что Вы достигли третьего бонуса из прописанных в Вашем контракте на сезон 1987-88. Когда Вы набрали 60 очков, Ваша зарплата в этом сезоне увеличилась до 150000 долларов". Это был бонус в 65000 долларов к моей зарплате в 85000.

В письме он добавил: "Боб, мы не можем сдержать свою радость, глядя на то, какой Вы проводите сезон. Попадание на матч Всех Звёзд это честь, которую, я уверен, Вы никогда не забудете".

Я до сих пор считаю, что мне посчастливилось попасть в НХЛ в то время, когда там был востребован мой стиль игры. Я не люблю тупо затевать драки, но мне нравится защищать своих товарищей.

Моя задача была проста: оберегать Стиви любой ценой.

Мне не обязательно было зависеть с парнями и после игр. У меня были свои дела, которые и привели меня к неприятностям. Может, всё-таки и стоило в те времена больше тусоваться с одноклубниками.

Но Стив Айзерман и я были друзьями. Он был отличным парнем. По-настоящему замечательным мужиком. Он искренне заботился о своих одноклубниках.

Думаю, играть вместе со Стиви было похоже на то, как играть вместе с Джо Сакиком, только что Стиви был более общителен и более бизнес-ориентирован нежели Джо. Джо тоже просто отличный парень, которого больше всего заботил хоккей и своя семья.

Иногда он срывался, когда я влипал в неприятности, потому что я играл в его звене. Но я всегда считал, что это понятно. Я был впечатлён талантом Стиви. С его габаритами, в сравнении с Марио Лемье, он был неповторим.

Стиви делал всё ради команды. Именно поэтому он был отличным лидером для нас. Он без тени сомнения падал на лёд, блокируя броски, так что тренер всегда мог сказать парню из четвертой тройки: "Почему ты ни черта не блокируешь броски, когда даже наш лидер не гнушается лечь под шайбу?" Он не боялся борьбы в углах площадки. Он делал всё, что нужно было сделать для победы.

Когда пришёл Скотти Боумэн, он попросил Айзермана забыть о забивании голов и больше играть в защите. Парни считали, что Стиви сейчас взъерепенится и потребует обмена. Но нет. Он знал, что у Скотти чуть ли не десять перстней кубка Стэнли. А значит, он должен понимать, о чём говорит. В итоге всё закончилось победой. И это было удивительно, когда бомбардиру с 50+ говорят о переходе в чекинг лайн – и он переходит.

Я играл с парнем, имя которого всегда звучало у меня в ушах. "Эй, Проби, ты видел, что тот хрен прицепился к Стиви? Давай на лёд". А этот парень был довольно здоровым громилой. Как-то я повернулся к нему и спросил: "Слышь, у тебя перчатки приклеены к рукам, что ли?" Я никогда не любил парней, которые выходят, мутят проблемы, а затем сваливают, когда приходит время ответить за содеянное.

Лучше всего мне удавались потасовки, когда я дрался по-настоящему злым и выведенным из себя. Мне не нравилось высказывать на лёд и втягивать соперника в бой. Идея – выходить на лёд и биться с тем или иным бойцом, потому что у него была репутация тафгая, меня совсем не привлекала. Это сильно давило на меня.

Обычно меня выводило из себя, когда драка была "грязной", как например, с Брайаном Курраном, которого все называли Полковник. Мы бились с ним пять раз, в 1986, 1987 и трижды в 1988 годах. Во-первых, он носил визор, так что я разбивал все руки к чертовой матери. А когда драка была закончена и он лежал на льду, он пытался ухватить меня за лодыжку, когда я катился на скамью штрафников. Какого хрена, что он пытался доказать. Драка закончена, ты проиграл, так прими это как мужчина. Не нужно тупить. Если ты профессиональный хоккеист, то предполагается, что у тебя есть немного гордости, чтобы не делать таких глупостей.

И у меня были способы борьбы с теми, кто прыгал на меня исподтишка. В следующий раз тебе не потребуется на меня прыгать, потому что тебе будет очень больно.

В октябре 1987, Дэйв Семенко напрыгнул на меня в игре в Торонто. Перед этим я подрался с Уэнделом Кларком. Бой получился в одну калитку, Уэнделу пришлось держаться за джерси рефери, когда он катился с поля боя. В этом была своя гордость – никогда, никто не уводит его со льда.

Забота об таких вещах была делом Семенко, но он повёл себя неправильно. Я выкатился на "пяточок", а он пришёл ко мне со спины. Он врезал мне, а потом вцепился в мою фуфайку. Я попытался вырваться, но между нами уже вклинился Майк Цвик, самый высокий лайнсмен лиги. Семенко продолжал лупить меня, Цвик держал меня, и я никак не мог высвободить руку. Я орал на него: "Пусти меня! Пусти!!!" Остальные игроки на льду тоже влезли в заварушку, Галлант, Айзерман, пытались мне помочь, другие удерживали ближайших соперников. После драки Демер кричал на арбитра, показывая, что Семенко играл грязно. Но я не беспокоился – Семенко не собирался завершать карьеру.

Перед следующей нашей встречей не было такого нагнетания страстей, как было с Доми, но когда Семенко приехал на игру в Детройт в январе, многие знали, что должно случиться. Игра переместилась из зоны Торонто к нашим воротам, и Семенко был последним, кто покидал

свою зону. Я уже поджидал его, готовый отплатить ему за прошлую игру. Он попытался стянуть с меня джерси, но я освободил одну руку и пару раз смачно приложил ему. Я знал, что на этом драка, по сути, закончилась. Когда подъехал рефери, Семенко стоял на одном колене. Он попытался встать, но неудачно. То ли травма, то ли потерял ориентацию после моих ударов. Он не играл слишком много после этого.

ПРОБЕРТ.... ТЫ – ИДИОТ

У меня были некоторые проблемы с пребыванием в команде из-за требований условного заключения, так что Ред Уингс договорились с судьёй снять с меня наказание в обмен на одну ночь в тюрьме. Они мне не сказали об этом, потому что боялись, что я исчезну на время. Помощник тренера Колин Кэмпбелл позвонил мне и сказал: "Я заеду за тобой в 8 утра, надень костюм и галстук".

"Куда мы поедем?"

"Пока не скажу. Просто будь готов, в костюме и при галстуке".

Так на следующее утро я сел к нему в машину и он сказал: "ОК, смотри. Мы сейчас едем к судьё. Мы заключили сделку, тебе снимут условный срок в обмен на ночь в тюрьме".

"Эй, что это за херня такая".

"Всё будет по-тихому. Пресса ничего не знает. Судья удалит всех из зала суда и всё, что тебе нужно будет сделать – это провести ночь в камере. Я собрал тебе кое-какие вещички, свитер и зубную щетку".

В итоге, мы предстали перед судьёй и он сказал: "М-р Проберт, я не согласен с этим и считаю, что Ваше наказание должно быть более жёстким, однако мы решили, что Вы проведёте ночь в тюрьме, а мы снимем с Вас условное наказание. Что Вы можете сказать по этому поводу, м-р Проберт?"

"Я думаю, это какая-то шутка, Ваша честь".

Соупи, едва не задохнувшись от моих слов, зашептал мне: "Проберт... ты идиот!"

Судья взглянул на нас и переспросил: "Вы думаете это шутка, м-р Проберт?"

Я попытался отодвинуться от Соупи, потому что он пинал меня, и сказал: "Ну, я не думаю, что это правильно. Они меня просто не предупредили об этом".

Судья ответил что-то наподобие: "М-р Проберт, я позволил эту сделку, хотя и не согласен с ней. Но я уверен, Вы ещё вернетесь сюда. Вы опять натворите что-нибудь. Ну а сейчас, ночь в камере ждёт Вас, вперёд".

Ничего страшного в камере не случилось. Я играл в карты с сокамерниками, они все были клеевые.

Соупи был назначен ответственным, присматривая за мной всё время. Он помогал мне оставаться в форме, буквально загоняя меня. Мы тренировали катание по утрам, а у меня не было стиральной машины, так что порой я катался без нижнего белья. Так что я подрядил Соупи достать мне пару трусов. Как-то он вошёл в раздевалку, а я сидел, ел бургер. Он разозлился и заявил мне: "Проби, ты задолбал. Ты не стираешь своё бельё, а сидишь, жрёшь бургер. Пора бы уже серьёзнее относиться к делу".

Тут ещё зашёл какой-то кент, болельщик типа и: "Проби, как сам?"

"Неплохо".

"Ты – лучший!"

В беседу вклинился Соупи: "Что ты говоришь о Проби? Он же абсолютный оболтус!"

Пряатель не согласился: "Бог дал ему талант! Проби – мужик!"

"Ты прав. Это именно бог создал его, потому что человек не мог создать такой кусок дерьма".

Эта фраза мне весьма не понравилась и я возмутился: "Эй, Соупи, какого хера ты наезжаешь? Ты всегда можешь разобраться со мной по-мужски".

"Конечно, пойдём – выйдем".

Соупи играл за Пингвинс, Ойлерс, Кэнакс и Уингс, так что опыт боёв у него был. Но он был на 10 лет старше меня. Так что мы отправились в зал, раздвинули скамейки, одели перчат-

ки и поспарринговали три одноминутных раунда. В начале каждого раунда я пробивал ему в голову, так что потом он укрывал свой лоб у меня на груди.

На следующий день перед игрой у Соупи было два синяка под глазами. Джерард Галлант не преминул подколоть его: "Чёрт, Соупи, ты спал сегодня ночью?"

У нас всегда было много свободного времени в аэропорту, так что я частенько проделывал свой трюк с долларовой купюрой. Ничего сложного, привязываешь к ней нитку и кидаешь на пол. Кто-нибудь её замечал – обычно ребёнок или пожилой человек – а я утягивал её у них из-под рук. Потом я отдавал эту купюру, так что на меня не обижались. Мы всегда любили веселиться.

В 1988 году у меня был лучший плэйофф в моей жизни. 21 набранное очко, достаточно, чтобы побить командный рекорд, установленный Горди Хоу ещё в 1955 году, за 10 лет до моего рождения. У Айзермана было травмировано колено, так что я играл в первой тройке с разными игроками, включая Джона Чабота и Петра Климу. Каждый вечер перед игрой, наша тройка пропускала по паре пива. Мы побили Торонто и Сент-Луис, а в третьем раунде, финале конференции, мы попали на Эдмонтон.

Несмотря на нашу потрясную игру, Ойлерс обыграли нас, что не удивительно – с такой-то командой – Уэйн Гретцки, Марк Мессье, Яри Кури, Гленн Андерсон, Грант Фюр – все из хоккейного Зала Славы. Плюс Эса Тикканен, Крейг Симпсон, Стив Смит, Марти Максорли, Джефф Букибум, Кевин Лоу, Билл Рэнфорд и Крейг МакТавиш. Он выиграла кубок Стэнли в этом и следующем годах.

Мы проигрывали в серии 1:3. Но перед пятой игрой мы, как обычно, отправились в бар за парой пива. Кто-то предложил клуб Гуз Лунис.

Руководство было весьма радо тому, что я не пью. Три игрока в команде, включая меня, принимали дисульфирам или Антабус. Это для алкоголиков – эти "колеса" помогают бросить пить. Но я поступил по-хитрому, я прокрался в кабинет Колина Кэмпбелла и поменял пилюли на аспирин, который стянул из тренерской комнаты. Я открыл бутылку с аспирином и пересыпал в контейнер с Антабусом. Про себя я посмеивался над неудачником, который потом взял бы аспирин из тренерской. Он был бы немало удивлен тому, что проблевался от пары пива в тот день.

Каждое утро я отправлялся к Колину, и он засовывал пилюлю мне в рот, которую я проглатывал. Когда Жак Демер спрашивал Соупи: "Ты уверен, что Проби не пьёт? От него разит как от пивной бочки". Соупи отвечал: "Как он может пить, он же на Антабусе под моим прищотром".

За день до игры с Эдмонтоном, тренеры проверили наличие игроков и, оказалось, что много народу где-то ещё разгуливает. Нил Смит, наш помощник генерального менеджера и Соупи задали тот же вопрос парню на ресепшене, что задали и мы: "Какой бар самый улётный в городе?" Так что они тоже отправились в Гуз Лунис. Соупи сказал нам, чтобы мы отправлялись в отель прямо сейчас. Я был уже во хмелю, так что мы вышли на улицу и я сказал: "ОК, мы едем в отель через минуту". Ну и как полный идиот, бросил деньги таксисту. Потом была ещё пара стопарей, и после мы вернулись в отель.

Проблемы начались за завтраком. За нас играл центр, Brent Эштон, который наехал на Петра Климу прямо в ресторане. Он начал орать: "Какого хрена вы тащите Проби с собой? С ним и так уже до хрена чего случалось, а вы берете его с собой, да ещё и бухаете. О чем вы вообще думаете, чёрт бы вас побрал?"

Кейт Гейв, мудила из Detroit Free Press раздул эту историю. Мы никогда его не любили, потому что он был из тех репортёров, которые искали "жареные" факты, а затем трубили об этом на всех углах. Он спросил Жака Демера, нашего тренера: "Я слышал, некоторые игроки бухали вчера вечером?" Жаку стоило ответить: "Нет, это неправда", однако он решил прикрыть себя. Он отдал нас на растерзание. Выходило так – если мы проиграем – это не его вина, ведь парни бухали, так? Он устроил командное собрание и сказал: "Если мы выиграем сегодня, за-

метка о ваших похождениях будет на последней странице. Если проиграем – читайте всё на передовице".

Как и ожидалось, мы проиграли. И Жак выложил всё. Конечно, меня он сделал запевалой нашей компании. Он заявил, что мы обманули ожидания наших болельщиков и заявил Уинзор Стар: "Из Боба Проберта сделали героя в Детройте. Надеюсь, в следующий раз оваций ему, при выходе на лёд, не будет, потому что он этого не заслужил". И он всё нагнетал и нагнетал обстановку.

Один из наших защитников, Ли Норвуд, подлил масла в огонь: "Либо Петр Клима и Боб Проберт станут подчиняться внутрикандным правилам, либо им не место в Детройте". Норвуд закончил играть после того, как его "Харлей" упал на него, и доктора спасли его лодыжку, вставив пластину на восьми штифтах. Карма всё-таки не слепая сука.

Газеты расписывали всё в подробностях и все будто сошли с ума. Я послал всё к чертям, собрал шмотки и отправился на своём "Корвете" с приятелем на Дайтона Бич.

После инцидента в Гуз Лунис, в команде мне сказали, что я опять должен пройти курс лечения от алкогольной зависимости. Я ответил им: "Хрен-то там. Я только что купил катер и машину, да я и так уже третье лето всё лечусь и лечусь".

Разбитый "Монте-Карло" покоился где-то на свалке, так что я купил себе "Корвет-конвертибл", весь чёрный – крыша, корпус, салон. Мне было 23 и у меня была самая охеренная тачка в мире. Я влюбился в этот "Корвет", хотя он привлекал много внимания, особенно полицейских. Я повернул налево в неподобающем месте и нарвался на штраф.

Тем же летом я взял себе "Формулу 311", клёвый девятиметровый катер. Он выглядел словно вышедшим из фильма "Полиция Майами: отдел нравов" из-за его расцветки. Её называли "Палм-Спрингская раскраска" – белый с ярко-розовым, бирюзовым и чёрным цветами. Мы перевезли его на озеро Эри и устроили прыжки по волнам. Мы старались взлететь на самый верх волны на полном ходу. В воздух взлетал весь катер. Эри – очень большое озеро, так что и волны здесь подходящие. Нам удавалось выпрыгнуть из воды так, что оба винта месили воздух, а не воду. Это было круто – и опьяняюще.

Я начал повсюду замечать людей, которые употребляют кокаин. Однажды заскочив в этот поезд, ты видишь их повсюду. На всех вечеринках, в большинстве баров народ искал укромные местечки, чтоб нюхнуть. Это было удивительно. Правда, в команде такого не было. Кокаин творил чудеса. С его помощью ты мог пить больше и не пьянеть. Мне нравилось, то что я чувствовал приятное опьянение, но при этом не тупел, как бывает.

Я зарабатывал около восьмидесяти штук в год, однако затраты были весьма велики. 80000 – катер, 33000 – "Корвет" и унция кокаина – 28 грамм – 800 долларов в неделю, 24 тысячи баксов в год. Я прокутил все свои сбережения.

В сентябре 1988, меня и моего хорошего приятеля Петра Климу, дисквалифицировали. Меня сослали в Адирондак и через пару дней оштрафовали на 200 зелёных за опоздание на командный автобус и на рейс на игру из Чикаго в Детройт. Вместе с Петром, мы зависли у меня дома и должны были явиться к 11 часам утра следующего дня. Пробухав допоздна, мы отложили наш первый вылет. Когда настало время второго рейса, мы забили и на него. Выехав-таки на следующий самолёт, мы умудрились застрять в стриптиз-баре неподалёку от аэропорта. В итоге мы купили билеты на самолёт в полпервого ночи, но на наших автоответчиках уже было оставлено сообщение: "Не парьтесь, отдыхайте. Вы дисквалифицированы. Отправляйтесь домой".

Думаю, в низших лигах более строго относятся к нарушениям дисциплины нежели в НХЛ. Как-то раз нас отправили в АХЛ вместе с Трисом. Мы вылетали из Детройта ночным рейсом. У него не было машины, так что он был вместе со мной в доме моей матери в Уинзоре. Я паковал вещи, а он нудил: "Бобби, мы не должны опаздывать".

Я: "Нет проблем, нет проблем".

Но он никак не мог успокоиться, а у меня ещё оставались дела. Так что я сказал ему: "Слушай, мой брат Норм, отвезёт тебя. Встретимся позже в аэропорту".

Трис переспросил: "Ты же не опоздаешь?"

"Нет, я приеду вовремя".

Трис и Норм уехали, но на уинзор-детройтской границе оказалось, что Норм забыл своё удостоверение личности.

В конце концов, Трис сумел убедить иммиграционную службу пропустить Норму, но это заняло слишком много времени. Я уже сидел в самолёте, готовый к вылету. Когда пилот объявил о начале взлётной подготовки, я вскочил со своего места и побежал по трапу к лётным воротам. Их уже начали закрывать, но я успел просунуть свою руку в щель. Служащая аэропорта не на шутку рассердилась. Она закричала на меня: "Сэр, уберите руку. Мы не сможем взлететь, пока я не закрою ворота".

"Я знаю, но мы должны подождать Триса".

Несколько минут мы боролись, пока я не услышал Триса, бегущего по коридору: "Бобби, я здесь". Я не мог представить себе, что я такое натворил. Удерживать дверь, когда самолёт готов к вылету. Меня могли упечь в тюрьму. Но Ред Уингс – сплочённая команда. Мы заботимся друг о друге на льду и вне него.

А был ещё случай, когда меня и Петра Климу остановил мой приятель Том Мюллен, пригласив посмотреть на пару автомобилей. Том был на десять лет старше меня и всегда хорошо ко мне относился. Он владел компанией, изготавливающей запчасти для "Форда" в Плимуте, штат Мичиган. У нас было с ним несколько дел, и мы играли с ним в гольф и тому подобное. И он не пил и не принимал наркотиков.

Пётр и я уже пропустили по пивку после тренировки, да ещё и прихватили с собой. По идее, мы должны были ехать на автобусе в Адирондак на дополнительные тренировки, но это нам было совершенно не по нраву. Уже слегка под газом мы решили никуда не ехать: "Ну их к чёрту, нам не нужны дополнительные тренировки". Автобус благополучно уехал без нас, а нам в голову пришла замечательная идея воспользоваться телефоном Тома, позвонить на радио и устроить интервью в прямом эфире. Хорошо, что Том остановил нас: "Вы два идиота! Не надо этого делать, потом будете жалеть!"

Мне всегда нравился Пётр. Он был мировым мужиком и замечательным игроком. Мне, правда, казалось, что Ред Уингс в некотором роде забили на него. Может, они думали, что ему всё равно, не знаю. Но мы иногда влипали в неприятности вместе с ним.

ТРИЛЛИАРДЫ ДЕВУШЕК

У меня начались серьёзные проблемы с руководством команды. Они снова направили меня в клинику, "Ранчо Мираж", в Калифорнии. Я поехал туда, но пробыл всего неделю. Потом я завис в баре и улетел обратно в Детройт.

Американское правительство отозвало моё разрешение на работу, потому что Уингс дисквалифицировали меня. Так что я застрял в Уинзоре – я не мог пересечь границу. В конце октября 1988 я уехал в "Релакс Плаза" и оставался там до первой недели декабря.

Там было не так уж плохо, потому что там была уйма красивых девушек. Особенно мне запала в душу блондинка по имени Дэни, в регистратуре. Я всё поглядывал на неё. Она была сногшибательно красива. Она любит повторять, что я разговаривал со всеми, кроме неё, но это полная ерунда. Я позвонил своему приятелю, Дино Росси, и заявил: "Я влюбился и нашёл девушку, на которой женюсь". Мои слова стали пророческими.

Я спросил напарницу Дэни, есть ли у той парень. Она ответила, что есть, но у них напряжённые отношения. Я поинтересовался: "Как думаешь, станет ли Дэни встречаться со мной?" Её напарница пообещала спросить.

Дэни же считала меня самоуверенным наглецом, в основном, из-за "триллиардов девушек", приходивших или названивавших мне. А ещё один из менеджеров заглянул ко мне в комнату в моё отсутствие и сфотографировал бардак, образовавшийся там после пары вечеринок. Так что я абсолютно не был уверен, даст ли она мне свой номер, но, спасибо её матери, всё прокатило. Просто так совпало, что её родители, Лесли и Дэн Паркинсон было в городе и пришли повидать дочку, когда я был неподалёку. Дэни указала им кивком головы на меня и прошептала: "Мам, знаешь кто это? Это Боб Проберт, хоккеист". Лесли повернулась разглядеть меня получше. Волосы у меня тогда были гораздо длиннее, я был в кожаной куртке, ждал тачку. Лесли развернулась обратно к Дэни и сказала: "Мне все равно, кто он. Держись от него подальше". Так что когда её подруга передала ей мою просьбу, Дэни согласилась дать свой номер телефона.

Я позвонил ей и начал с шутки: "Пицца "Домино", вы заказывали пиццу?" Но она не купилась: "Что ты хочешь, Боб?"

В первое наше свидание мы отправились в китайский ресторан "Дом Ли" в центре города. Ей было всего двадцать лет, тихая, стеснительная девушка. Я же привык иметь дело с девушками, любящими тусоваться-веселиться. Но, несмотря на полную противоположность моим прошлым интрижкам, она мне очень понравилась. Следующим вечером мы отправились поплавать, а по возвращении в Релакс Плазу я поднялся в свой номер, а она заступила на смену. Я ей названивал, требуя принести дополнительную подушку. После третьего свидания мы оказались в постели, но нам не хотелось, чтобы об этом знали в Плазе. Мы стали скрывать наши отношения. Она пробиралась ко мне в номер по лестнице запасного выхода. Эээх, старые-добрые времена.

В один из дней ко мне неожиданно заявился мой юрист, Пэт Дешарне. Я был в легком раздрае после чего-то, валился с ног от усталости и едва мог сфокусироваться на чём-либо. Он оглядел меня и заявил, что больше не может представлять мои интересы: "От тебя слишком много проблем и головной боли. Мне не хочется говорить это, возможно, позже мне придётся пожалеть об этом, но я не хочу, чтобы ты меня больше беспокоил и звонил мне". После этой тирады он развернулся к двери.

Я был слегка удивлён: "Ты же это говоришь не всерьёз?"

"Я серьёзно, Боб. Иди, делай всё, что тебе только в голову взбредёт. Если ты просто пытаешься совершить самоубийство в рассрочку, давай, вперёд и покончим с этим. Ты нас уже достал своими выходками".

Я начал осознавать всю серьёзность положения: "Не уходи".

"Хорошо. Мы сможем поговорить всерьёз?"

"А должны"?

"Если ты не позволишь мне помочь тебе... Меня это уже достало, я уже не могу выносить это".

У нас состоялся очень серьёзный разговор тем вечером. Он разъяснил мне, сколько же я причиняю боли окружающим своими поступками: "То, что чувствую я, не идёт ни в какое сравнение с тем, что чувствует твоя мама, твоя бабушка. Я полностью опустошён, но это ничто в сравнении с тем, какую боль твои поступки причиняют твоим близким".

Я был шокирован услышанным. Я-то думал, я обеспечиваю семью, забочусь о них и тут вдруг такие откровения.

"Боб, твоя мама перед сном каждый раз плачет",

Меня ударило словно обухом по голове. Мы проговорили с ним почти два часа. После всего он заявил: "Мне плевать. Я буду здесь с тобой".

И это стало поворотной точкой в наших отношениях.

22 ноября я вновь вернулся в команду. Пэт Дешарне нашёл статью в коллективном соглашении, гласящую, что, если игрок физически здоров и может играть, ему должны платить его зарплату. Уингс пытались оспорить это, заявив, что, нарушив внутрикомандные правила, опаздывая на командные занятия и с запахом перегара, я не был физически готов. Но в коллективном соглашении были прописаны чёткие правила, по которым игрока могли признать физически не готовым к игре. Так что Пэт устроил мне целую медкомиссию, типа ортопеда, терапевта. Мы собрали уйму справок, подтверждающих мою отличную спортивную форму. У Крыльев было четырнадцать дней на принятие решения по моему будущему, либо они ставят меня в состав, либо разрывают контракт и я становлюсь свободным агентом. Они были недовольны моим поведением, рассказав прессе, что я заставил их принять меня обратно. Когда меня спросили об этом, я ответил: "Я воспользовался своими правами".

Вокруг меня постоянно циркулировали разные слухи. Уверен, в Ред Уингс их все проверяли. Всё, чтобы я ни делал, раздувалось до невероятных размеров. Мои поступки рассматривали под микроскопом. Прямо перед Рождеством я был на вечеринке в одном из отелей Детройта. Эта была тусовка из серии: "Давайте забуримся куда-нибудь, поскольку бары уже закрыты". Около трех часов утра одна девушка рухнула на пол и забилась в конвульсиях – приступ эпилепсии. Вызвали скорую. Упавшей девушке стало лучше и, когда прибыли медики, я решил уйти домой. Так совпало, что медики входили в тоже мгновение, когда я выходил из здания. Кто-то сделал из этого целую историю, которая обрастала всё новыми и новыми подробностями. Под конец она стала напоминать сцену передоза героини Умы Турман из "Криминального чтива".

Я не мог получить штраф за превышение скорости без того, чтобы это не стало известно в новостях, причём в самом неприглядном свете. Если я, будучи абсолютно трезвым, ехал на тренировку и меня останавливали за превышение, то, вне зависимости от моего поведения, в газетах можно было прочесть примерно такое: "Пьяный Проберт, без прав, ехал под 150 километров в час".

Дэни не была единственной у меня на тот момент. Были ещё Терри, Джеки, Мишель, Дрита. Я начинал со звонка Дэни, но, если её не было дома, я просто продолжал по списку. Как-то вечером я приехал с приятелем на своём "Корвете" забрать Джеки. До пригорода Детройта, где она жила, ехать было около полутора часов. Может, эта привычка у меня выработалась от хоккея, но я всегда следил за тем, что происходит вокруг меня. Я заметил, что как толь-

ко я сменил полосу движения, другая машина за нами повторила этот манёвр. Я съехал с автострасы и он съехал. Я сказал приятелю: "Кажется, нас кто-то ведёт".

Он не поверил и я повернул ещё раз. Преследователь не отставал, подтвердив мои догадки. Я свернул на дорогу, ведущую к дому Джеки, и, через пять минут, тот автомобиль свёрнул на эту же улицу и припарковался. Никто из машины не выходил. Я включил заднюю и на полной скорости встал рядом с этой тачкой. Внутри сидел какой-то старый поц, явно боявшийся нас. Он включил зажигание и попытался уехать. Но у меня-то "Корвет", не хрен собачий. Я начал гнаться за ним, пролетая на красный, сворачивая под "кирпич". Мужик настолько застремался, что он припарковался прямо перед полицейским участком Роуздейла. По дороге он ещё и позвонил им, крича в трубку: "Этот маньяк гонится за мной". Я вышел из своей машины и подошёл к его, как раз тогда, когда из участка вышли два полицейских. Я сказал им: "Этот му-дила преследовал меня". Те ответили: "Окей, садитесь в машину, мы проверим его".

Они поговорили с ним, потом вернулись ко мне и сказали: "Боб, тут мы ничего сделать не можем. Он частный детектив, его наняли следить за тобой. Мы не можем упечь его, не можем ничего сделать". Они сказали мне ещё, чтобы я не выезжал, пока они не отпустят этого му-дила. Им нужно было удостовериться, что я не разобью его тачку и не вытащу его наружу.

Когда копы поведали мне, что кто-то нанял его, я сразу подумал, что это дело рук Ред Уингс, в частности, Джима Девеллано. Я позвонил Пэту Дешарне и спросил его, не сможет ли он узнать, кто нанял этого ушлёпка. Позже он перезвонил и рассказал, что в команде опровергают наём сыщика. Даже после того, как Пэт сказал им, что тот подтвердил в полиции свой наём, Ред Уингс отрицали очевидное.

Пэт объяснил, что этот сыск законен, так как в нём нет никакой агрессии и вторжения в частную жизнь. Мужик держит дистанцию и наблюдает за мной прилюдно.

Позже я всё же докопался до истины. Всё началось летом 1988, когда Джимми Ди пригласил меня в свой офис, предложив сделку. Только между мной и ним, никого третьего. Каждый день лета я должен был приходить к нему в офис в полдень. Я получал бы таблетку "Антабуса" и хрустящую стоцолларовую купюру. Каждый день, всё лето. Джимми показал мне всю стопку купюр. Восемь тысяч сотенными купюрами, запертые в его столе.

Но я не согласился, ни хрена. Лето принадлежало мне и времени беспокоиться о хоккейном клубе не оставалось. В итоге они наняли детективов, даже двух. Десять лет спустя Джимми Ди подтвердил это, а Соупи рассказал об этом мне лично. Крылья хотели знать, что я делаю, из-за слухов о том, что я употребляю наркотики. Детективы работали весь июль. Джимми Ди хотел знать, чем я занимаюсь, двадцать четыре часа в сутки. Филеры сняли комнату неподалёку и снимали меня на камеру. У Джимми Ди скопилось целое досье моих походов. Детективы отмечали всех, кто входил и выходил из моего жилища, и следили за мной в клубах. Главным поводом для беспокойства Джимми Ди была скорость, с которой я вожу все свои транспортные средства. Сыщики отметили, что я как-то, возвращаясь домой, въехал аж на шестой этаж паркинга и начал там крутиться на машине. Как-то меня засекли на реке, разогнавшись до максимальной скорости на своём катере. На скоростной автострате они не могли угнаться за мной, потому что я лупил под 200 км. Но после того как я загнал одного из них к полицейскому участку, они перестали следить за мной, сказав Джимми, что работа слишком опасная для них.

В то время в команде ещё крутился какой-то врач. Его теорией было то, что я принимаю наркотики, занимаясь самолечением. Он подогнал мне капсулы с аминокислотой. При их приёме должен был вырабатываться допамин и, если бы я их принимал, я бы снял тягу к кокаину. Я приходил к нему на приём раз в неделю, однако он постоянно старался быть где-то рядом со мной, ходить со мной в магазин и всё такое. Я позвонил Дешарне и пожаловался: "Слушай, убери этого от меня. Он меня уже достал. Он хочет тусоваться со мной, набивается в друзья". Потом, как-то я проспал и пропустил тренировку. Через день у нас была игра в Сент-Луисе. Я не успел на первый рейс, но смог улететь на следующем. По прибытии меня ждал сюрприз от этого доктора. Он объявил: "Тренер только что рассказал руководству, что ты при-

нимаешь наркотики. Я здесь для того, чтобы помочь тебе, так что, если у тебя что-то есть с собой, лучше отдай мне". Я сглупил и отдал ему свою записку. Сразу после этого меня дисквалифицировали на неопределённый срок без зарплаты и мне рекомендовали держаться подальше от команды, поскольку я оказываю дурное влияние.

В 1989 году в Крыльях произошли большие перемены. Они обменяли Мирослава Фрысе-ра, отправили Джо Мёрфи в низшую лигу и расстались с Тимом Хиггинсом и Дугом Холвардом. 5 февраля руководство вело переговоры с Ойлерс об обмене меня, Клим (у которого были свои проблемы, с алкоголем) и Адама Грейвса на Джимми Карсона и Кевина Маклелланда. Уингс не скрывали свои намерения обменять меня. В одной газете был даже заголовок "Боб Проберт выставлен на распродажу невостребованных вещей". Джимми Ди рассказал прессе, что он активно пытается сбавить меня, переговоры были с Лос Анжелес Кингс и Виннипег Джетс. В газетах появлялась одна статья за другой, рассказывающие о моей личной жизни. Меня это выводило из себя, тяжело было просто сидеть, не в силах ничего поделать с этим. Хрен ли, я любил Детройт.

АРЕСТ

Кокаин стал проблемой. Я принимал его четыре-пять дней в неделю, по одной восьмушке унции, по 3,5 грамма за раз (это зависело ещё от его качества). День приёма, потом день-два без него и опять дозу. Помню, вынюхал его как-то перед игрой. Это было ужасно. Я был совершенно без сил, энергии ноль. Сидел на лавке, смотрел вокруг и думал: "Они знают. Двадцать тысяч человек знают, что я вмазался перед игрой". Я был пронизан паранойей.

Отец Дэни, Джим, предложил мне: "Послушай, брось это. То дерьмо, что ты принимаешь – дерьмо. Было дело, я тоже пробовал его, сейчас – всё. Давай договоримся. Ты прекращаешь принимать наркотики прямо сейчас. И тогда мы вдвоём махнём в Боливию на три недели, зависнем там, отдохнём как надо, на год вперёд. Вернёмся и ты чист на весь остаток года".

Но я так и не принял его предложение.

Уинзор и Детройт всего в восьми километрах друг от друга – пятнадцать минут на машине, если ехать через детройт-уинзорский тоннель. Граница никогда и не была для меня настоящей границей, особенно до событий 11-го сентября. Я иногда пересекал её и без документов, раньше было проще. Теперь обязательно иметь паспорт. Теперь всё строго, даже если они тебя знают, даже если ты вернулся через пять минут, после того как проехал туда. Постоянно проверяют, такие занудные уроды там.

У меня случались иногда проблемы при пересечении границы, но ничего серьёзного. Таможня иногда подолгу изучала мои документы, но обычно всё ограничивалось быстрым осмотром, потому что я играл за Уингс. Правда, я начал замечать, что их тоже начали напрягать мои проблемы с ездой в пьяном виде.

У меня есть друг детства, Джефф Кларк. Его родители владеют магазином инструментов в Штатах, так что у него есть гринкарта. И девушка, Энн, с которой он встречался, тоже была американкой. Первого марта они пришли на домашнюю игру Детройта, посмотреть на меня. А я как раз прикупил унцию кокаина. Я заныкал его в бардачок, после чего наша троица отправилась через границу в Уинзор на вечеринку в бар "Пенродс".

Дэни жила с бабушкой в Эссекс Каунти, к юго-востоку от Уинзора. Я забрал её примерно в 2 ночи, потому что у неё была поздняя смена в "Релакс Плаза". Я приехал на своём грузовичке "Блейзер", который Дэни называла свинюшником. В нём я иногда и жил. Тогда я ещё встречался с Лори Грэм, подругой жены Петра Климмы, но мы были несовместимы. Я не мог встречаться с другими девушками и не мог пить, потому что она помечала бутылки. Не будучи любителем чтения, помню, объяснял Дэни, что наши отношения с Лори были строго "плутоническими".

Иногда я ночевал у друзей, таких как Джефф, а иногда просто спал в своём грузовичке. Дэни отвезла нас в бар, потому что я был уже слегка гашеный. Мы присоединились к тамошней тусовке, затеяв игру в дартс и выпивая. Потом Энн и Джефф собрались уехать. У Энн в Детройте остался ребёнок, к которому она хотела вернуться, а Джефф оставил свою тачку дома. Я предложил им оплатить такси, потом предложил оплатить номер в гостинице, но они не согласились ни на то, ни на это. Наконец, я плюнул и сказал: "Хер с ним, отвезу я вас домой". В туалете я вынюхал одну порцию, чтобы протрезветь. Затем поделил остатки на четыре порции, отдав две из них приятелю, на подержать. Две я засунул себе в карман.

Я сел за руль, Дэни рядом со мной, а эти двое заснули на заднем сиденье. Было стрёмно ехать через границу, но я думал: "Они не заметут меня. Они же знают, что я игрок Детройт Ред Уингс".

Но я жестоко просчитался.

Время было уже около половины шестого утра, когда мы подъехали к детройт-уинзорскому тоннелю. Я пересадил Дэни за руль, так как мне надо было заныкать порошок.

Большая порция весила около 12 грамм, а маленькая около 2 грамм. С собой у меня ещё был кокаиновый измельчитель, примерно пяти сантиметров в высоту, диаметров с банку "Скула", который тоже надо было спрятать. Кокаин я запихнул в трусы, а вот измельчитель было слишком большим. Я пристраивал его в штаны, в трусы, под футболку – везде. Надо было выкинуть эту херовину в окно. Он стоил-то всего около 30 зелёных. Но, блин, их перестали выпускать, потому что их начали использовать наркоманы. Наконец, я засунул его во внутренний карман куртки, завернув в пластиковый пакет и обернув резинкой.

Вспоминаю, какими большими глазами смотрела на мои действия Дэни. Она не понимала, что происходит. Примерная девочка, которая никогда не сталкивалась с этой стороной жизни. Уверен, что она никогда до того не видела измельчитель.

Мы остановились у последнего окошка, где пограничник попросил предъявить документы. Ситуация осложнялась тем, что у нас с собой была куча документов. Энн была американкой, остальные трое – канадцы. У меня было разрешение на работу, у Джеффа – гринкарта.

Похоже, пограничник слышал о моих похождениях, потому что он взглянул в мой паспорт и попросил припарковаться. Все вместе мы направились на таможенную и в иммиграционный отдел. Там у меня проверили визу и у всех четверых сверили свидетельства о рождении. Нас спросили, сколько денег у нас с собой, где мы работаем, насколько собираемся остаться и всё такое. После этого нас отпустили. Мы облегченно вздохнули, но оказалось, что радоваться рано.

Возможно, они просто тянули время, поскольку мы даже не успели дойти до машины, как нас позвали обратно.

Я всё ещё полагал, что всё уже на мази. Но пока одни проверяли наши документы, другие рылись в моём грузовичке. На полу, под моим сиденьем, они нашли капсулу аминокислоты, которой пичкали меня в Детройте. Предположив, что это нечто незаконное, они продолжили обыск. На заднем сиденье они нашли ещё упаковку пива, ещё неоткрытого, и бутылку мятного шнапса, валявшегося там уже с месяц.

Мы все сидели в маленькой комнате, пока таможенники заканчивали досмотр машины. Они ходили туда-сюда с непроницаемыми серьёзными лицами. Мы же все сидели тихо, не выказывая никаких эмоций. Я беспокоился за Дэни.

Один из таможенников взглянул на Джеффа и распорядился: "Снимите, пожалуйста, пальто и положите его на стол". Обыскав пальто, они принялись за Джеффа. Я был следующим в очереди.

Также сняв пальто и уложив его на стол я ждал обыска. Два человека сноровисто прошлись по всем возможным тайникам и обнаружили измельчитель. После того, как они вытащили пластиковый пакет, я понял, что мне конец. На пакете оставались следы наркотиков. И при их абсолютной нетерпимости к наркоте, такой пакет был ничем не лучше такого же пластикового, но только забитого наркотой.

Они попросили меня проследовать в другую комнату. Там я снял футболку, а после нее дело пошло и дальше. Я приспустил брюки до щиколоток, но им надо было, чтобы я снял и трусы. Я носил "боксеры". Они были тесноваты, сильно облекая ногу. Я опустил вместе с трусами и пакетики с кокаином. Я стоял почти по стойке смирно, пытаюсь не смотреть туда, где совсем на чуть-чуть вылез один пакетик с коксом. Сыскари попросили меня повернуться туда-сюда, после чего разрешили натянуть трусы. Наклонившись, я начал подтягивать трусы, как вдруг кто-то засёк отблеск от спрятанного пакетика. "Подождите минутку. Передайте мне ту штуковину". Писец, вот попал, так попал. Я протянул ему большой пакет, оставив второй лежать на месте.

Меня отправили обратно в приёмную, где я попросился выйти в туалет. Разрешили мне выйти через несколько минут после моего вопроса, когда мне выделили сопровождающего. Он стоял у двери, пока я расстегивал ширинку. Потом он закрыл за собой дверь, оставив меня одного. Пока я мочился, я вытащил пакет и бросил его в толчок. Внезапно я решил: "Собственно,

какого хера? Я и так уже попал". Я достал кокаин обратно, привычными движениями сделал "дорогу" и нюхнул. Остаток я упаковал обратно в пакет и засунул его в карман рубашки.

После туалета меня заперли в камере, оставив одного. Бумажник со всеми деньгами и кредитными картами остался при мне. Недолго думая, я сварганил ещё пару "дорожек", свернул доллар и употребил ещё порцию. Через пять минут пришло трое погранцов, проводить повторный обыск: "Отойдите от двери, лицом к стене". Прямо как в кино.

Они обшлёпали меня и спрятанный пакет выпал на пол. Пограничники в недоумении уставились на него. Они уже написали в протоколе точный вес найденного порошка — 11,4 грамм и новая находка сделала из них дураков. Думаю, они порвали первоначальный протокол задержания, потому что в бумагах, которые получил мой адвокат, было указано 14,2 грамма.

В тот момент я ещё думал, что они не станут заводить дело, спустят на тормозах. Но, в 7 утра, когда меня сопроводили в основное здание погранконтроля и сняли отпечатки пальцев, я понял, что у меня большие неприятности. Один из федералов сказал перед моей отправкой в камеру: "Там куча прессы перед зданием". Кто-то явно уже слил информацию. А журналисты, похоже, только и ждали чего-нибудь подобного.

Пэт Дешарне познакомил меня как-то с крутым адвокатом Гарольдом Фридом, который представлял интересы многих известных шишек в Детройте. Я его сразу прозвал Хайрбол — Волосатый шар. Хорошее прозвище для того, у кого не осталось волос на передней части головы. Гарольд знал свое дело туго. Она решал для меня некоторые вопросы с миграционниками. Он приехал ко мне сейчас, как только услышал новость по радио. Мне предстояло слушанье в суде, вот он и приехал. Место кишело репортерами, а Гарольд сделал все предварительные заявления.

Дэни, Джефф и Энн были отпущены без предъявления им обвинений. Хотя бы это порадовало меня.

Я знал, что я влип по уши, но знаете, что меня бесило больше всего в этой ситуации. Первое: мой грузовик конфисковали и перевернули в нём всё с ног на голову. После моей отсидки, к сыну офицера Рика Лузвельдта, который приглядывал за мной, подошел его сверстник и предложил купить колонки и усилитель. У этого барыги явно были родственники работавшие в погранконтроле. Он заявил, что ему разрешили забрать из моей тачки мой бумбокс и усилитель: "Смотри, стерео Боба Проберта. Хочешь продать?" Потом мне еще пришёл счёт за телефон, кто-то сделал пару звонков с моего телефона в машине. И солнечные очки тоже ушли. У меня было несколько клеевых моделей. К счастью, грузовик был зарегистрирован на имя моего друга, так что им пришлось вернуть его. С полным бардаком внутри.

Второе: речи некоторых из моих одноклубников. Большинство из них вообще считало, что это хорошо, что меня упрятали за решётку. Стив Айзерман по обыкновению вступился за меня: "Не думаю, что мы больше не увидим Боба в игре". Но некоторые другие, просто звезды. Я защищал этих парней, а потом они несут такую херню про меня. Помню, Гилберт Делорм заявил, что мне давали много шансов исправиться и меня нужно выкинуть из лиги пожизненно. В следующем году он перешёл в Квебек и я здорово приложил его. Я подстерёг его, когда он копался с шайбой за воротами и на полной скорости расплющил его по борту. Он повредил локоть и больше не выходил на лёд в этой игре, но мне было насрать. Я хотел нанести ему травму за его долбанутые комментарии. Ты не должен говорить такого об одноклубниках, ни в ком случае. Ты можешь это думать, но не выкладывать всё в прессе.

И Ли Норвуд опять не мог не прокомментировать. Он сказал, что, если б я пришёл к нему, он помог бы мне разобраться с проблемами. Типа он такой весь из себя Супермен, Бог или вроде того. Не слишком умно с его стороны.

Тем временем, служба иммиграции и натурализации США хотела видеть меня в тюрьме до суда. Но Гарольд помог мне разобраться с этим легальным путём. В 1989 году существовало положение, согласно которому у иностранцев не было таких же прав в суде как у граждан Америки. Но моя команда юристов заставила суд признать, что это положение неконституци-

онно. До суда я оказался на свободе и все не скрывали радости от того, что получилось так, как нам хотелось. Мы покинули здание суда через запасной выход, избежав натиска прессы.

После этой победы мы бурно радовались, хлопали друг друга по спине и тому подобное, как вдруг Гарольд внезапно посерьёзnel и повернулся ко мне: Проби, остановись. Ты понимаешь, насколько это всё серьёзно и через что мы сейчас прошли?" На меня словно ушат холодной воды вылили. Я прикурил и сказал: "Хайрбол, всё нормуль! Эй, мы свободны. Меня только что отпустили. Мы победили! Мы победили!"

После суда и отбытия заключения мне можно было и дальше играть в Штатах, после того как ситуация с моим иммиграционным статусом прояснилась. Моё дело помогло изменить статьи закона для иностранцев. Теперь приезжие, оказавшиеся в подобной ситуации, могли работать до тех пор, пока иммиграция не примет решения, могут ли он остаться в стране. Я рад, что из этой истории получилось хоть что-то хорошее.

Я не хотел возвращаться в Канаду, потому что меня не пустили бы обратно в Штаты. Я попросил Дэни приехать ко мне на американскую землю, навестить меня. У меня не было машины, так что по магазинам мы передвигались на своих двоих. Пару дней спустя, мы зашли в супермаркет, набрали еды, что нам пришлось вызвать такси. Пока мы его ждали, на нас пялился народ и одна девочка-подросток подошла и спросила: "Вы Боб Проберт?"

Я улыбнулся в ответ: "Ну, да",

Она взглянула на меня и сказала: "Я хотела, чтоб Вы знали, Вы – просто позорище". Просто уничтожила меня перед всем народом. Я призадумался и её слова вогнали меня в депрессию.

Еще через пару дней мы с Дэни зашли в бар "Якорь". Мы погоняли в бильярд, я выпил пива. Но, как назло, бар оказался напротив здания Детройт Фри Пресс и Кейт Гейв засёк меня. Естественно, снова уничижительная статья в газете. Служба иммиграция заявила, что я должен пройти курс лечения. Они отправили меня в их лечебный центр, Холи Гарденс, неподалеку от Флинта.

Гарольд поддержал мою реабилитацию. Он заметил, что суду понравится моё решение. Но Дэни пришлось нелегко, когда я уехал в центр. Мне было плевать на этот центр, я не ждал от него ничего хорошего, но Дэни плакала, когда отвозила меня туда.

Майк Илич, владелец Ред Уингс, заехал ко мне на своём лимузине и мы отправились с ним на ланч. Он хотел узнать, как я поживаю. М-р Ай сказал, что команда поддерживает меня и что они пытаются помочь мне всеми силами. Джон Зиглер, президент НХЛ, только что вlepил мне пожизненную дисквалификацию – "на пока". И м-р Ай встал на мою защиту на больших официальных слушаниях. Я безмерно уважал его за это.

Дэни приезжала ко мне по выходным. Она привозила мне ореховый пирог и шоколадные печенки всем остальным. По первости это было замечательно, но потом я положил глаз на небольшого росточка блондинку медсестру Кэти. Это было дико. Не хочу сказать, что я прям такой жеребец, но такое часто случается. Эти девушки идут работать сиделками из-за их желания помочь людям. Может, это какой-то тип созависимости, хер его знает. Короче, мы с Дэни разошлись. Она казалось не слишком огорчённой этим, потому что она вроде как снова начала встречаться с тем чуваком, Кевином, от которого ушла ко мне. А у Кэти потом были неприятности, когда она помогла достать тачку, на которой я отправился в город, бухнуть с парой своих новых знакомых из клиники. В баре нас, по обыкновению, спалили. Потом я ещё узнал, что мои знакомцы были ещё и несовершеннолетние, лет 16-17.

26 сентября 1989 года окружной судья Патрик Дагген приговорил меня к шести месяцам тюрьмы. Я считал, что, в принципе, легко отделался. Я рассчитывал вообще на условный приговор, потому что Харольд пытался доказать, что инкриминируемая статья должна относиться к тем, кто продаёт наркотики, а насчёт меня все были согласны, что мой кокаин был для личного употребления. Этот аргумент не прошёл, но я уверен, что благодаря ему, судья смягчил наказание.

Я взглянул на Харольда. В его глазах были слёзы.

17 октября стали известны детали моего срока заключения: три месяца в Федеральном Медицинском Центре в Рочестере, Миннесота, три месяца в "доме на полпути", учреждении для реабилитации отбывших наказание заключённых, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, три года условного срока, штраф 2000 долларов, плюс издержки в сумме 3680 долларов. И дополнительный пинок под зад – по 1210 долларов за каждый месяц в камере. Я платил ренту за проживание в тюрьме.

7 ноября, м-р Илич заказал чартер только для меня и Харольда и я отправился в тюрьму. Она выглядела как студенческое общежитие. В моей камере было окошко и толстая тяжелая дверь, которую открывали в 6 утра и закрывали вновь только в одиннадцать часов вечера. Могло бы быть и хуже. Там могли бы быть и решетки.

Я был федеральным заключенным №12211–309, и я ходил в тюремной робе, или как там вы её назовёте. Кажется, она была коричневого цвета. Я сидел вместе с Джимми Бейкером, евангелистом и Билли Джиакалоне, мафиозным боссом из Мичигана. В то время Бейкер брал деньги за свою фото вместе с сокамерниками – по 5 долларов за штуку. Но потом какой-то здоровый негр отослал эту фотку домой и те продали её в "Нэшнл Энквайр". В подписи под фотографией утверждалось, что они любовники. После этого Бейкер перестал позировать. Он был такой, слегка двинутый. Он всегда жаловался на то, как повредил спину, упав с верхней койки. Потом, как-то нам назначили уколы для повышения иммунитета. Он снова начал кричать. Я повернулся к нему и сказал: "Хорош визжать, это уж не так стрёмно. Это не Джессика Хан".

Билли Джиакалоне был одним из тех, кого подозревали в причастности к исчезновению Хоффы. Но он был по-настоящему крутым. Он был болельщиком Уингс. Мне он сказал: "Эй, Боб, будут проблемы или кто-то надоест тебе, просто разбей стул об его голову".

На второй день, когда я стоял в очереди на раздачу пищи, какой-то хер внезапно втёрся передо мной. Я вежливо его попросил: "Почему тебе не свалить нахер в конец очереди, как это делают все". Он повернулся ко мне и выдал какую-то хрень типа: "Когда ты освободишься, не думай, что в безопасности. Я знаю нужных людей в НХЛ". Я уже начал готовиться к драке прямо там, но он, сказав эту чушь, ушёл.

Я был слегка рассержен. Конечно, никому не хочется оказаться в подобном месте. Тюряга всегда отстойное место для парней, которые не терпят сидеть взаперти. Я выглядывал в зарешёченное окошко каждый день, зная, что я не смогу никуда уйти. Двойные решётки и патрули реально действовали на нервы. Ко времени моего освобождения я обгрыз себе все ногти.

Одной из самых выбешивающих вещей там – это работа на кухне. За два до Рождества я участвовал в мытье котлов и подносов. Работа нуднейшая, писец. Я ставил котлы и подносы на конвейер, потом следующий зэк обдавал их кипятком, а ещё один сушил их. Подзадолбавшись, я вышел покурить, сев на маленький стол рядом с кухней. Я прикурил и тут появился ответственный за процесс: "Эй, ещё не время перерыва. Давай обратно".

Я был спокоен: "Хорошо".

Он ушёл, а я продолжал курить. Он вылез вновь: "Ты ещё здесь. Я же сказал, давай работай".

За двенадцать центов в час ты можешь запихнуть эту сраную работу себе в жопу".

"Что??? Это означает, что ты не собираешься возвращаться к работе?"

"Похоже на то".

Он исчез и пришёл уже с женщиной-надзирателем.

"Лицом к стене, пожалуйста".

Я встал, мне завели руки за спину, одели наручники и отвели в долбаную одиночку за отказ продолжать работу. Когда тебя отправляют в одиночную камеру, ты ждёшь слушаний. Время, проведённое в одиночке, не засчитывается в общий срок отсидки. Я отсидел там пару дней до Рождества. Моя мама должна была приехать, навестить меня, так что заместитель начальника тюрьмы, пожилая леди, выпустила меня, не дожидаясь слушаний на следующей неделе.

Когда приехала моя мама, я вышел покурить на свежий воздух и она со мной. Там гулял ещё один здоровяк со своей женой. Они вдруг прижались к стене под камерами, он задрал ей юбку и начал трахать. Я охренел, это выглядело, как сношающиеся собаки. Мы с мамой тут же развернулись и заскочили обратно в здание.

Слушание проходило в комнате, где я стоял перед тремя прибабахнутыми тётками. Они думали, что они типа богини. Меня попросили рассказать, что случилось. Я честно ответил: "Я работал на кухне и сделал одно замечание". Тётка зачитала мне показания тогдашнего ответственного: "За двенадцать центов в час ты можешь катиться вместе с этой работой". Я поправил её: "Нет. Я сказал: "За двенадцать центов в час ты можешь запихнуть эту *сраную* работу себе в жопу". Им не понравилась моя ремарка, трём этим напыщенным бабам. В итоге, мне зарядили неделю отсидки в одиночке.

Но одновременно, это был и какой-то жизненный опыт. Ты уже не в обычном обществе. Ты заперт с сокамерником. Мой первый сокамерник тянул срок за убийство. Он и его партнер сидели у себя дома с уймой наркоты. Сокамерник валялся на диване с двумя тёлками, а его приятель ушёл в ванну, когда два чувака с пушками наперевес вломились к ним. Его приятель завалил одного, выстрелив из-за угла из ванной. Потом он вышел и начал палить дальше. Второй грабитель сумел уйти, не пострадав. По крайней мере, мой сокамерник рассказал мне такую историю.

Потом его перевели и когда подселили восемнадцатилетнего индейца. Он рассказал мне, что индейцы дуреют по пьяни. Он подрался со своим лучшим приятелем и убил, пырнув того ножом. Ему дали четырнадцать лет. Пока я сидел вместе с ним, я спал с одним открытым глазом.

Один час в день у нас выделялся на прогулку в отдельном от главного дворике. Перед выходом в камеру на тебя надевали наручники, снимая их уже во дворе. Можно было выкурить пару сигарет, и поиграть часок в баскетбол. И всё. Мне это быстро осточертело.

Мне и моему сокамернику нельзя было курить в первые три дня в камере. По этому поводу, мы намазали одну открытку внутри зубной пастой, которую мы получали каждое утро, и дали ей слипнуться. В уголке мы проделали дырку, распустили свои белые тюремные носки и протянули несколько свернутых ниток через дырку, сделав петлю. Получившуюся конструкцию мы пуляли в сторону камеры напротив. Там открытку втягивали к себе, привязывали к нитке сигарету и выбрасывали открытку обратно.

Каждый раз, когда мы добывали таким образом курево, существовал риск, что все сигареты заберёт себе охранник. Это было жестоко. Ты отчаянно желаешь сигарету, вот она, тянется по нитке твоя родимая и, раз, тебя поймали. Но по ночам было забавно наблюдать, как все эти штуки летают взад-вперёд. Народ добывал сигареты.

В тюрьме народ очень изобретателен. Некоторые даже делали самогон. Работавшие на кухне тырили немного теста, плюхали его в ведро вместе с изюмом или любыми фруктами, которые могли найти, добавляли воды и получали вино. Оно должно было бродить около месяца, так что они начинали бодяжить в ноябре. Мне рассказывали, что охранники мягче относились к зэкам незадолго до Рождества.

Наркоту там тоже постоянно как-то добывали. Один предложил мне как-то косячок. Но за десять дней до моего освобождения... Я отказался и правильно сделал. На следующий день у меня взяли мочу на анализ. Эти тесты проводили выборочно и, если анализ показывал у тебя наличие наркотиков в организме, ты попадал по полной.

В тюрьме было трудно, но это не был какой-нибудь Алькатрас.

Стив Айзерман, Колин Кэмпбелл и Жак Демер навестили меня в январе. Конечно, этот визит попал в газеты. Стиви был всегда очень тактичным. Он желал мне лучшего. Когда бы я не влипал в неприятности, он говорил газетчикам: "Что ж, надемся, что Боб сможет справиться со своими проблемами и станет лучше". Напротив, Демер называл меня чумой, после того как меня упрятали за решетку. Он заявил: "Чума закончилась", после вынесения приговора. За-

бавно, что когда я бился за его команду, я не был такой ужасной болезнью. Думаю, его волновала только своя собственная задница.

Джим Лайтс, исполнительный президент Ред Уингс, приехал повидать меня в Рочестер. Он называл его "Большой стеной". До того момента он никогда не был внутри тюрьмы. В то время процедура обыска в тюрьме примерно напоминало то, что сейчас творится в аэропортах. Ты выкладываешь всё из карманов перед металлодетектором, твоё дерьмо просвечивают рентгеном и обыскивают. Джим Лайтс сказал мне, что этот момент был самым стрёмным.

Приезжал и Джимми Ди. Он был холостяком. Вся его жизнь была посвящена хоккею. Правильно это или нет, но это было так. Думаю, что он считал, что парни типа меня были его детьми. Он посвятил много времени тому, чтобы направить меня на путь истинный. Позже он рассказывал мне, что почувствовал облегчение, когда я угодил в тюрьму. После прочтения полицейского протокола, он думал, что своей смертью я не умру – попаду в аварию, умру в барной драке из-за наркотиков или меня подстрелят из-за женщины. Ну а если не это, то, по его мнению, я обязательно бы врезался куда-нибудь на своём катере. Он надеялся, что тюрьма лучше поможет мне исправиться, чем команда или реабилитационные центры.

Чего мне больше всего доставало в тюрьме, до боли в зубах доставало, так это женщины. Куска задницы. Женской задницы. Дэни слала мне рисунки, но они не были, знаете, полароидного качества, так что мне приходилось напрягать своё воображение. Полароидные снимки в тюрьме не допускались.

Я закончил своё среднее образование, когда сидел в тюрьме. Потом я попробовал курс колледжа "Письменное общение", но не закончил его. Я пришёл на одно занятие, длившееся четыре часа с одним 15-минутным перерывом. Для заядлого курильщика, которым я являлся, высидеть такое было сродни пытке. А потом нам дали задание написать эссе на четыре страницы, так много сотен слов и всё к следующему дню. И опять я сказал себе: "Нахрен надо" и больше не возвращался в класс.

Второго января 1990 года мне сказали о том, что, как только я отбуду свой срок, меня тут же отправят в "дом-на-полпути". Гарольд получил разрешение иммиграционной службы США, так что я мог оставаться в Штатах до получения разрешения на работу. Но я не получил разрешения на многократный въезд, другими словами, если я покидал пределы Штатов, я больше не мог вернуться.

Я жил в "доме-на-полпути" с февраля до середины апреля. Перед ним меня отправили в психушку в Бетесда, штат Мэриленд, на обследование. Там была чертова уйма умалишенных. Меня обвешали датчиками и вкололи анестетик, новокаин. Я сидел в кресле и меня так вштырило, что мне захотелось повторить этот опыт. Я сделал вид, что он на меня никак не повлиял. Компьютер отслеживал мою реакцию, так что они выяснили, что у меня синдром дефицита внимания с гиперактивностью – СДВГ. Дешарне считал, что это полная чушь. Он сказал, что некоторые профессионалы так привыкли к определённом диагнозу, что ищут его под каждым камнем и в каждой кривой. И находят его, потому что они очень хотят его найти.

Газеты тут же написали об этом диагнозе. Я помню, читал одну, так там репортёр назвал его "Синдром дефицита проблем".

На мне испробовали разные таблетки, типа Депакота и Риталина, чтобы помочь мне сфокусироваться. А я занялся своим обычным делом – замутил с одной из медсестёр. Закончилось всё тем, что она слетала со мной в Мичиган на неделю. Она была не такая, как другие мои бывшие. Она была брюнеткой.

Мне назначили инспектора, наблюдающего за условно осужденными, Рика Лусвельдта и отправили в Иствуд, реабилитационный центр в городе Понтиак, неподалёку от Детройта. Настоящее гетто. У меня там были свои упражнения – девяносто встреч "Анонимных алкоголиков" за девяносто дней и постоянные анализы мочи.

Рику сказали, что я могу тренироваться с командой. Уингс были готовы взять меня на тренировки, так что я мог сыграть в следующем сезоне, но были и проблемы. Я проходил много курсов лечения в тюрьме, но руководитель лечения хотел, чтобы я вернулся и прошёл ещё

один. Он был уверен, что человеку нужно отказаться от всего, от своей личности, а затем выстроить самого себя заново с этой точки. Это означало, что я могу совсем не выйти на свободу. Я же в свою очередь считал его мудаком. Мы собрали конференцию, на которой он не позволил мне вернуться к тренировкам с командой.

Я позвонил Рику и сказал, что готов сбежать из "дома-на-полпути". Рик ответил: "Никуда не выходи, жди, когда я приеду и поговорю с тобой. Если ты уйдёшь, это будет нарушением условного заключения и мне придётся отправить тебя в суд". В итоге, он приехал, и мы проговорили час или около того. Мне было позволено вновь начать тренировки, если я поработаю над "журналом". Мне надо было каждый день писать что-то на бумаге. Типа такого: "Моя цель – оставаться в трезвости, жить один день за раз, чтобы быть счастливым и свободным, быть удачливым в работе, чтобы однажды завести свой собственный бизнес".

Первые три недели я катался один, только с Соупи. До конца сезона оставалось четыре игры и было не похоже, что команда пробьётся в плейофф. В Уингс думали, что я могу помочь, но прежде нам надо было поговорить с Зиглером о снятии моей пожизненной дисквалификации. Забанив меня, он поступил очень жёстко.

В правилах НХЛ было постановление, согласно которому президент мог дисквалифицировать человека пожизненно без слушаний, улик, вообще безо всякого вклада со стороны игрока. Мои юристы направили в суд официальное письмо с протестом против этого положения. Они отметили тот факт, что это постановление появилось, когда бывший исполнительный директор ассоциации Игроков, Алан Иглсон сблизился с президентом. Иглсон абсолютно неправильно представлял интересы игроков. У хоккеистов не было никакой защиты, так что мы намеревались судиться.

Спустя восемь месяцев после моего ареста Зиглер смягчил свою позицию. Он отписал письмо, в котором назначил дату очередного слушания, на этот раз с моим присутствием.

В начале марта я, моя мама, Джимми Ди, м-р Илич, мои адвокаты – Дешарне и Фрид встретились с Зиглером в Риц-Карлтоне в Саутфилде. Об этой встрече нигде не сообщалось, всё было по тихому. Зиглер назначил дату, НХЛ даже оплатила съют, выглядевший как большая комната для заседаний. Он сказал, что вольны говорить всё, что нам захочется. М-р Илич был очень спокоен: "Мы хотим, чтобы Боб вернулся. Он нам нужен в клубе, нужен нашим игрокам. Он всерьёз работает над своей реабилитацией". Не помню, чтобы он говорил, что-то ещё, но уже это было довольно эффективно.

Джимми Ди рассказал, что у меня были проблемы с алкоголем, а известие о моём пристрастии к наркотикам стало для них громом среди ясного неба. Но команда очень хотела, чтобы я вернулся, и я очень стараюсь покончить со своими вредными привычками.

Гарольд рассказал о том, сколько много я уже заплатил из своего кармана, чтобы излечиться и сколько я потерял от пребывания в тюрьме. По его мнению, большего наказания мне было не нужно. Дешарне добавил, что многие другие тоже были дисквалифицированы за наркотики, но никто – пожизненно.

Я сказал Зиглеру, что изо всех сил стараюсь излечиться и хоккей очень важен для меня. Я бы мог стать примером для детей. Человек, который вляпался в неприятности, но смог вернуться к нормальной жизни.

Зиглер снял дисквалификацию. Для прессы он сделал заявление: "На основе тестов и рапортов об отбывании условного наказания, я удовлетворён его состоянием. Потеря одного года и 200000 долларов итак уже достаточное наказание".

Я не выпивал и не употреблял наркотики, но я очень нервничал и это не добавляло мне положительных эмоций. Меня так затрахало это лечение. Но, по правде, я просто не мог понять, почему я не могу выпить.

Рик Лузвельдт считал, что игра оказала бы на меня большее терапевтическое воздействие, нежели я бы провёл всё лето в раздумьях о том, смогу ли я снова заиграть. Он встретился с судьёй Даггэном, разъяснил наши трудности и тот заверил, что поможет нам. Это придало Рику больше уверенности в общении с моим руководителем. Снова состоялась большая встреча,

на которой присутствовали: Рик, Джимми Ди, Соупи, Жак Демер и Джимми Лайтс. Все, как заведённые, повторяли: "Я думаю, Боб готов! Думаю, Боб готов!" и все смотрели на Рика, потому что от него зависело, получу ли я разрешение. Рик знал, что Детройт борется за последнее место в плейофф, да и со стороны бизнеса, попадание в плейофф – это большие деньги. Он прикинул давление, оказываемое на команду и позвонил руководителю. Тот отвечал: "Нет-нет. Он не готов. Ему нельзя играть".

Рик спросил: "Почему?"

"Потому что он не закончил свой журнал. У него ещё не заполнены четыре страницы".

"И это всё? Вы говорите, что Боб не может играть из-за трёх-четырёх страниц в журнале?"

В итоге, он переубедил моего надзирателя. Я мог сыграть на следующий день против Миннесоты. Матч был намечен на четверг, а потом старые добрые игры два вечера подряд с Чикаго – в субботу на "Джо Луис Арена" и на "Чикаго Стадиум" в воскресенье. Я мог сыграть в домашней игре, но не в воскресной, потому что мне нельзя было покидать пределов штата.

Мы приехали с Риком на арену и беседовали с Демером часа полтора перед игрой. Он хотел, чтобы я играл. Команда была в опасной близости от последнего места в дивизионе Норрис, но я был взволнован перспективой вернуться на лёд. Будучи так долго вне игры, я не был уверен, что команда и болельщики примут меня.

Я выкатился на раскатку 22 марта 1990 года и болельщики просто сошли с ума. Газеты расписывали во всех красках, как трибуны скандировали: "Проби! Проби! Проби!" Это было хорошо, люди желали моего возвращения. Я же просто хотел показать, что я здесь.

Миннесота забила пару быстрых шайб, что отвлекло болельщиков от моего возвращения, но я отыграл одну, вновь напомнив о себе. Но гол был не засчитан. Я разозлился и попытался завести команду. Но я не думаю, что кто-то хотел стать тем, на ком я выместил бы сдерживаемое больше года разочарование.

Но я забросил ещё одну в третьем периоде. Болельщики приняли меня, и ком подступил к моему горлу.

Фаны Детройта намного более склонны прощать, чем большинство людей предполагают. Я слышал, говорят, что всем уже надоели мои выходки, и они не собираются мириться с моим дерьмом, однако это оказалось туфтой. Болельщики оказались самыми понимающими из всех. Они писали мне письма, давая знать, что они молятся за меня и надеются, что я пройду через всё это без потерь. Болельщики Детройта – отличные ребята. Они любят игру и примадонны не в их стиле.

Хотя мы и проиграли 1:5, все в раздевалке, казалось, рады моему возвращению. На следующий день в газете написали, что я смахивал слёзы с глаз, когда болельщики приветствовали мое возвращение. Я не помню этого. Вернее, не помню слёз, но я помню, мои эмоции зашкаливали.

Я выдохся, но чувствовал себя просто замечательно. Помню, думал о том, что парни не играют за Жака. В команде не было искры. Я не чувствовал в команде драйва, хотя плейофф был в пределах досягаемости и результат игры был очень важен.

В субботу-то мне удалось сыграть, но никаких шансов на вылет на игру в Чикаго. Мой пастырь снова был абсолютно против этого – абсолютно против того, чтобы я вообще играл и точка. И Рик считал, что я перегибал палку, пытаюсь всеми силами вернуться в игру. Но ведь многие и находят спасение от алкоголя и других субстанций в работе, по десять часов, семь дней в неделю. Так у них и не остаётся времени думать о выпивке или наркоте.

Позвонил Гарольд и сказал Рiku, что у Лемера не хватает игроков. Рик поговорил снова с моим руководителем и тот, в конце концов, сдался: "Хорошо, оставляю решение за тобой, но если бы Боб был бухгалтером в "доме-на-полпути" и ему пришлось бы работать внеурочно во время сдачи налогов, ты бы ему запретил?"

Рик позвонил мне с утра в "дом-на-полпути" и спросил: "Боб, как ты себя чувствуешь?"

"Слегка устал".

"Слушай, если ты устал и эмоционально опустошён, просто скажи мне. Я скажу в команде и в прессе, что ты хочешь играть, но я запретил. Никто даже не узнает об этом".

"Я хочу играть. Я должен быть с командой".

"Хорошо. Ты будешь".

И потом была победная шайба в субботу и гол, сравнявший счёт в воскресенье, хотя мы и проиграли 2:3. Моя жизнь потихоньку налаживалась.

Гарольд Фрид хотел, чтобы я не влип по новой в неприятности. Он свёл меня с одним человеком, который был типа спонсора. Его звали Рики Рогоу, но все называли его Большой папочка. Он владел рестораном греческой кухни в Вест Блумфилде, Мичиган – "Парфенон Большого Папочки". На ланче в офисе Гарольда он дал мне свою визитку, сказав, чтобы я звонил ему, он не будет сам звонить. Через месяц мы встретились с ним случайно и он заметил: "Ты не звонил мне". Я пообещал позвонить, что и сделал спустя ещё две недели. У меня было не слишком много друзей, которые не любили бы выпить или нюхнуть, но с Большим Папочкой было весело и без допингов.

Мы оба любили вкусно покушать. Как-то вечером мы катались впятером на моём катере. Мы заехали в ресторан неподалёку от реки. В меню у них было двадцать пять десертов, всяческие пирожки, мороженое и кексы. Большой Папочка взглянул на меня и спросил: "Ну как, Проби, справимся?"

"Почему нет?"

Он позвал официантку и попросил принести всех десертов по одному. Та, удивившись, переспросила. Но мы слопали их все.

Когда я познакомился с Большим Папочкой, я всё ещё встречался с Джеки. Одним воскресным утром, после гулянки ночь напролёт, мы с ней отправились на моём мотоцикле к Большому Папочке на завтрак. Я раньше не видел её жену, которую тоже звали Рики, но с *i* на конце, а не с *u*. Она открыла дверь, одетая в простую домашнюю одежду, с заколотыми в пучок волосами. Двое детей стояли рядом с ней. Она оглядела мою кожаную куртку, "варёные" джинсы, Джеки в её топике и высоких белых туфлях и решительно захлопнула дверь: "Нет-нет-нет!" Я продолжил звонить и кричать: "Большая мамочка, Большая Мамочка! Открой дверь, открой дверь!" В итоге она впустила нас и это стало началом нашей большой дружбы. Большой Папочка и Большая Мамочка стали одними из лучших моих друзей.

Тем летом я встретил Бэмби. Симпатичная, энергичная, без сисек, но с великолепной задницей. Я был судьёй на конкурсе красоты "Гавайские тропики", в котором она принимала участие. Она была тренером по гимнастике. Бэмби хотела окультурить меня, пока мы встречались, месяца два примерно. Но к Рождеству мы вновь начали встречаться с Дэни.

Дэни лишилась работы в Релакс Плаза из-за того инцидента на границе. Её имя появилось в газетах, когда меня упрятали за решетку, так что её постоянно донимали репортёры. Её менеджеру это не нравилось, так что он уволил её.

Я всё ещё не мог уехать в Канаду, так как это вышла бы самодепортация. Я жил в Детройте, ходил в качалку, катался на своём катере и собирал новые штрафные квитанции за превышение скорости.

После моего освобождения клуб захотел сменить мой имидж в глазах прессы. Теперь они не называли меня раздолбаем-лоботрясом, а наоборот, говорили только хорошее. Я давал много интервью в то время. Как-то я позвонил Дэни – и паре других бывших – "Эй, слушайте меня по радио. Включайте WRIF прямо сейчас".

И какой-то хрен позвонил и спросил: "Боб, у тебя есть подруга?"

Я ответил максимально безопасно, как только смог: "Да, я встречаюсь со своей старой подружкой".

Кто-то точно подговорил того чувака. А иначе нахрена ему было спрашивать меня об этом.

МО МЕЛЛИ

Мы впервые встретились с Шелдоном Кеннеди в раздевалке Ред Уингс весной 1990 года. Нас представили друг другу и сказали, что теперь мы будем соседями по гостиничному номеру. Помогать, так сказать, друг другу встать на путь истинный, если поверите. Мы отлично подходили друг другу. Я только что откинулся, он был новичком, только что прошедшим курс реабилитации. Мы приглядывали друг за другом. Так поступают друзья, так делали и мы.

Нам также назначали нового соглядатая, Дэйва Уинема. Он был помощником тренера Детройт Драйв, команды по американскому футболу с арены м-ра Илича. Он помогал команде с силовыми и прочими тренировками. Предполагалось, что он будет шпионить за нами, но он сказал нам об этом сразу. Он поведал, что в команде его попросили наблюдать за нашим поведением. Мы с ним подружились.

Мы переехали в новое здание, Лафайет Тауэрс, в центре Детройта, в шаговой доступности от Гриктауна. Дэйв тренировал нас и мы выкладывались по полной. Кардиотренажеры, силовые и катание. Я отлично себя чувствовал, хотел быть полностью готовым к новому сезону. Конечно, курить я не бросил, да ещё и брал табак, который нужно было закладывать за губу, гигантские плюхи "Копенгагена" или "Скоула".

Никто тогда не подозревал, что пришлось пережить Шелдону. Только годы спустя, стало известно, что он подвергался сексуальным домогательствам со стороны своего тренера в юниорах, Грэма Джеймса. Джеймс сел в тюрьму на 3,5 года за свои деяния. Потом Тео Флери выпустил книгу, в которой тоже рассказал о том, что был жертвой домогательств со стороны Грэма. А тогда, Джимми Ди, не зная всей этой истории, поручил Дэйву следить за тем, чтобы Шелдон отвечал на телефонные звонки Грэма. В Уингс считали Грэма частью доверенного круга семьи и друзей Шелдона и предполагалось, что он поможет ему оставаться чистым. А Джеймс, этот педрила, звонил нам довольно регулярно.

Дэйв, Шелдон и я подружились по-настоящему. Мы часто проводили время вместе. Еда в магазинах поблизости была просто отличной. Мы готовили стейки на гриле, потом набирали сортов шесть мороженого с десятком разных наполнителей и сжирали всё в один присест. Дэйва часто не было, так что мы с Шелдоном стали очень близкими друзьями. Он стал мне как младший брат. Я называл его Мо Мелли. Как-то мы дурачились, объявляли состав на игру и я на ходу придумал песенку со словами: "Шелли, Шелли, Мо Мелли..." Мы постоянно валяли дурака. Я мог разбудить его, прыгая на его кровати, часов в пять утра: "Проснись, Мо Мелли! Проснись, соня! Поехали кататься на лыжах".

Мы купили свои "Харлеи" ещё до того, как они стали модными. Помню, как-то въехали на них на тренировку. Все на нас уставились, мол, что за нах. А мы просто стояли там, как мальчиши-плохиши. Нам просто нравилось гонять на байках. Вскочить в седло, поддать газу и вперёд, в Альпену, в четырёх часах от Детройта. Как-то мы выехали и начался ливень. Мы обгоняли полуприцеп. Из-под его колес лупили градом брызги, а мы просто ехали, не видя дороги и машин на ней. Вот так и мы и жили. Жили и играли на полную катушку, выкладываясь по максимуму, на льду и вне него.

На "Харлее" очень сложно катиться на одном заднем колесе из-за их веса. Я-то ещё мог кое-как задрать его вверх, но у Мо Мелли мотоцикл был тяжелым не по-детски. Моя модель называлась "Ностальгия", черная, с полоской воловьей кожи на сиденье. Я прозвал его "Корова Му-му". У Шелдона был бирюзовый "Толстяк". Помимо "Харлея", я купил себе черно-серую "Ямаху Ви-Макс", самый быстрый уличный байк. Японцы по-настоящему постарались, делая его. Поддашь газку, не особенно держась за руль, и ты уже слетел на спину. Настоящий улёт. Потом мы прикупили себе ещё по дёртовому байку WR500 – спецом для мотокроссов. Они были довольно высокими, так что Шелдон, сидя на нём, доставал земли только кончиками паль-

цев. Зато на них было клёво гонять, ехать только на заднем колесе или же закинуть его в грузовичок и выехать куда-нибудь на бездорожье к северу от Флинта. Там повсюду была грязь и скалы, метра по три высотой. Мы надевали ковбойские сапоги и джинсы и, в зависимости от погоды, рубашку. И всегда шлемы и очки.

Мы летели на своих мотоциклах, радуясь свободе, как дети, смеясь и шутя. Тогда были чистые и трезвые времена. Весело – взаправду весело. Мы так ржали, глядя на то, как другой вылетает с байка в грязь.

Я любил эти покатушки. Мы катались, катались и катались, не слезая с мотоциклов. Казалось, что наша жизнь заключена в твоём байке. И не надо думать об остальном дерьме в этой жизни.

Правда, наши гонки приходилось скрывать от руководства команды. Если бы нас заметили на мотоциклах, у нас были бы неприятности. Помню, мы только вернулись домой, как вдруг звонок: "Вы где?" Там решили, что мы где-то бухаем. Мы с Мо Мелли переглянулись, с ног до головы в грязи и пыли, и начали безудержно смеяться.

У нас никогда не было проблем с подобного рода техникой – мотоциклы, катера, машины. Людям нравится видеть, что нхловцы пользуются их техникой, так что вместо денег, мы получали продукт.

На второй год карьеры Шелдон травмировался. Он был на парковке в Лафайете, подъезжал к воротам, которые открывались карточкой.левой рукой, высунутой из окна, он ударился о бетонный столб, раздробив кость от запястья до локтя. Когда он приехал в больницу, там сначала решили ампутировать ему руку. Но всё обошлось. Ему вставили в руку стальную пластину на девяносто болтах. Он носил распрямляющую руку гипсовую повязку, как чувак из фильма "Рыбка по имени Ванда". Мо Мелли умудрялся участвовать в тренировках и пытался управлять моим катером. Но ему приходилось принимать болеутоляющее.

Я тоже получил травму, но в игре. Мы играли против Чикаго, 1-го декабря 1990 года. Я проскользнул по льду и ударился о носок конька Эдди Белфура, расщепив маленькую косточку в левом запястье. Мне пришлось пропустить месяц, но операции не требовалось, поскольку кость зажила сама.

Не обходилось у нас с Шелдоном и без вечеринок. В команде об этом не знали. В первый раз Шелдон попробовал кокаин, будучи в списке травмированных, 23 декабря 1990 года. Мы жили на выездах в одном номере уже четыре месяца. Я прикупил себе немного белого и мы с Шелдоном поехали кататься на машине. Снег валил не переставая.

Я спросил у него, пробовал ли он когда-нибудь кокаин – "Нет". Что ж: "Мо Мелли, хочешь нюхнуть?" Шелдон не отказался. Я нервничал, потому что нам надо было держать в тайне наши развлечения, плюс, к тому же, у федералов на меня всё ещё имелся зуб, да и память о тюрьме ещё не выветрилась. Нам приходилось постоянно скрываться, вокруг нас всегда были чересчур любопытные глаза и уши. Остаться вне зоны действия радаров было нелегко.

Как-то, Мо Мелли не на шутку раздухарился в одном из баров. Он прилично набрался и взъярился на попытку бармена выпроводить его из бара. Мы его увели от греха подальше. На следующее утро он чувствовал себя преотвратно, с настроением ниже нуля и в глубокой депрессии.

Шелдон не вылезал из своей комнаты два дня. Наконец, Дэйв решил вытащить его. Он присел на краешек кровати, на которой лежал Шелдон, уткнувшись лицом в подушку. Мо Мелли ничего не сказал, но было ясно, что тут ему нахер никто не нужен. Дэйв мягко сказал: "Братишка, всё нормально. Всякое бывает, случается. Жизнь она такая штука". Он коснулся рукой спины Шелдона и тот отреагировал неожиданно резко. Тогда никто ещё не подозревал, почему, но сейчас, когда история с Джеймсом стала достоянием общественности, многое прояснилось. Шелдону понадобилось ещё несколько дней, чтобы прийти в себя.

Когда у одного из нас случались тяжелые деньки, Мо Мелли предлагал: "Бобби, давай возьмём чертову лодку Дона Джонсона и куда-нибудь свалим". Как-то мы отправились в пла-

вание в шторм. Волны перекатывались через верх катера. Мы не видели ни зги. Трюмные помпы работали на полную мощь. Я пытался увести катер из опасной зоны. Вероятно, это было самое страшное из того, что мы видели за свою жизнь. Не было никакой уверенности, что мы останемся в живых. Я не говорил много, просто следил за компасом.

До того момента я, кажется, никогда не надевал спасательный жилет. Но тем вечером я схватил его без всяких раздумий, как впрочем, и Шелдон. Он взглянул на меня и заржал: "Эй, малыш Хью! Ёптыть, если ты свалишься в воду, ты ни хрена не поплывёшь!" Мы были на волосок от смерти, а он смеялся и не мог остановиться. Это было забавно, и я сказал лишь: "Заткнись, Мо Мелли!"

Мы отлично проводили время, катаясь на катерах. Не всегда бухали или нюхали, просто хорошее времяпрепровождение. Как-то мы взяли с собой Соупи, купаться и кататься на водных лыжах голяком ночью. У меня был крутой красно-белый катер с движком "Mercury" и здоровенными колонками. Это была миллионноваттный убой. Один вёл катер, второй старался удержаться на лыжах как можно дольше. Но обычно мы просто катались под лунным светом без лишнего шума. Как-то Мо Мелли на лыжах влетел в стаю лебедей. В воздух поднялись тучи перьев и тому подобной фигни, забивая Шелдону рот. Никто не пострадал, слава Богу. Вот такие вот у нас случались забавы.

Бывало, мы отправлялись на рыбалку. Где-то я услышал, что можно взять динамитную шашку с взрывателем, бросить её в воду и получить кучу оглушенной рыбы, всплывшей на поверхность. Мы проверили эту теорию, большой *вууумп* и рыба всплыла. Только вот она не была оглушенной, она была дохлой.

Шелдон и я ещё поигрывали в гольф, но игроки мы были никакие. Мы оба лупили в белый свет как в копеечку. Махнул клюшкой и мяч полетел далеко-далеко. Плевать на правила – побеждает тот, кто запулит мяч дальше другого. Улетел в лес, хрен с ним, достаем новый мяч и опять со всей дури. Точно также как и вести машину – кто сильнее, дальше и быстрее вмажет по мячу. Мы делали ставки на наши результаты, сотню-другую долларов, упаковка пива или же блок сигарет.

Однажды мой адвокат, Гарольд Фрид, взял меня, Мо Мелли и Тома Мюллена в гольф-клуб "Франклин Хиллс", в полчасе езды от Детройта. Это был элитный клуб, его членами были в основном евреи. Они все были старые, богатые и на пенсии. Мо Мелли и я нарисовались на поле с не заправленными футболками. Гарольд обругал нас и велел одеться согласно правилам. Я сказал: "Эй, Хайрбол, давай не будем ругаться?" Он всё время разговаривал по мобильному, а я каждый раз, когда был его удар, вытаскивал из телефона батарею. Он взбеленился, а мы только ржали, глядя на него. Я любил подкалывать его.

И мы, конечно же, любили скорость. У меня был мой "Корвет", у Мо Мелли тоже, только с откидывающимся верхом. Потом он купил синий, с золотой крышей и приборной панелью, отделанной деревом. Я называл его Пимпмобиль – "Тачка сутенёра". Но больше всего мне нравился его последний "Корвет", красный с белой внутренней отделкой.

Лафайет Тауэрс был расположен в Орлеане, а Джо Луис Арена (на которой у нас были тренировки) стояла на 600 Сивик Сентр Драйв. Это всего восемь километров, так что, если не превышать скоростной лимит, то ехать около восьми минут. Кто-то сказал Мо Мелли, что разница между ездой на максимальной скорости и не превышая ограничений, будет всего полторы минуты. Естественно, мы не поверили. Целую неделю мы засекали время. Сначала мы ехали с обычной для нас скоростью 180 км в час, потом в пределах скоростного лимита. И знаете что? Разница была всего полторы минуты.

ДАВАЙ ПРОДЕМОНСТРИРУЙ НЕМНОГО ЭНТУЗИАЗМА

Из-за того, что мне удалось сыграть лишь четыре игры в прошлом сезоне, я очень надеялся наиграться вдоволь в 1990-91. В команде появились новые лица – Сергей Фёдоров был одним из самых молодых. Он очень старался проявить себя. Представьте, каково это – отправиться жить в Америку, не зная языка, как вдруг ты – суперзвезда. Он был отличным игроком, но ему было нелегко попасть к нам и приспособиться к жизни в нашем обществе, жить обычной жизнью. У нас было много ребят, сильных характером, и Сергей определённо был одним из них.

Брайан Мюррей стал нашим новым тренером. За год до этого его отправили в отставку с поста тренера Кэпиталс. На его место пришёл его же брат, Терри. Мы неплохо поладили с Брайаном. Команде нравилось играть за него.

На старте сезона, 4-го октября, я подрался с Троем Краудером из Нью-Джерси. Вроде бы я врезал Клоду Лемье клюшкой, как возмещение за его прошлые грешки. Ну репутацию Клода вы хорошо знаете – возмутитель спокойствия. У Краудера к тому моменту было всего три драки в НХЛ. Но он стартанул ко мне прямо со скамьи, так что я дал ему шанс. Если вы видели запись этой драки, то, возможно, вспомните, как мы кружились и кружились. Я ухватил его за свитер и левой рукой держал его на расстоянии. Мы ударили, толкались, тянули, но ничего серьёзного пробить не удавалось. Баланс – половина успеха в ледовой потасовке. Вам обязательно нужно иметь хорошую устойчивость, чтобы драться. Большинство бойцов стараются крепче ухватить соперника, а второй рукой лупить. Поэтому я предпочитал быстро избавиться от джерси. Если его нет, то и держаться не за что. Преимущество на твоей стороне.

Мы с Краудером были очень похожи по габаритам, однако он был не слишком опытен и я считал, что потасовка долго не продлится. Клюшки валялись прямо у нас под ногами, я отпихивал одну из них, как внезапно наступил на неё левой ногой. Нога немного подломила и я заскользил. Баланс был утерян. Стоя на одной ноге, я еще пытался встать и драться. Тогда-то он и врезал мне в левый глаз. В драках такого сорта порой удаётся провести удачный удар, вот ему и посчастливилось, я заработал рассечение. Со мной такое не часто проходило, так что для его репутации это был громадный плюс. Его стали вызывать на бой, и он осознал, что он сделал нечто большее, чем просто защитил одноклубника. С этим ударом его карьера быстро пошла вверх.

10-го октября мы принимали Калгари Флеймс. В овертайме я оказался один перед воротами и, удачно подловив отскок от вратаря, забил победную шайбу. Это послужило дополнительным зарядом бодрости для меня. Мюррею нравилась моя игра и пару игр спустя, после моей потасовки с Джем Миллером из Лос-Анжелес Кингс, он сказал: "Если кто-то собирается драться за команду, черт побери, мы ему продемонстрируем немного больше энтузиазма".

Это было оценено по достоинству, ведь драк от меня ожидали практически всегда. Были некоторые, которые вполне могли постоять за себя, но вместо этого, они укатывались подальше, предоставляя мне решать их проблемы. Думаю, что если у вас хватает смелости драться, неважно, победить или нет, то это показывает остальным, что насколько серьёзно вы хотите выиграть, не смотря на то, что можете серьёзно огрести. Айзерман был из таких игроков.

Я все ещё чувствовал себя очень дискомфортно из-за проблем с депортацией. Первая игра в Канаде у нас была 13-го октября, против Торонто, и я не получил разрешения на пересечение границы. Потом Служба Иммиграции и Натурализации выслало мне требование покинуть пределы страны – или отправиться в тюрьму до рассмотрения моей апелляции в суде. 22-го октября у нас были слушания в суде, с федеральным судьёй Горасом Гилмором. Я очень беспо-

коился за исход дела – если мы проигрывали, то я либо отправлялся в тюрьму, либо мне пришлось бы покинуть США навсегда.

Через три дня судья вынес решение. Уингс поддерживали меня всеми силами. Мюррей собирался послать всю команду в здание суда, но я отказался. Я не хотел, чтобы пресса доставала парней своими вопросами и тому подобной хренью. Судья Гилмор постановил, что закон, на основании которого СИН пыталась упечь меня за решётку, неконституционен, так что я мог продолжать работать в США.

Когда меня отправили отбывать девяностодневный срок в Федеральном Медицинском центре в Рочестере, судья дал мне некоторые рекомендации, с помощью которых я мог бы возражать против моей депортации. Главным было то, что меня не могли выслать из страны на основании прежней судимости за наркотики. В ноябре 1990 года правила иммиграции изменились и все предыдущие рекомендации потеряли свой смысл. Моим адвокатам снова пришлось искать легальные способы обхода новых законов. На этот раз они апеллировали к тому, что доктора утверждали, что мои проблемы с выпивкой происходят из-за СДВГ. Соответственно, мне нельзя отказать во въезде, если у меня есть поддающееся лечению психическое расстройство. И играть в хоккей я тоже мог – по крайней мере, до тех пор, пока не выехал бы за пределы страны.

Все медиа жили ожиданием нашей следующей игры с Нью-Джерси, 28-го января. Ещё бы, ведь я проиграл Краудеру. Об этом говорили в новостях, на улицах и в газетах. Я не придавал этой шумихе особого значения, Краудер тоже хранил молчание. Он не раздавал интервью всем подряд, он не сказал и пары слов на эту тему. Я же собирался драться, потому что *хотел* биться, а не потому, что я чувствовал себя обязанным сделать это. Я не собирался драться просто ради сраных газетёнок.

У Краудера не было недостатка в партнёрах по драке перед нашей следующей встречей. К тому времени, он подрался, наверное, уже с пятнадцатью другими тафгаями. Многие считали, что, если они побьют его, они тоже неплохо поднимутся в рейтинге. Да ещё и тренер у Крауди любил провоцировать потасовки. Просто в разговорах с тренерами соперников отпускал фразу наподобие: "Мой парень навалает твоему". После этого Краудеру приходилось отдуваться за слова тренера.

Большинство драк Краудера случалось из-за того, что кто-то набрасывался на него или же он защищал одноклубника, так что в преддверии нашей игры он начал нервничать. Хорошо, что у него был замечательный капитан, Кирк Мюллер. За день до игры, Миллер решил, что команде стоит немного стравить пар. Так что все отправились в бар на вечеринку. Кирк совершенно не хотел, чтобы Краудс лежал в своём номере и зацикливался на предстоящей драке. Вечеринка была хорошим способом развеяться.

В первой части игры мы с Краудером ни разу не вышли на лёд в одно и тоже время. Но, наконец, время пришло и на смене пятерок я пригласил его "потанцевать". Он уцепился за мой рукав и пытался сократить дистанцию, но мне удалось высвободить правую руку. Я откатился на дистанцию удара, врезал ему пару раз и он упал.

Позже в том же периоде, уже он вызвал меня на бой. Во второй драке он пробил мне пару раз по шлему и наплечнику. До моей головы ему было не дотянуться, потом я ещё избавился от свитера и ударил его несколько раз по корпусу. Держаться ему было уже не за что и он лишь пытался устоять. Я же всё больше и больше заводился. Мы снова вошли в клинч, но потом он сумел отклониться назад и врезать мне со всей силы в подбородок. Позже Краудс рассказал мне, что он считал, что этим ударом свалит меня.

На видео видно, как моя голова дёрнулась, потом вернулась в исходное положение. Помню, я окончательно вызверился. Краудс рассказывал, что для него всё было как в замедленном повторе. Он был шокирован тем, что я устоял. Он думал: "Ни хера себе! Я врезал ему одним из самых мощных ударов, а он поднимает меня надо льдом". Краудс был словно заморожен смесью неверия, смятения и страха. После пары моих ударов он пригнул голову, я прошёлся скользящим ударом по его шлему и, потеряв баланс, он упал на лёд.

Краудер вытянул счастливый билет после драки со мной. Детройт подписал его на 400000 тысяч долларов на следующий сезон.

ЗАБУДЬ ЭТОТ ДЕНЬ

Я по-прежнему был и с Бэмби и с Дэни. У Бэмби была подружка, с которой начал встречаться Шелдон. Мы обычно вчетвером и зависали. Бэмби всё ещё старалась сделать меня мягче. Она была красивой девушкой, но её попытки переделать меня были забавными. Дэни была ей полной противоположностью. Она приезжала из Уинзора, когда я звонил ей, и она не порицала мои поступки и не пыталась изменить меня, принимая таким, какой я есть.

Как-то вечером, мы зависали с Дэйвом Уинэмом, просто занимались фигнёй. Мы с Бэмби до этого смотрели "Общество мёртвых поэтов" и она оставила записку в изголовье моей кровати: "Cease the day!" Я думал, это забавно, что она перепутала и написала "cease" вместо "seize", но Дэйв обломал меня. "Ага, Бэмби собирается показать тебе путь к просветлению и очищению". И добавил потом: "Я не знаю, какого фига ты мутишь с ней, когда в Уинзоре, прямо через реку, живёт чудеснейшая девушка".

Он попал в точку.

К Рождеству 1990 года мы с Дэни стали жить вместе.

Я познакомился с её отцом, Джимом. Мы завалились к ним домой, взять на время его машину, "Монте-Карло", 86-го года, полный фарш. Он оказался мировым мужиком, прочно стоящим на земле. Он вырос с Уинзоре, но не был особо хоккейным болельщиком. Вокруг него всегда увивались женщины. Он был женат или жил вместе с кем-то, наверное, раз шесть. Одной из его первых фраз мне была: "Слышь, балбес, пока моя дочь улыбается, счастлив и я".

У нас было много общего – мы оба хорошо разбирались в технике и любили мотоциклы – так что мы начали проводить время вместе. У нас с ним случилось пару мелких стычек, как, например, в одной он схватил меня за яйца и едва не оторвал их к чертям собачьим.

Вот что случилось. У моего брата Норма были некоторые проблемы с выпивкой и наркотиками. Когда он переберёт, его лучше оставить одного. Как-то он грубо разговаривал с Дэни в присутствии Джима. Джим подскочил к нему и заорал: "Никто не матерится мою дочь". Он врезал Норму и я встал между ними. Джим сказал: "Приятель, это не хоккейная площадка. Хочешь немного уличных приёмов?" Вот тогда-то он и ухватил меня за яйца и потянул. "Я не собираюсь их оторвать, потому что я хочу внуков". Потом он развернулся и пошёл по своим делам.

На следующий день, когда мы все завтракали, Джим сказал: "Не беспокойтесь, парни. Это было в первый раз и я гарантирую – не в последний".

У нас с Джимом были отношения типа "люблю-ненавижу".

В апреле 1991 года, в плейофф мы встретились с Сент-Луисом, которые набрали в регулярке на 29 очков больше чем мы. Меня дисквалифицировали на одну игру и оштрафовали на 500 долларов за чересчур близкое сближение на последних минутах второй игры с их вратарём Винсентом Риндо. Поступок был глупым, но я дошёл до своей точки кипения. Гарт Батчер хотел затеять бучу и ткнул кулаком в мою сторону. Я шлёпнул его клюшкой и Риндо начал орать на судью, Билла МакКрири, чтобы тот вклеил мне штрафных минут. Я подкатился к Риндо, ткнул в скулу и он свалился как подкошенный. У Батчера появился хороший повод подраться со мной, но он исчез. Это показало всю его крутизну. ГМ Блюз Рон Карон начал вопить, что я должен ещё сидеть в тюрьме. Он оттопырил одну ноздрю, словно нюхая кокаин.

Стиви Ай не побоялся сказать слова в мою поддержку в газетах. "Я очень разочарован этим рением НХЛ. Этот поступок заслуживал всего лишь двухминутного штрафа, но его показали по телевизору и раздули из мухи слона. Это заставляет задуматься, знают ли те люди, которые принимают такие решения, что происходит на самом деле?"

И опять же правительство Соединённых Штатов всё ещё выступало против меня. СИН подали апелляцию на решение судьи Гилмора, позволяющее мне оставаться и работать в США. Дело начало рассматриваться ещё в одной инстанции. В августе 1991 года мои адвокаты вновь продемонстрировали, что не едят мой хлеб зря. Они нашли правило, напечатанное маленькими буквами в новом законе об иммиграции, что в период рассмотрения апелляции, осуждённый, не представляющий угрозы для общества, не должен находиться под стражей. Я снова был свободен.

Когда Трой Краудер подписался в 1991 году с Детройтом, я был рад возможности играть с ним. Но летом он травмировал свою спину на становой тяге. К октябрю он почувствовал себя лучше и начал играть в тройке со мной и Кейтом Примо. Наш средний рост и вес составлял примерно 195 сантиметров и 108 килограмм. Мы сыграли несколько выставочных игр вместе, набрав несколько баллов за результативность. Было бы весело играть на практически свободной площадке. Но в третьей игре, Краудера приложили сзади и он выбыл на неопределённый срок. После трёх лет терапии, он вернулся на лёд, но его спину так до конца и не вылечили.

Я же начал сезон 1991-92 с двух драк со Стю Гримсоном. Он играл за Чикаго, 195 сантиметровый, 110 килограммовый громила. Гримсон – один из тех парней, которые, кажется, улучшают свою технику с каждой дракой. Чем больше мы дрались, тем неопределённое становился итог. Его слабым местом был, пожалуй, баланс. После комбинации в которой он ударял пару раз, его оппонент – пару, Гримсон часто заваливался. Понимаете, большой, крепкий боец, который мог врезаться так, что искры из глаз летели, но в конечном итоге, он просто терял равновесие.

Он очень хорошо улучшил свою выносливость, что обычно было моим преимуществом. К его чести говоря, он всегда был в хорошей форме, отлично знал и выполнял свою работу.

К концу его карьеры, когда Стю играл в Лос-Анжелесе и Нэшвилле, я знал, что наша драка будет упорной. Он был бесстрашным бойцом, который мог биться долго.

Как-то, в одной из игр с Лос-Анжелесом, когда мы проигрывали 1:4, Тони Грэнато ударил меня клюшкой. Я сначала не понял: "Какого хера? Я убью тебя, ты – маленький ушлёпок".

Спасать глупую задницу Тони пришлось Марти МакСорли. Как я узнал потом, Марти сказал Тони после игры: "Тони, я не против подраться за тебя с Бобом или с кем-то ещё. Но я наслаждался игрой, Боб никого не прессовал, так на хрена ты ударил его? Зачем ты решил пробудить спящего гиганта и подводить игру к ситуации, в которой мне приходится биться с одним из самых сильных бойцов за просто так. Абсолютно ни за что?" Марти не имел в виду, что он не хочет драться. Он не хотел бессмысленной драки. Драка должна вырасти из естественного течения игры.

Марти рассказывал, что он готовился к играм со мной. В раздевалке он разогревался, а молодежь смотрела на него: "ОК, надо держаться подальше от него на раскатке", потому что перед игрой он фокусировался на бой.

Из-за того, что меня считали одним из самых лучших тафгаев, меня постоянно вызывали на бой новички, желающие сделать себе имя и застолбить себе место в составе. Я это всё вполне понимал, я начинал свою карьеру также с драк с ветеранами. Они были достаточно великодушны, давая мне шанс, так что и я делал тоже самое для некоторых новичков. Это часть игры – дать другим шанс. Это не значило, что я дрался со всеми подряд. Проблемой было то, что в случае проигрыша я многое терял. Если твоя команда на подъёме, а ты падаешь, то и все парни вешают нос.

Пол Круз был крутым парнем из Калгари. Он вызвал меня на бой, однако я лишь рассмеялся в ответ. Всё-таки есть некоторый порядок. Сначала ему нужно подраться с нашей молодежью, например, Дарреном МакКарти, и после того, как он разберётся с ними, он может "пригласить на танец" и меня. Он пытался сделать себе имя.

Но Тай Доми прошёл все уровни. Он бился с некоторыми тафгаями - Джеффом Букибумом из Эдмонтона, Тимом Хантером из Калгари, Кеном Баумгартнером из Айлендерс и Джино Оджиком из Ванкувера.

Что мне не понравилось, так это то, что Доми начал говорить о том, что будет драться со мной 9 февраля 1992 года, ещё задолго до самого матча. Ему этот бой был гораздо нужнее. Чтобы получил я от победы над парнем ниже меня на полголовой? Даже если б драка была примерно равной, это казалось бы победой для него.

Тогда я не воспринимал эту потасовку слишком уж всерьёз. Я не был к ней готов, не понимал, насколько важной она будет. Тогда казалось, что Доми просто тяжёлый соперник, кстати, низкорослые парни часто такими и бывают. Он был ещё и левшой. Но, по справедливости скажу, он был крутым мужиком. Он умел драться по-настоящему.

Он хотел скинуть краги уже на первом вбрасывании. Он приглашал меня, наверное, раза три. Наконец, он заявил: "Давай, Боб, Мачомэн хочет биться за титул". Он был нахальным выскочкой.

Я ответил: "Э, чёрт с тобой, поехали".

Он сграбастал мой свитер и врезал по воздуху несколько раз. Я попал ему пару раз, но он устоял на ногах. Он продолжал лупить, когда я освободился от своего джерси. К этому времени большинство бойцов уже выдыхаются, но у Доми осталось ещё немного запала. Ударом по касательной он поцарапал меня неподалёку от глаза. Ссадина не причинила неудобств, но выглядела непрезентабельно. Я уже окончательно взбесился и примерно на сороковой секунде я неплохо вlepил ему. На пятидесятой секунде нас разняли рефери. Отдавая ему должное, Доми оставался на ногах.

Когда он катился на скамью штрафников, он раззадоривал зрителей победным выбрасыванием рук вверх, изображая получение чемпионского пояса. Подумав об этом уже позднее, я решил, что если ты неуверен в себе, то тебе требуется быть немного громче и устраивать шоу, а если ты вполне самодостаточен, то ты спокойно воспринимаешь свои победы и поражения. Может быть, Тая всегда беспокоило то, что скажут о нём люди.

Так или иначе, он считал, что шоу с чемпионским поясом было необходимо. Не знаю, делал ли он это для себя или для зрителей, но это было довольно нагло с его стороны.

Мне было плевать на его показуху, но мне не нравилось, как он себя выставляет. И, когда начинаются все эти победные высказывания в прессе, что ж, это не круто.

Отец моей жены Дэни, Джим постоянно давил на меня жаждая увидеть реванш. Он говорил: "Доми хочет ударить и сбежать. Он намерен побить тебя и соскользнуть с темы, не собираясь сталкиваться лоб-в-лоб. Ты должен приглядывать за ним". Джим всегда смотрел записи моих боёв. Думаю, он считал меня Рокки.

Мо Мелли – Шелдон Кеннеди – был моим соседом по комнате и ко дню нашей следующей драки, 2 декабря 1992 года, он и я встряхнулись после предыгровой дневной дремоты и начали читать передовицу спортивного выпуска Нью-Йорк Таймс. Это был сумасшествие. Пресса представила нас как Али и Фрейзера. Были приведены все наши статистические данные: рост, вес, длина рук, количество штрафных минут. Я спросил Мо: "Что думаешь?" Он ответил: "Не знаю, я же не тафгай, Боб. Выходи и делай то, что нужно делать. Ты тот, которого все хотят свалить. Ты точно знаешь, что делать, так вот давай, делай".

У меня не было страха, всего лишь некоторая нервозность и сосредоточенность. Главным было то, что я не хотел оконфузиться. Внутри себя, я считаю, меня больше заботил вопрос о том, как быть лучшим.

Спустя 37 секунд с начала игры, прямо на вбрасывании, я вызвал его: "Поехали, чувак".

Доми попытался уклониться: "Я дам тебе знать".

"Прямо сейчас!"

Доми порой бьёт с левой, порой с правой. Я не смог ухватить его сразу, потому что он постоянно перемещался и намеревался сблизиться со мной, так, чтобы я мог бить его только по

макушке. Правда, голова его была такой здоровой, что по ней трудно было промазать. Я, бывало, шутил, что они крепят шлем к его голове заклёпками.

Но это мне и не понравилось, потому что в драке с ним никак не удавалось войти в ритм, понимаете? У него была ужасная бойцовская техника, ему хорошо доставалось из-за его малого роста и недостаточной длины рук. Его стиль был навроде, раскручиваться и бить левой. Он напомнил мне пожарный гидрант, потому что он был низкого роста, крепко сбит и имел хороший баланс. Он старался дёрнуть соперника вниз и лишить его равновесия. Если оппонент нырял вперёд, он пытался в этот момент ударить. Определённо, это неплохо работало, потому что он смог сделать неплохую карьеру с такой техникой.

Счетоводы начислили 47 моих ударов и 23 его. Но эти подсчёты не значат ничего. Считаются только те, что попали точно. Мне удалось несколько отличных панчей.

После того, как Доми упал на лёд, Стиви Ай изобразил снятие с Доми чемпионского пояса, что выглядело очень смешно. Это была отличная, честная драка, длившаяся больше минуты. Крис Кинг, энфорсер Рейнджерс, сказал, что он устал даже просто смотреть. Для меня же, это был просто ещё один день в офисе. Не было смысла трезвонить об этом налево и направо.

РЕАБИЛИТИРОВАН

Моя сага с делом об иммиграции близилась к концу. В январе 1992 года мы подали запрос на разрешение пересечения границы и возвращение обратно. Суд постановил, что я искупил свою вину и СИН теперь не может приводить моё задержание на границе в качестве аргумента на судебных слушаниях. Также было сказано, что нельзя запретить кому-либо пересекать границу лишь потому, что он алкоголик.

Гарольд поведал мне, что над моим делом он больше работал не в самом зале суда, а вне него. Он начал переговоры с правительством в тот же месяц, в котором меня арестовали на границе. Ему приходилось иметь дело со многими людьми, могущими помочь хоть чем-нибудь. Он сидел за столом переговоров и в Вашингтоне и в Детройте. Но в общей победе в суде у него не было никаких сомнений. Он всегда говорил мне, что мой случай переклассифицируют, и я смогу без проблем работать в Штатах.

Дело обошлось мне и налогоплательщикам в круглую сумму, но могло бы быть и хуже. Однажды Гарольд сказал, что по этому поводу он готов судиться всю свою жизнь, если ему придётся. Когда ты сражаешься против правительства Соединенных Штатов, это не просто битва против ещё одной адвокатской конторы с 50-100 адвокатами. Ты бьёшься против мультимиллиарднодолларовой организацией с неисчерпаемым людским ресурсом, бесконечными возможностями и запасом времени.

Сам-то я полагаю, что всем, наконец, надоело это, хватит, значит хватит. Иммиграционная служба была готова заявить: "Этот парень чист уже долгое время. Время двигаться вперёд".

В понедельник, 7-го декабря, глава окружного офиса СИН в Детройте Джеймс Монтгомери, выдал мне индульгенцию на поездки за и из-за границы, что означало, что я могу сыграть в Торонто через два дня. Его заявление выглядело так: "Прошло достаточно много времени и он вполне реабилитировал себя". Я не играл в Канаде три с половиной года, с того самого момента, как меня приняли на границе. А мне нравилось играть против Лифс. На самом деле, мне нравилось играть против любой команды из дивизиона Норрис – Сент-Луиса, Миннесоты, Чикаго, потому что здесь хорошо относились к игрокам силового плана, так что я мог играть в свою игру и приносить пользу команде. Вердикт также означал, что теперь мне проще будет видеться с семьёй и друзьями. И бар "Туннель" в Уинзоре – лучшие ребрышки в мире.

Первым делом, после оглашения вердикта, Гарольд забрал меня на своём черном "Ягуаре" и свозил меня через границу и обратно. Во время поездки мы практически не разговаривали. Я думал о своей семье, карьере и о доверии ко мне м-ра Илича. Он был отличным шефом для любого человека, неважно, хоккеист он или разносчик пиццы. Если человеку нужна была помощь и поддержка, её всегда можно было найти, обратившись к м-ру И.

А Гарольд, я думаю, размышлял о годах, которые он провёл, пытаясь помочь мне. Мы стали настоящими друзьями. На обратной дороге в Штаты я занервничал. Гарольд пытался успокоить меня, сказав, что у нас с собой все нужные бумаги, но я всё равно волновался: "Вдруг у нас чего-то не хватает? Что если мне скажут, что мне нельзя вернуться?"

Гарольд остановился рядом с зданием, где меня в тот раз поймали с поличным. Мы вошли, и Гарольд предъявил документ, дающий мне право на пересечение границы. Я весь издёргался, пока пограничники изучали эту бумажку. Наконец, мы вернулись в машину и въехали в туннель. Проехав его, мы припарковались на обочине. Гарольда немного потрясывало, словно он отыграл очень длинную смену на льду. Я обнял его и хлопнул по спине. Это был особый момент. В процессе рассмотрения дела у нас было много маленьких побед, но сейчас всё окончательно завершилось. Я мог пересекать границу и вести нормальную жизнь. Словно

тяжкая ноша свалилась с плеч. Всё изменилось к лучшему, и я сказал себе, что больше я ничего портить не собираюсь.

И ВОТ ИДЁТ НЕВЕСТА

Я знал, что Дэни хочет выйти за меня замуж, но мы никогда об этом много не говорили. Я знал, что она хочет детей. Она знала, что я хочу детей. Просто мы не говорили об этом никому.

В ноябре 1992 года, после того как мы прожили вместе около двух лет, я отправился на поиски подходящего для помолвки кольца. Я нашел элегантное колечко с бриллиантом за десять тысяч долларов, примерно по пять тысяч за карат. Я брал его с собой каждый день ни тренировки или игру, потому что Дэни была ещё тем сыщиком – могла найти его, если б я оставил его дома. Она не думала, что я подарю ей кольцо, потому что она нашла чек на чемодан "Луис Вуттон". Она была уверена, что это и есть её большой подарок на Рождество.

Я вручил ей все её подарки на Рождество и Дэни посчитала, что уже все. Я остановил её: "Стой. Я забыл ещё один". Преломив колено, я спросил: "Ты выйдешь за меня замуж, крошка?" и сглотнул комок, подступивший к горлу.

Дэни закричала слишком громко, чтобы ответить, но сейчас она говорит, что просто тянула время, потому что она думала об этом моменте.

После 72-часовой, безостановочной вечеринки, я проснулся в день нашей свадьбы, 1 июля 1993 года. Дэни ничего об этом не знала, но мы с приятелем подумывали свалить на самолёте в Вегас. Я слегка дрейфил насчёт этого. Мы говорили с ним насчёт того, что я не должен загонять себя в ловушку, так что я решил отправить в банк и снять тысяч двадцать. Я сказал своему приятелю, Большому Папе, владельцу греческого ресторана, что я уезжаю, так что он подвез меня. Время было около десяти утра и я заявил ему, что я не собираюсь жениться.

Большой Папочка был в недоумении: "Что это значит – не собираешься жениться?"

"Я уезжаю".

"Куда?"

"В Вегас".

"Хорошо, Боб, ты же не собираешься этого делать. Ты не можешь сотворить такое с Дэни, выставить всех гостей дураками и не можешь этого сделать ради самого себя".

Я задумался о Дэни и о том, как мы были впечатлены самой идеей свадьбы. Но, неужели я и правда хотел теперь всё время проводить только с одной девушкой? Мне всегда не особенно привлекала идея спокойной семейной жизни. Словно попавшийся в капкан. Потом я подумал о том, что Дэни никогда не пыталась изменить меня. Она принимала меня таким, какой я есть. Нашей песней была биллиджозловская "Просто такой как есть".

Я вернулся домой с Большим Папой и надел свой свадебный костюм.

Дэни и Морин МакКриммон, её подружка невесты на свадьбе и жена моего одноклубника по Уингс, до сих пор закадычные подруги. Сестра Дэни, Жаклин Вуд держала букет невесты на нашей свадьбе. Она снимается сейчас в сериале "Дерзкие и красивые". Пол Шенбрун, наш бухгалтер и его жена Дана, были нашими свидетелями, как и кузина Дэни Стейси, её брат Брэд Тэйлс с сестрой Али Паркинсон и мой приятель Том Вудсворт. Мой брат Норм был моим шафером.

Дэни очень сексуальная женщина. Я пытался уговорить её позировать для "Плэйбоя". У меня есть коллекция картин Патрика Найджела, который работает на Хью Хефнера. Его работы всегда можно увидеть в "Плэйбое". На одной картине нарисована девушка, очень похожая на Дэни, все думают, что я заказал этот портрет. Я всерьёз обдумывал возможность послать фото Дэни в журнал, но потом прикинул, что мои приятели и одноклубники будут пялиться на неё и передумал. Мы с Дэни как-то недавно пересматривали свадебные фотографии и она выглядит сейчас также как и тогда.

В "Ритце", в Деарборне, есть комната, декорированная под часовню, белые цветы и тому подобное. Я опоздал минут на сорок пять к началу церемонии. Когда Дэни вошла, она была настолько прекрасной, что я слышал этот вздох восхищения, прокатившийся по комнате.

Свадьба получилась весёлой и шумной. Я пытался всё держать под контролем и делать то, что от меня требовалось. Когда мы вернулись из музея Генри Форда, я отправился в бар и заказал себе двойной виски с колой. Ко мне подошла моя матушка и спросила: "Что ты пьёшь?"

"Коку".

"Отлично. Я как раз ищу что-нибудь глотнуть", и она взяла бокал у меня из руки и сделала большой глоток. А мама вообще не употребляет алкоголь. На её лице появилась гримаса отворачивания, и она выплюнула всё на пол.

Гости зажигали на свадьбе всюду. Постоянно кто-то с кем-то куда-то уходил, потом появлялся. Жена одного из моих приятелей сделала предложение кузену Дэни Брэду, что чуть не привело её к разводу.

Мо Мелли на карачках прополз под главным столом и намазал обувь Соупи взбитыми сливками. Потом мы с ним влезли на сцену и спели одну песню вместе с музыкантами. Я всегда любил песню "Some Kind of Wonderful" группы "Гранд Фанк Рэйлруд" и её-то мы и слабили. Мой одноклубник Дино Сисарелли научил меня тустепу и мы с Дэни незамедлительно сплясали этот танец.

Я был слегка гашёный всю вечеринку, потому что в одном из номеров мы устроили междусобойчик. Там была уйма кокаина и бухла, так что многие навевались туда всю ночь напролёт. Когда свадьба закончилась, я присоединился к друзьям в кокаиновом номере, а Дэни провела нашу брачную ночь в номере для новобрачных со своей кухней, распаковывая поздравления и подарки.

Мы пригласили на свадьбу и Дона Черри с женой Роуз, но они не смогли приехать, потому что в этот же день была свадьба и у Тая Доми. Они прислали нам обалденную статуэтку их пса Блю. У нас она до сих пор сохранилась.

Примерно через месяц после свадьбы мы поехали в гости к Полу Коффи в Маскоку. Там все были разодетые, какая-то вечеринка в эллинге. Дэни немного беспокоилась, потому что все были одеты в Ральф Лорен, а мы затянuty с ног до головы в кожу. Она решила, что нас примут за какую-нибудь деревенщину. Меня же это не волновало: "Кого нахрен волнует, что подумают соседи?" Я считал, что будет весело слегка встряхнуть компанию. Полу тоже это понравилось. Мы зависли на катере, потом вернулись в коттедж на шашлыки. Начался дождь. Из колонок на всю громкость пел Джон Кугар Мелленкамп "Ain't Even Done with the Night". Пол сказал: "Слушай, Проби, веранда выглядит какой-то уж неприлично новой".

Я согласился и проехался на своём "Харлее", "Коровке Му-му" вверх по лестнице, слегка покоцав её. Потом я выжег пару смайликов. Кофф взглянул на мои художества и заявил, что это придало веранде индивидуальности.

Вообще Кофф – хороший парень. Его обменяли в Детройт в январе 1993-го. Он любит рассказывать о своей первой игре за Уингс, 30 января 1993 года. Мы играли в Ванкувере и перед нашей лавкой завязалась небольшая заварушка. Сержио Момессо слишком рьяно прессовал Коффи. Момо – габаритный игрок, в том году заработал более 200 минут штрафа. Наши начали орать на него с лавки, а он такой: "Что? Коффи теперь уже и нельзя бортануть?"

Кофф рассказывает, что я встал со своего места, скрестил руки на груди и заявил: "Теперь нет".

Помню, Коффи отдал две результативные передачи в той игре.

Мы отправились на моём байке в Миссисаугу, потому что Дон Черри пригласил меня и Дино Сиссарелли в своё шоу. Мы оба не отказались. Со мной была и Дэни, замечательно выглядящая в облегающей блузке и шикарными вьющимися по плечам волосами. Дон увидел её и пригласил в студию. Дэни нервничала, но всё прошло отлично. Она так и осталась единственной женой хоккеиста, которая когда-либо принимала участие в шоу Дона Черри.

Мы никуда не ездили в наш медовый месяц, но сейчас я уже жалею об этом, потому что так у нас не случилось бы инцидента с отцом Дэни Джимом. У него был приятель Дэйв, работавший в "Сильвере", стрип-баре в Уинзоре. У Дэйва был док и он разрешал мне ставить свой катер туда. Почти сразу после нашего с Дэни возвращения из поездки, мы с Джимом вдарили по пивку, после чего решили отправиться в ночной круиз. Мы загрузили катер и позвонили Дэйву. Тот заявился не один, а с парой девушек из "Сильвера". Я махнул рукой: "Чёрт с ними, поехали". Мы зависали на озере до самого восхода солнца.

Джим сказал: "Парни, прежде чем мы пришвартуемся в доке, мы должны избавиться от этих тёлочек. Мне все равно, где вы их высадите. Подплывите к берегу и отправьте их домой. Они нахрен не нужны в твоём доке".

Я был спокоен: "Расслабься, Джимбо, что за проблемы?" За пару километров до дока Дэйв разглядел кого-то, стоящего там: "Кто там стоит в моём доке?"

"Чёрт его дерит! Это Дэни!"

У моего катера был длинный нос с рубкой, так что мы спрятали Джима и девок там.

Я пришвартовался и Дэни взобралась на борт. Увидев её глаза, Дэйв предпочел ретироваться, оставив меня одного. Я широко распростёр объятья: "Дэни, это не то, что ты думаешь, остынь." Левым хуком она врезала мне в подбородок, отправив мои крутые солнечные очки напрямиком в озеро. Я пытался объяснить: "Мы просто катались по озеру – это не то, что ты думаешь! Ничего такого не было!"

Она рывком распахнула дверь в рубку и увидела Джима, обнявшего девушек. Это её ещё больше разозлило. "Отец! Я знала, что ты тут, ты – сукин сын!" – и она ринулась на него, сжав кулаки. Семейная жизнь оказалась намного сложнее, чем я думал.

15 октября 1993 года в игре с Торонто я выкатился к воротам с Бобом Роузом сзади. Он пытался задержать меня клюшкой, но я отцепился, шлёпнул его по руке – просто правой рукой несильно – и, когда он повернулся, приложил его слегка по спине. Он возмутился и, ухватив клюшку двумя руками, отоварил меня по шлему. Я видел удар, так что успел отбить его своей клюшкой, а тут уже подоспел и Даррен МакКарти. Они сцепились с Роузом, началась потасовка пять-на-пять и оба помощника арбитра вцепились в меня. Ничего особенно, правильно? Неправильно.

Меня вызвали "на ковёр" в офис лиги. Брайан Бурк, нынешний ГМ Торонто, был тогда вице-президентом и директором хоккейным операций НХЛ. Он был вторым человеком в Лиге после Гэри Бэттмана. Он проработал к тому времени на этом посту около месяца, уйдя с должности ГМа Хартфорд Уэйлерс – а Бэттман был комиссионером всего восемь месяцев.

Весь этот инцидент превратился в какой-то фарс. Не было никаких слушаний, никаких прений. Бурк влепил мне четырёхматчевую дисквалификацию за то, что я пытался предотвратить удар в голову. Я уточнил у него, не считает ли он, что это слишком много за такое. Он начал размахивать руками, мол, нечего тут обсуждать. Я не успокоился: "Если вам по барабану на то, что скажу я, на хрена я вам тут? Почему просто не позвонить по телефону и сказать, сколько игр я получил?"

После этого Бурк соизволил прояснить ситуацию. Я получил две игры за инцидент с Роузом и ещё две за рецидив. По мне, это была полная чушь, о чём я и сказал ему. После этого Бурк пообещал мне, что за следующую провинность я получу дополнительно пять игр, если меня снова вызовут в офис лиги.

Я не сдерживал эмоций в беседе с репортёром "Детройт Ньюс" Синтией Ламберт: "Этот ... позор лиги. Четыре игры – за что?". Даже Бобби Роуз сказал: "Не знаю, что считает сам Проберт, но мой удар клюшкой был гораздо серьезнее".

Бурк в ответ на мои комментарии пригрозил дополнительными санкциями.

Наш тренер, Скотти Боумэн, сказал Ламберт: "Я знаю, что я сделал бы, будь я Боб Проберт. Я бы нанял себе адвоката. Если за такое давать четыре игры, то некоторые могли бы по-

лучать дисквалификации и по сорок игр за свои поступки". Бурк был весьма недоволен этим высказыванием Скотти.

В январе 1994 года Дэни сказал мне, что она беременна. Эта новость выбила меня из колеи. Меня переключило, я ужаснулся при одной мысли о том, что я буду папой. Я метнул сковородой в раковину и сказал Дэни, что она забеременела для того, чтобы удержать меня дома. Но настоящая проблема была именно во мне. Меня мало что могло напугать, но вот эта новость смогла.

Дэни просто вышла из кухни. Она не кричала, не лезла на меня с кулаками, не ругала меня последними словами. Сильная женщина. А я совершенно не остепенился, пока она ходила беременной. Словно сорвался с цепи.

Я любил Вегас. Впервые я побывал там в 1992 году. Мы остановились в "Голден Наггетт" и я срубил 35000 долларов. Самой худшей стала ночь в 1999, когда я спустил 180000 баксов, всё пытаясь отыграться, кон за коном. Мо Мелли никогда не играл, но он сидел рядом, наблюдая. Мне всегда везло, когда он был со мной. Мо Мелли собирал выигрыши, всегда повторяя: "Ептыть, Проби, я мозг операции".

А Дэни беспокоил наш банковский счёт. Он, бывало, говорила, что я купил букву Б в казино "Белладжо". Я начал захаживать в "Уинзор Казино, поигрывать в блэкджек. Дэни написала письмо в казино, попросив не давать мне играть в долг. Они так и сделал и, как ни странно, это меня не разозлило. Отличная идея – Дэни присматривала за мной. Я ненавидел, когда о ней начинали говорить в прессе. Чёрт с ними, обо мне пусть болтают что хотят, но Дэни трогать не должны.

Мы были на ужине с друзьями в Гриктауне, когда Дэни была на четвёртом месяце беременности. Кто-то поставил перед нами пару стопок. Дэни отодвинула свою и попросила воды. Ей в шутку принесли воду в такой же стопке. Мы все опрокинули свои порции и чтобы вы думали? Кейт Гейв, колумнист "Детройт Фри Пресс" оказался легок на помине. В его представлении оказалось, что я бухаю со своей беременной женой. Блядь. Мне двадцать восемь лет. Я сдаю все анализы, отбываю условный срок и какого же тогда хера? Это свободная страна. Но я вот сижу, пью пиво, а Гейву, конечно же, надо об этом тиснуть статейку. Он казался одержимым моим выпиванием. Такие попадают порой. Это у них словно миссия. Гейв и этот мудило из "Детройт Ньюс" Джо Фоллис, который закатывал истерику в прессе после каждой моей драки на льду. Достали, в общем, эти уроды.

Самой запомнившейся дракой сезона 1993-94 стала для меня потасовка с игравшим за Питтсбург Марти МакСорли. В ночь перед игрой 4-го февраля, я вовсю зажигал на вечеринке. В конце первого периода (мы вели 2:1), после небольшой заварушки мы сбросили краги.

Это была очень долгая драка – секундомеры отсчитали 93 секунды. Два или три раза лайнсмены порывались разнять нас, но потом отступались. Думаю, они были очень удивлены нашему желанию драться, да и наша репутация тоже повлияла на них. Марти не уступал ни сантиметра, также и я не сдавался. Мы вместе владели ситуацией.

Выбирая позицию, мы оба старались лишить друг друга устойчивости. Хорошая, честная битва. Ничего грязного – только обоюдное уважение. Те, кто видел бой, могли заметить, что мы что-то сказали друг другу после драки. Знаете что? Мой палец застрял в одном из отверстий в его шлеме. Так что, когда нас начали разнимать, я сказал: "Мой палец застрял". Марти мог бы специально отклониться назад, но вместо этого он наклонил голову ко мне и сказал лайнсменам: "Помогите ему вытащить палец". В этом тоже проявилось его уважение к нашему ремеслу.

Когда Марти вспоминает ту потасовку, он говорит: "Если бы на твоём месте был кто-то менее заслуживающий уважения или менее честный, я мог бы не быть таким добрым насчёт того пальца".

Эта баталия порядком измотала меня. Я устал больше, чем после любой другой из драк за всю свою карьеру. Когда я вернулся на лавку, Мо Мелли шлёпнул меня по спине и восторженно заметил: "Ты просто грёбаная машина!"

Дэни ждала меня после игры и, только-только увидев меня, она спросила: "Эй, детка, что я могу тебе предложить? Кока-Колу? Сигарету? Может, кислородную подушку?"

За несколько недель до этого, после нашей победы над Тампа-Бей 6:3, у нас на тренировке случился инцидент. Кейт Примо всё нудил насчёт того, что ему не записали результативную передачу в той игре. Пока он катался по площадке, кто-то из ребят пробрался в комнату громкой связи и объявил: "Минуту внимания! Мы засчитываем Примо результативную передачу". Примо разозлился и напал на Стива Чиассона, но шутником оказался не он. Стив пихнул его перчаткой прямо в лицо, после чего Примо ещё больше раззадорился. Боумэн сказал мне: "Проби, давай, разними их". Но Примо не успокаивался, так что мы с ним немного побоксирировали. Получилось довольно весело.

У МЕНЯ СНОВА НЕПРИЯТНОСТИ

По завершении сезона 1993-94 у меня истек контракт с Детройтом и, чтобы оставить меня в команде, им нужно было сделать мне квалификационное предложение. Если такового не было, то я мог бы договариваться о контракте с любой другой командой, хотя у Детройта оставалась ещё возможность повторить условия контракта, на которые я согласился. Пэт Дешарне нашёл в их поступившем предложении изъян. Он позвонил мне – я помню, Дэни была на седьмом месяце, и сказал: "Боб, они сделали тебе предложение неправильно".

По правилам лиги, в целях защиты прав игроков, команда должна убедиться в том, что игрок получил их квалификационное предложение. Просто послать факс агенту или адвокату было нельзя, потому что многие игроки уезжали куда подальше на лето. И, если игрок не получал предложения вовремя, он становился свободным агентом. Уингс просмотрели это правило и просто выслали факс Гарольду Фриду.

Помимо этого, проблема была ещё и с предложенной суммой. Предполагалось, что они поднимут мою прошлогоднюю зарплату на 10 процентов. Они и подняли, но только мою основную сумму, недосмотрев, что я получил ещё часть денег позже. Было и второе предложение, которое удовлетворяло всем положениям коллективного соглашения, но оно пришло уже после крайнего срока подачи заявок, после 1-го июля. Пэт отписал Ред Уингс, что первое предложение было слишком маленьким, второе слишком запоздалым, а посему я становлюсь свободным агентом. В Детройте не согласились с этим, подали дело на рассмотрение в лигу, но там подтвердили мою правоту. Я стал неограниченным свободным агентом впервые за мою восьмилетнюю карьеру.

Я сказал Пэту, что я хочу остаться в Крыльях, не желая становиться свободным агентом из-за технической ошибки. Но сумма контракта должна быть выше предложенной ими.

Джимми Ди позвонил мне, чуть ли не в слезах. Брайан Мюррей также был обеспокоен сложившейся ситуацией. Он сказал Пэту, что, если я стал свободным агентом таким способом, то это значит, что и многим остальным игрокам они выслали предложение неправильно. Дешарне резонно заметил: "Ну и что? Хотите сказать, что, если вы много чего делаете неправильно, значит, мы должны безропотно снести это?"

Сердцем я понимал, что Уингс не сделали ничего плохого, но разум говорил, что я выиграл приз. Я всегда говорил: "Мне платят не за раздумья, мне платят за действия". И я посчитал, что это просто бизнес, даже, когда они начинали перечисление всего того, что они сделали для меня. Большой Папочка, бывало, говорил мне: "Боб, ты – это зрелище. Ты пользуешься успехом. Ты помогаешь вернуть хоккей в Детройт". Я уже отыграл восемь лет в лиге. Контракты со мной заключали не на основании моей бомбардирской статистики. Мне платили за мою репутацию. Многие игроки крепко призадумывались, а стоит ли выводить меня из себя. В Уингс знали, что я пользуюсь успехом – и могу преуспевать и во многих других командах. И до меня уже доносились слухи о том, что меня хотят обменять. В команде появились другие энфорсеры – Кейт Примо, Джим Камминс и т. д.

Пара команд интересовались мной. Рейнджерс и Лос-Анжелес звонили Дешарне. Торонто ходило вокруг да около. Филадельфия позвонила Большому Папе, спрашивая, как можно выйти со мной на контакт. Потом Боб Пулфорд из Чикаго пригласил меня прилететь к нему. Я и прилетел, потому что Чикаго был моим самым любимым городом после Детройта. И до него также было не слишком далеко ехать моей маме, семье и друзьям. Всего четыре часа на машине.

Их первым предложением были 1,5 миллиона долларов в год на четыре года. Но потом Сент-Луис сделал предложение пятилетнего контракта по 2,4 млн. долларов в год. Я сказал Пэ-

ту, что я не хочу в Сент-Луис, а хочу в Чикаго. Пэт ответил, что это моё дело, но я должен уж очень любить Чикаго.

Я приехал домой, не зная, что делать. Я хотел дать Детройту ещё шанс. Мы устроили большую встречу. Я, Дешарне, Большой Папочка – Джимми Ди, м-р Илич и Брайан Мюррей. У меня уже были практически в кармане четыре года по 1,5 млн. долларов плюс бонусы от Чикаго. От двух миллионов я намеревался отказаться, да ещё и сказал Дешарне: "Если Детройт предложит миллион в год, я соглашусь. Я задолжал им".

М-р Илич сказал: "Я приехал ради тебя. Я делал всё возможное для тебя. У меня есть предложение".

"Хорошо, предлагайте".

"800 тысяч в год".

Я посмотрел на него и сказал: "Восемь сотен против полутора миллионов – 700 тысяч разницы. За четыре года накапает 2,8 млн. Очень и очень большая разница".

И м-р Илич сказал: "Что ж, вот что я могу предложить тебе прямо сейчас и надеяться, что ты примешь это предложение".

Моё время в Детройте вышло.

Я отправился в Чикаго в первую неделю июля 1994 года. Подписав первичный контракт, я вернулся домой, забурился в стрипклуб, выпил, нюхнул и меня остановили на машине в Аллен Парке, Мичиган. У меня не было с собой прав, но мне повезло. Коп знал меня и не упёк в тюрьму, просто отпустил.

Моя тёща Лесли была в городе. Мы были с ней в натянутых отношениях из-за её постоянных молитв за меня, всяких притчей и цитат из Библии. Я уважал Лесли и её веру, но не хотел иметь с этим никакого дела. Лесли никогда даже не пыталась поучать меня – не позволяла Дэни. Как-то я валялся на диване, страдая от похмелья, как вдруг увидел её, перегнувшуюся и уставившуюся на меня с балкона. Дэни была у доктора, так что просто ушёл. Позже Лесли мне сказала, что Святой дух сказал поговорить со мной, но она так и не пришла ко мне, о чём впоследствии сожалела.

Я зашёл в маленькую закусочную на углу. Его владелец, русский, подсел ко мне и предложил накатить по стопочке. Мне нравятся русские и я хорошо знаком с их традицией, "по первой, между первой и второй" и т.д. В общем, мы прикончили бутылку, и я решил поехать в центр города на своём мотоцикле. Когда я проезжал перекрёсток Орчанд Леад Роуд и Миддлбелта в Киго Харбор, загорелся жёлтый. Это оказалось для меня слишком внезапно, я задёргался, начал думать то ли ехать направо, то ли прямо. В последний момент решил повернуть, но вдруг резко передумал и поехал прямо. Я задел бампер "Лексуса" и пролетел над капотом метров 15. У меня был маленький шлем, не прикрывавший ничего, кроме самой макушки. Его ношение незаконно, но я ношу его и сейчас, потому что он спас мне жизнь. Весь перекрёсток состоял из 12000 квадратных метров бетона со всего лишь небольшим треугольником травы между мостовой и тротуаром. Именно туда я и приземлился. Ну, может, я и попал на бетон, но кувыркнулся и оказался на траве. Я вывихнул плечо и раздробил локтевой сустав. В любом случае, мне очень повезло.

Я был пьян и особо много не помнил, но вспоминаю, как коп склонился надо мной, а я посмотрел на него и сказал: "Просто оштрафуйте меня как обычно".

Меня отправили в остеопатическую больницу, где пристегнули наручниками к койке. Доктора поставили катетер, так что мне приходилось ссать в утку под кроватью. Один зашедший приятель предложил разломать эту конструкцию, чтобы меня не смогли проверить на алкоголь или наркотики, но было уже поздно. Не помню, кто спросил меня первым, но копы каким-то образом увидели результаты моего анализа крови. Так что они знали, что у меня обнаружили следы кокаина в крови. Естественно, это стало известно прессе. Заголовки вопрошали: "ПРОБЕРТ – КОКАИНЩИК?"

В Уингс взъярились. Джимми Ди заявил прессе, что меня выставили на драфт отказов, потому что от меня было слишком много проблем. Они хотели сохранить лицо.

Когда Дэни пришла ко мне в палату и увидела меня, она была в полном шоке. Она была неестественно бледной, а глаза были почти пустыми. Я очень беспокоился о ней и ребёнке. "Мне так жаль, крошка", сказал я. Она подошла к кровати и поцеловала меня в губы. Потом она прошептала: "Главное ты жив". Я не особо сентиментален, но это очень тронуло меня.

Вслед за ней вошёл и Большой Папочка.

"Большой Папочка?"

"Да".

"У меня опять проблемы".

"Да, так оно и есть".

У меня было с собой около 14 тысяч наличкой в одном из отделений мотоцикла. Водитель эвакуатора нашёл их и вернул мне, за что я ему очень благодарен. Полиция также вела себя сдержанно. Я знал некоторых из них. Там был один офицер, с которым мы были в нормальных отношениях, но я его не узнал и слегка быканул: "Знаешь, как выглядит "Узи"?"

"Ну да".

"Я, бля, покажу тебе свой, как только выберусь отсюда".

Я извинился потом, поскольку чувствовал, что сморозил глупость. Большой Папочка сказал по этому поводу: "Знаешь, Боб. Есть Хороший Боб, но часто попадаетея и Плохой Боб. Так вот, в тот день ты был Плохим Бобом".

Я мог заключить контракт с любой командой, так что я выбрал Чикаго. Он выслали мне два билета первого класса на самолёт, для меня и Дешарне. Я опоздал на рейс на час, но мне повезло, поскольку и сам рейс задержался на час. Я вбежал туда как раз тогда, когда заканчивалась посадка. Я был без своих вставных зубов, поскольку у меня болел рот, а рука в поддерживающей повязке. Пиджак я одеть не мог, так что я просто одел футболку NHLPA.

Билл Виртц, владелец Блэкхокс, был ещё и председателем совета управляющих НХЛ. Пэт удивлённо сказал мне: Не могу поверить, что ты едешь в футболке и даже не приделся на встречу с человеком, который будет выписывать тебе зарплату, если мы подпишем контракт". Я слышал, что Виртц был отличным парнем, так что я особо не парился: "Не беспокойся, он примет меня и так".

Когда мы вошли, за столом, покуривая и выпивая, сидели м-р Виртц, ГМ Хоукс Боб Пулфорд и их юрист Джин Гоздечки. Я выкурил с ними пару сигар, и мы подписали контракт. Их не беспокоила недавняя авария, но они хотели, что бы я перебрался к ним как можно быстрее. Чем быстрее я перееду в Чикаго, тем лучше, сказали они.

М-р Виртц отвёл Пэта в сторонку и сказал: "Мы собираемся сделать Бобу новые хорошие зубы". Пэт ответил: У него есть хорошие зубы – просто он любит их носить именно так". М-р Виртц решил, что это очень смешно. Мировой мужик, старая школа. Многие не любят стариков, но не я.

ГОРОД ДЛЯ МЕНЯ

Я надеялся на перезагрузку в Чикаго, и я получил её. Мы нашли общий язык с Пулли. Он отлично относился ко мне. Тренером был Дэррил Саттер, который тоже был замечательным человеком. Он был очень положительно настроен на пресс-конференции. И позвонил Дэни, узнать, что ей необходимо: "Мы чем-нибудь можем помочь?" Клуб нашёл ей врача, потому что они хотели, чтобы мы переехали сразу. Хотел бы я поиграть под руководством Саттера, но не срослось.

В контракте перед моим носом подвесили большую морковку. Его условия зависели от моей трезвости. Это означало регулярные визиты к терапевту, сдачи тестов крови и мочи. Предполагалось, что анализы мочи будут брать, неожиданно, в любое время, но получилось так, что забор пробирок был словно по расписанию. Я обычно говорил Дэни: "Мочетестер звонил, он подъезжает". В контракте было также условие: "Игрок не должен ездить за рулём или как-то иначе на любом типе мотоциклов в любое время, включая межсезонье".

Поначалу я был согласен с правилами. Я не ездил на мотоцикле весь первый год. Но ко второму году я уже начал считать, что, может быть, это условие внесено в контракт в качестве шутки.

Было и ещё один пункт, согласно которому, я должен был посещать определённое количество встреч Анонимных Алкоголиков каждую неделю. Я ходил на пересечение Диккенс и Шеффилд в Линкольн Парке, где они собирались почти каждый вечер. Предполагалось, что я буду брать подписи, в качестве доказательства того, что я был на встрече, но это долго не продлилось. Заставлять ходить на эти встречи и обеспечивать явку, это не то, для чего предназначались Анонимные Алкоголики.

Я подписал контракт, но сказал Дэни: "Когда я завершу карьеру, я собираюсь выпить "Короны" и послать руководство НХЛ ко всем чертям".

Я играл в Чикаго по правилам. Я общался с прессой и делал всё, что от меня требовалось. Мы сняли дом Стива Конройда и продали наш дом в Мичигане, полностью переехав в Чикаго.

Чикаго по-настоящему чудесный город. Кузены Дэни, Стэйси и Брэд Тэйлс, как-то катались с нами по городу, пытаюсь привыкнуть к дорогам. Мы заблудились где-то в Кабрини-Грин, похоже, самой опасной части города. Мы ехали, распевая песни из всяческих телевизионных шоу. Мы кружили и кружили по району, начали петь заглавную тему из "Флинтстоунов", но подзабыли слова. Мы остановились на светофоре, а рядом встала тачка, набитая бандюками. Из окон у них долбилась музыка, чуваки все были в банданах и со шрамами. Я припустил окошко и Дэни начала паниковать: "Боб, я рожу прямо сейчас, если ты не поднимешь окно обратно!"

"Один сек", - сказал я ей. Потом я обратился к чувакам из той тачки: "Эй, парни, мы тут поём тему из "Флинтстоунов", но ни хрена не можем вспомнить слова. Вы помните первую строчку?"

От такого вопроса у бандюков разом отвисли челюсти.

Я попытался спросить ещё раз: "Ну, знаете, "Флинтстоун, они... да-да-да, ля-ля-ли". Никак не можем вспомнить слова. Вы нам не поможете?"

Дэни вцепилась в мою руку: "Боб, клянусь, у меня сейчас отойдут воды, если ты не закроешь окно".

Кто-то из тачки буркнул: "Катись на хер отсюда, мужик".

Загорелся зелёный и они рванули с места.

Стэйси, Брэд и я улыбались всю дорогу домой. Дэни спустя много лет тоже считает, что это было забавно.

Я был готов к появлению нашего первого ребёнка и к началу новой карьере в Хоукс, как вдруг 2 сентября 1994 года Бэттман дисквалифицировал меня. Технически, он присвоил мне статус "неактивный" на неопределённое время. Он назначил мне "пройти лечение от зависимостей под наблюдением лиги". Если вдуматься в это, то это полная херня. Лига не мой наниматель. Они просто управляющие. Меня наняли Хоукс, а они не прописывали мне никаких курсов и реабилитаций. Управляющие, меняющие правила на свой вкус, это дерьмо собачье.

Могло бы быть и хуже. Если я играл сейчас, моя карьера, пожалуй, уже бы завершилась. Игра изменилась абсолютно. Теперь действует программа НХЛ насчёт наркотиков. Как только ты попал в её сети, ты влипаешь по уши. Что-то мне подсказывает, что я оказался первым подопытным в этой программе. Я не подписывал ничего, но Бэттман заявил, что сразу после рождения моей дочери в сентябре, я должен буду отправиться в Калифорнию на реабилитацию. И тогда они забудут обо мне.

Бэттман – говнюк. Грёбанный говнюк. Считаю, что именно он разрушил саму игру хоккей. Предполагается, что он должен быть беспристрастным, вести лигу правильным курсом, но, по моему мнению, он играет на стороне владельцев клубов. Изменения в правилах 1996 года – это какая-то неудачная шутка, зашедшая слишком далеко. Правило, согласно которому зачинщик получает десять минут за первый случай в игре и удаление до конца игры за второй. Третий в драке зарабатывает два матча дисквалификации. Драка, начатая до вбрасывания, обходится в пять игр дисквалификации каждому участнику. Пять игр за покидание скамейки и участие в драке. Если с тебя стягивают свитер во время потасовки, ты отдыхаешь одну игру. Не думаю, что Бэттман до конца осознавал все последствия, когда принимал эти правила. Они преследуют парней, которые счастливы оттого, что могут играть в хоккей и сойтись в честном поединке. Когда они получают штрафы, это вредит команде. Но эти же правила никак не вредят игрокам, которых вызывают на игру только ради драки. Зарабатывать дополнительное штрафное время в пылу игры? Это неправильно.

Если кого-то ударили исподтишка, ты должен быть там. Вы – команда, вы должны вступаться друг за друга. Так что вы отвечаете ударом на удар. А сегодня, если оппонент "ныряет", вы получаете штраф. Сейчас, если в вас весу всего 75 килограмм и вы не большой мастак в кулачных поединках, долго вы в лиге не продержитесь.

Бывает, я смотрю игры плэйофф и задаю себе вопрос: "Это что, правда, игра плэйофф?" Это какой-то грёбанный дворовый хоккей со счетами типа 6:5. Обычно в плэйофф у всех включаются скрытые возможности работы со 110% отдачей. Все хотят выиграть и сделать для этого всё, что потребуется. А сейчас это типа чёртова Матча Всех Звёзд.

Практически нет силовой борьбы, не дай Бог, тронуть соперника. Попытайтесь приторможить его клюшкой – добро пожаловать на скамью штрафников. Сейчас свистят нарушения и в овертаймах! Неслыханное дело. В 2010, Чикаго выносило Сан-Хосе, но в четвёртой игре, третий период, счёт 2:2, судья назначает двухминутный штраф. Игрок выбрасывает шайбу на трибуны, задержка игры. Чикаго играет в большинстве, но не забивает. Затем игрок Сан-Хосе удаляется за задержку игрока. Хорошо, пусть будет задержка. Снова Чикаго в большинстве и снова не забивает. Четыре минуты до конца игры и две двухминутных наказания Сан-Хосе. Потом подоспело и третье, за удар по рукам. Просто ужас, наисомнительнейшее удаление. Чикаго забивает за 4 минуты до конца и выигрывает 3:2. Полный бред, третий период, команда на грани вылета, счёт 2:2 и три удаления подряд? Чикаго забивает и выигрывает серию? Это не плэйофф-хоккей.

Игра стала более европейской. Больше катания, меньше силовой борьбы. Скорости выросли и, может быть, некоторым болельщикам это нравится больше. Все в лучшей форме, что и хорошо. Раньше было три-четыре отличных хоккеиста, половина со средним катанием и оставалось место для пары игроков с отвратительнейшим стоянием на коньках. А сейчас все настоящие конькобежцы. Сам-то я был из тех, кто со средним умением кататься. Из-за моих габаритов я медленно стартовал, но когда разогнался, всё было в порядке. Сейчас же игроки, габаритнее меня, заодно и намного быстрее меня, в то время, когда я ещё играл.

Броган Виктория появилась на свет 15 декабря 1994 года, когда я был в тренировочном лагере. Я всегда придумывал Дэни забавные прозвища типа Бу-ки, Вуд и Дэн-Дэн. Последнее она особенно ненавидела. Броган тоже получила своё прозвище. Как только я её увидел, она стала Бро-джита Чикита Банана.

Мы долго не могли решить, кто из родителей должен присутствовать на родах. С Лесли мы ещё не очень ладили, а большинство женщин не хотят, чтобы на родах рядом с ними была свекровь. Мы оба сошлись на том, что пусть там будет её отец, Джим. Сейчас, мы, правда, думаем, что это было немного странно. Джим стоял у неё за спиной и снимал на камеру рождение внучки, так что мы не пропустили этот момент. Джим и я слегка нервничали, не могли усидеть на месте. Спустя некоторое время мы устали от бездействия и затеяли соревнования по отжиманиям прямо за кроватью Дэни, которая попросила нас прекратить. Броги была крупным ребёнком – 4,7 килограмма, 61 сантиметр. На протяжении всей беременности я повторял: "Я делаю только пацанов", но получилась крепкая здоровая девочка, что я воспринял с не меньшей гордостью.

Вся моя жизнь поменялась с её рождением. Дети – это лучшее из всего того, что я когда-либо делал.

Броган исполнилось три недели, когда я отправился в Семейный Лечебный Центр в Порт-Хенема, неподалёку от Окснарда, Калифорния. Директором там был д-р Дэйв Льюис, работавший также и на владельцев НХЛ. Лига заплатила его центру большие бабки за моё лечение. Я не могу сбежать оттуда, потому что так бы я мог бы лишиться шансов вернуться в НХЛ. Они прихватили меня за яйца.

Первая часть сезона всё пропала. Коллективное соглашение игроков и лиги истекло. Большим яблоком раздора стал потолок зарплат – владельцы жаждали его введения, игроки – нет. Так что 1 октября был объявлен локаут. Бэттман был слишком занят на переговорах, чтобы заниматься мной и я его понимаю. К январю все вопросы были улажены и полсезона было спасено. Команды провели по 48 игр. Я думал, что меня отпустят доиграть.

Но Бэттман не позволил. Саттер захотел, чтобы я принял участие хотя бы в плейофф. Я буквально ходил по струнке, выполняя все предписания. 28 апреля Бэттман восстановил моё положение в лиге, но выпустил заявление, в котором говорилось, что я не могу играть до конца этого сезона. Он заявил: "М-р Проберт не имеет права играть в НХЛ вплоть до начала сезона 1995-96, для обеспечения наилучших условий послереабилитационного периода и сохранения трезвости".

Я называл Порт-Хенем "Порт-Хочу быть как...", но в нём было и хорошее. Члены семьи допускались к процессу реабилитации. Дэни и я неплохо поработали над моим лечением. Я помню, стоял в большом круге, среди сотни таких же. Каждый должен был сказать слово, отражающее его состояние. Я сказал "Надеюсь".

Порой в Центре меня спрашивали: "Как может человек заработать 800000 долларов и просрать их на бухло и наркоту?" Другими словами: "Ты чё, совсем тупой?". По моему мнению, решения принимаются разумом или чувствами, и я отдавал предпочтение эмоциям. Даже если ты доктор юридических наук, это не остановит тебя от плохих решений, вызванных эмоциями. Я старался использовать и сердце и разум, но это было очень непросто.

Я закончил курс реабилитации и, после большой пресс-конференции, мы начали нашу жизнь в Чикаго.

В конце августа я провёл три дня в тюрьме и заплатил штраф 1395 долларов. Меня признали виновным в управлении в пьяном виде и последующей аварии на мотоцикле в июле 1994 года. Я отбыл наказание и в чикагских газетах появились какие-то грёбанные инсинуации. Рик Теландер из "Сан Таймс" пропесочил меня в своей колонке. Он решил действовать хитро, назначив мне встречу в баре. Во время интервью он заказал спиртное и поставил его на стол между нами. Он что, всерьёз думал, что я накинусь на бухло? Долбанутый. Потом он протянул

мне свёрнутую двадцатидолларовую купюру со словами: "Нюхни". Отличный репортёр, мать его.

В Детройте хоккеем обычно на первых полосах. В Чикаго где-то в районе пятой. Так что, если ты налажал, это не обязательно распишут в газетах. Я посещал игры и тренировки как обычный семейный человек. Никакого давления. Я не люблю выносить свою жизнь на всеобщее обозрение, так что мне абсолютно не нравилось, как мои похождения описывают в детройтской прессе. Иногда я размышлял над тем, что было бы, если б я стал простым полицейским в Уинзоре, как мой отец. Познав вкус больших денег, я не хотел бы вернуться к той жизни, но я не думаю, что мне нужно много денег, чтобы чувствовать себя счастливым. Я много думал об этом, понимаете?

Мои одноклубники в Чикаго были невероятно вежливыми. Они по своему старались, чтобы всё шло правильно. Доходило до того, что я говорил Дэни на вечеринках: "Выпей чего-нибудь, чтобы мои друзья не чувствовали себя неловко и могли бы тоже пропустить по коктейлю". Команда в этом отношении была просто замечательной.

На старте сезона 1995-96 Крейг Хартсбург сменил на посту главного тренера Дэрила Саттера. Мне нравился Хартси. Он играл в Суу защитником с 1975 по 1978 и всегда поддерживал меня. Он поставил меня в тройку к Джереми Рёнику и Сергею Кривокрасову. В Чикаго все помогали друг другу. Крис Челиос помогал мне с фитнес-подготовкой, Джей-Ар всегда говорил прямо, что в нём и привлекало. Мюррей Крейвен прорвался к воротам и мог бы завершить хет-трик, но вместо этого притормозил и отпасовал шайбу мне.

Чели был одним из моих новых одноклубников. Он заставил меня всерьёз относиться к подготовке вне льда. Он всегда поддерживал форму и очень заботился о правильности и сбалансированности питания. Первое лето после завершения моего лечения, он заставил меня бросить всё и поехать в Калифорнию на тренировки с Ти Ар Гудманом в Санта-Монике. Гудман тренировал многих нхловцев и других спортсменов, типа Габриэля Риса, американского волейболиста. В тот год я провёл у него три недели, и результат был виден невооружённым взглядом.

После игры в Лос-Анжелесе в баре на стадионе меня поджидал старый знакомый барыга. Я не бухал и не нюхал почти год. Он протянул мне пакетик с обычной моей дозой кокаина и я поблагодарил его. Я засунул кокаин в сумку для ракетки и он пролежал там лет шесть. А потом, в мой последний год в НХЛ, у меня дома было пару чуваков, и я сказал им: "Эй, у меня есть кое-что и я жду особого повода, чтобы употребить его". Кокаин был неплох.

Тем временем, мне нужно было трижды в неделю сдавать анализы мочи. Мне нужно было оставаться "чистым", если я хотел, чтобы мне платили. Я знал не слишком много барыг, чтобы купить ещё дозу, у меня была дочка, так что я и так не собирался возвращаться к прежней жизни.

Дэни и я хотели ещё ребёнка. Брган родилась на удивление легко, так что мы хотели дать ей ещё братика или сестрёнку. В мае 1996 года, под конец первого моего сезона в Чикаго, Дэни забеременела вновь. Мы оба были невероятно счастливы.

А в августе, я был дома, у Дэни случился выкидыш. Пережить такое было очень тяжело.

ШОУ НА ВЫЕЗДЕ

Молодые игроки продолжали вызывать меня на бой. Но ничто не побьёт опыт. Если я хватал соперника и одна рука у меня оставалась свободной, он не мог хорошо меня ударить. Только если у него были длинные руки. Ещё важным было умение держать удар. Обычно я обменивал пару ударов в голову и тело на возможность занять выгодную позицию. Тогда-то и наступала моя очередь бить.

Необходима была также хорошая выносливость. Обмен ударами отнимает много сил – устаёшь очень быстро. Тридцатисекундная драка – это уже долгий бой, даже если игроки только что со скамейки, хорошо отдохнувшие. Но с приходившим опытом ты учишься защищать себя в такой манере, что даже если похоже, что ты пропустил удар, ты переносишь его без последствий. Своеобразная комбинация отклонения головы назад и смягчение последствий удара. Когда ты обнаруживаешь себя дерущимся, часто обычные вещи выглядят довольно дико, что бойцы без опыта теряются. Но после того как ты заматереешь, ты можешь видеть все удары соперника и учишься минимизировать их последствия.

Наибольшее количество драк в сезоне – 23, выдалось у меня в 1987-88 году. Сезон состоял из 80 игр, так что грубо – одна драка приходилась на четыре игры. Ну это словно "высокий" сезон. В среднем я выдавал по 20 потасовок за сезон и, однажды, вместе с плэйофф у меня набралось 28, что ли, боёв.

Правило обязательного прикрепления свитера было введено в 1997 году, летом 1996 года генеральные менеджеры как раз и обсуждали этот вопрос. Его назвали "правило Роба Рэя", по имени энфорсера Баффало Сэйбрс, который одевал на игры слишком большие джерси, так что они легко слетали с него во время драки. Теперь же новое правило гласило, что фуфайка каждого игрока должна иметь крепление, которое должно быть пристёгнуто к трусам. Если вы не соблюдаете это правило, вы получаете дополнительные штрафные минуты. После введения этого правила, я начал одевать свитера, обрезанные по вратарски – у них больше рукава. Из них проще высвободить руку, даже если соперник уже вцепился в неё. Соответственно, если вы в драке лишаетесь свитера, это карается арбитром. Если же вы просто выпрастываете руку из джерси, то всё в порядке. Сейчас, правда, начали следить за размерами свитеров и тому подобное дерьмо.

Я никогда умышленно не подрезал крепление свитера, чтобы его легко было порвать. Но бывали случаи, когда я вместо застёжки использовал просто "липучку". Тогда достаточно лишний раз подогнуть свитер и от резких движений "липучка" расстёгивается. Многие так делают.

В 1995-96 году я сыграл почти целый сезон, за исключением четырёх игр, и забил 19 шайб. У Блэкхокс выдался неплохой сезон. Чели набрал 72 очки и завоевал Норрис трофи, приз лучшему защитнику. Мы финишировали вторыми в своём дивизионе, шестыми в лиге, с результатом 40 побед, 28 поражений и 14 ничьих. Во втором раунде плэйофф нас выбило Колорадо. Шесть игр, из которых четыре закончились в овертайме. Они же и завоевали в итоге Стэнли. Следующий сезон у нас не задался. К 23 января в домашних играх у нас было всего 8 побед, 15 поражений и 3 ничьи. Хартси решил, что мы слишком уж расслабились, и убрал скамейки из раздевалки, поставив перед телевизорами велотренажёры. А потом он отсоединил антенны от телеков. Тим Сассон из "Дэйли Хералд" писал об этом:

"Похоже, раздевалка перестала быть кантри-клубом" – говорит Крис Челиос.

"Телевизоры работают, но там теперь всего три канала" – Тони Амонте.

Кажется, никто не знает, что случилось со скамейками.

"Они, по ходу, у Пулли в комнате развлечений" – слова одного из игроков

"Похоже на мой дом" – Джеймс Блэк – "Никакой мебели".

В последний раз я дрался с Троем Краудером 22 января 1997 года. В то время он играл за Ванкувер. Их вратарь, Кирк МакЛин выкатился за ворота, перехватить шайбу. Я подтолкнул его, после чего Трой перепрыгнул через борт и скинул краги. Все началось неплохо – мы схватили друг друга за рукава и начали бить. Мы бились неподалеку от круга вбрасывания, вдоль бортов и на протяжении всего нашего скольжения в другой угол. Он начал уже виснуть на мне, после чего, поскользнувшись, он упал на меня сверху. В дело вступили лайнсмены. Джерси Троя скатался, так что он лежал на мне голым пузом. Он встал, я шлёпнул его пару раз по животу: "Рад, что ты вернулся, Краудс".

Он засмеялся в ответ, а лайнсмены недоумённо переглянулись, не слышалось ли им это.

В следующий раз мы играли с Ванкувером 10 марта и на этот раз моим соперником был Дональд Брашир. Я неплохо провёл бой, но судьбы не дали нам слишком уж разойтись. Впервые мы схлестнулись в декабре 1993, когда я играл за Уингс, а он был новичком Монреаля. Брашир очень печётся о том, как бы не получить травму. И он достаточно силён, чтобы контролировать оппонента. Вместо того чтобы держать соперника на расстоянии, он предпочитает подвинуть соперника поближе к себе и лупить быстрыми хуками. Это защитный стиль боя. Никому никогда по-настоящему так и не достаётся, потому что он слишком близко для увесистой плюхи. Зрители обычно считают, что комментаторы видят отличия между настоящей дракой и "танцами-обниманцами", но зачастую это не так. "О, мой Бог, они нанесли сорок-сорок пять ударов". Но такими ударами вряд ли можно лопнуть даже полиэтиленовый пакет, в них нет настоящей силы.

Брашир никогда не терпел больших поражений и не одерживал больших побед. Он просто обнимается. Если вы знаете, как хорошенько приобнять соперника, то всё будет в порядке, но никто не хочет видеть такие потасовки. Всем хочется видеть настоящую ожесточенную драку. Это и было основной тактикой Брашира, ещё до попадания в НХЛ – просто держаться. Каждый раз, когда я дрался с Браширом, я думал: "Я стану охеренно большим этим летом, так что я смогу в следующем сезоне отдубасить этого членососа и выбить из него всё дерьмо".

Это был первый сезон, в котором были введены правила Бэтмана. Порой было чертовски невозможно играть. Некоторые из судей судили чересчур жестко, а в итоге мы пролетели мимо плэйофф. Это было в высшей мере странно – свистели наичистейшие силовые приёмы. Небольшие тычки в отместку – карались. Чёрт бы с ним, если это было только в первом периоде, но все эти свистки рвали игру, когда он была в самом разгаре. 3 апреля Билл МакКрири усмотрел не пойми что, и свистнул толчок соперника. Эти две минуты изменили результат игры с Эдмонтоном. Наш защитник, Михал Сикора, чистым силовым уложил у борта Майка Грира. До этого была ничья 2:2, а третью нам забросили в большинстве. Букбергер толкнул меня, я отмахнулся – получаю две минуты. Я чувствовал себя так, словно играю со связанными между собой коньками.

Мы играли с Флэймс пару игр, выиграв которые, мы могли бы побороться за плэйофф. Один из их тафгаев, Глен Физерстоун, отоварил Чели. Он приложил его клюшкой со спины. На самом деле, это только смотрелось ужасно. Чели получал удары и посильнее, а сейчас его просто подловили в неудачный момент. Хартси поделился с прессой своими сомнениями, решив, что теперь одному из их лучших бомбардиров, Тео Флери, придётся играть с оглядкой, потому что я могу и отомстить за Челиоса. Но всё закончилось довольно забавно. Мы встали рядом на вбрасывании. Флери огляделся и сказал: "Давай, Проби, если ты собираешься мстить, делай это сейчас".

Я заржал: "Ты этого хочешь, да? Ну ты маленький долбоёб"

Я был, может быть, в наилучшей форме за свою жизнь, но в ноябре 1997, я побился с левой Флэймс, Майком Пелусо. У него в 1991-92 году было рекордное количество штрафных

минут – 408. И я получил очень серьёзную травму. Все думают, что травму я получил в драке с Сэнди МакКарти, случившейся ещё раньше в той же игре, но нет – всё случилось в потасовке с Пелусо. По габаритам он был сравним со мной. Он несколько раз врезал с левой, эти удары я блокировал. Но потом он завалился назад, утянув и меня. Я приземлился на плечо, вот так-то я и получил травму.

Следующим вечером, в Торонто, я подрался с Крисом Кингом, задиравшим Челиоса. Мы падали и вставали, он приземлился на меня, но ничего серьёзного. Я сыграл после этого ещё три, но я знал, что я травмировался, потому что плечо болело всё сильнее. А я ждал, что, может, всё-таки полегчает. В итоге, я, ради интереса, попробовал растянуть резиновую ленту и не смог. Я всё равно решил выйти на игру в тот день. Мы играли против Детройта, 16-го ноября. В первом же периоде, когда я понял, что не могу двинуть рукой, я ушёл в раздевалку.

Мне сделали томографию и рентген. Доктор сразу же сказал: "Да, так и есть. Порваны связки". Для лечения требовалось хирургическое вмешательство и это было самым тяжелым, ведь я сыграл всего 7 игр. Меня внесли в список травмированных 19 ноября, и я так и оставался там вплоть до апреля. Весь сезон насмарку, а я как раз был в самой лучшей форме. На старте сезона я сыграл 20 минут, забил гол и отдал результативную передачу. Несколькими днями позже в Сан-Хосе – 15 минут и три броска в створ. Потом в третьей игре, какой-то мелкий му-дила из Тампа-Бей Лайтнинг ударил меня коленом-в-колени и повредил мне связки. Это случилось в одной из заварушек около ворот. Осмотр доктора и нате, ещё одна артроскопическая операция. Я выбыл на три недели, а по возвращении как раз и случилась та самая потасовка с Пелусо. Я только считал, что я готов к своему новому рекордному сезону, как, бах, моё плечо вылетает, и я отдыхаю пятьдесят три игры.

Единственная хорошая вещь в той травме, это то, что я смог поиграться с детьми. Тьерни Роуз родилась в июле 1997. По медицинским показаниям роды должны были стимулироваться, так что мы могли выбрать дату рождения. Я выбрал число своего номера – 24.

Травма плечевого сустава приключилась в самый неподходящий момент, ведь это был последний год моего контракта. 1-го июля 1998 года я стал свободным агентом. Я написал Пэту Дешарне, что я решил управлять всеми делами, связанными с НХЛ, сам. Я поблагодарил его за всё, что он сделал для меня и нашей семьи и хотел, чтобы мы и впредь оставались друзьями. Я заплатил ему несколько сот тысяч долларов за последний контракт, и он отлично справлялся со своими обязанностями юриста, за которые ему платили я и Детройт Ред Уингс. Так что мы разошлись полюбовно. В любом случае, я всегда мог обратиться за помощью к Большому Папочке.

Ястребы предложили мне двухлетний контракт, по миллиону за год, но я отказался. Я считал, что стою больше. Здоровый образ жизни без всяких стимуляторов, тренировки и всё такое продлили мою карьеру. Не считая плеча, я отлично себя чувствовал. В 1995-96 я сыграл 88 игр, включая плейофф, набрал 42 очка и 260 минут штрафа. В 1996-97 те же самые 88 игр, очков 26 и 367 штрафных минут. И мне очень везло обходиться без травм. За эти два сезона я пропустил всего три игры из небольших проблем с коленом в январе 1996. Моей целью были 1000 игр в НХЛ. Эта цифра многое значила для меня. У меня было 648 игр на тот момент, так что, если оставаться здоровым, нужно было бы отыграть четыре с лишним сезона.

В январе я подписал четырнадцатистраничный контракт с Блэкхокс на четыре года, с начальной датой задним числом, 1 октября 1997 года. Я получал согласно нему 6,5 млн. долларов. Было приятно осознавать, что команда уверена во мне. В контракте было четырехстраничное приложение с условиями бонусов. Я получал дополнительные 100000 долларов, если я выполнял три из четырех условий и 50000 за два из них. Условия были такими: мое потребление кислорода миокардом должно было быть минимум 63, я не должен был весить более 103 килограмм, содержание жира в теле не должно быть более 14% и я должен был выдавать минимум 600 ватт на велотренажёре. Другими бонусами были: 75000 долларов за 25 заброшенных шайб,

еще 75000 за сыгранные минимум 73 игры. В приложении также оговаривалось то, что я не должен был делать, типа пить, принимать наркотики и ездить на мотоцикле.

Я вернулся в Детройт 4 апреля 1998 года, как раз когда Хокс практически уже выпадали из борьбы за плейофф. В последних семи играх мы 6 раз проиграли и лишь однажды сыграли вничью. В одной игре с Торонто – у которых также сезон не заладился – я подрался с Таем Доми. Тай нечестно поступил с одним из наших защитников Кэму Расселу.

Доми напрыгнул на Рассела потому что пару месяцев назад Рассел уложил Доми в честной драке. В этой же игре Доми даже не ждал, когда Кэм будет готов к драке. Он начал пробивать ему в голову ещё до того как Кэм сбросил краги. Он натянул Кэму свитер на голову и продолжал бить даже когда Кэм потерял равновесие и у него слетел шлем. Доми завалил его, Кэм ударился головой об лёд и его унесли на носилках. Со стороны это смотрелось ужасно.

Доми отработал до автоматизма свое движение, при котором он отворачивается и ты пялишься ему почти в затылок. Я сграбастал его джерси и начал лупить по его здоровой башке. После нескольких увесистых плюх он свалился на лёд. После вмешательства лайнсменов он ещё поорал на меня.

В нашей команде был ещё один игрок, который мог вступить за Кэма, но он не стал. Я начал замечать изменения в игре. Игроки стали больше сами за себя.

СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ БОБА ДИЛАНА

Весной 1998 года Чикаго выменяло к нам Райана ВанденБуша. Мы с ним стали хорошими друзьями. Габаритами он не отличался, но драться умел будь здоров. Он уже провёл 5 сезонов в АХЛ в системе Рейнджерс и Торонто. Даже после его обмена в Чикаго он провел полтора года в нашей фарме, в Индианаполисе. Лишь в 1999 году он смог завоевать себе место в составе. Мы делили с ним одни и те же обязанности. Он играл на правом, а я на левом краю. Мы сыграли множество игр с ним в одной тройке и стали соседями по номеру на три года. Когда ты живёшь с кем-то в одном номере, ты по-настоящему узнаешь его. Я не пил и не делал ничего противозаконного в то время, однако, мы порой неплохо проводили время. Мы засиживались допоздна, перетирая за жизнь.

Лето 1998 года стало четвертым, которые я проводил, тренируясь в Калифорнии. И в том году я занимался даже более усердно. Тафгаи типа Джорджа Ларака и Дональда Брашира становились всё габаритнее и их всё больше и больше появлялось в лиге. Моими мыслями были примерно такие: "Чёрт меня дерит, я должен набирать форму". Дэни приехала ко мне в Калифорнию на восемь недель и это одним из самых лучших лет в моей жизни. Мы катались на катере, у нас был замечательный дом на Странде, с отличным окружением в Марина Дель Рей.

Подъём в пять утра, в шесть уже в тренировочном зале, два часа занятий, а затем в ресторан Файерхаус, в здании бывшей пожарной части. Только здоровый завтрак: яичница из страусиных яиц, брокколи со сладким картофелем. Затем домой, играть с детьми. Я играл с ними дома или же брал с собой на пляж. В пять вечера снова тренироваться, бег по лестницам в Санта-Монике или бокс в спортивном зале Боба Дилана с тренером Дэвидом Полом. Мы занимались плайометрией на парковке. Плайометрия – это такой вид тренировок, при котором мышцы учатся развивать максимальное усилие за кратчайшее время. Прыжки, отжимания, подтягивания и т.д. и т.п. Отличные тренировки для хоккея. Я выпивал уйму протеиновых коктейлей и ложился спать в одиннадцать. Я даже бросил курить, набрав лучшую форму в моей жизни.

Я познакомился с Дагом Гилмором летом 1998. Он подписался с Чикаго и вместе с женой, Эмми, переехал в дом неподалёку от нашего. Мы отлично проводили время вместе. Мы вместе ездили на стадион, тусовались, ужинали. Как-то мы вчетвером забурились в супер-пупер пятизвёздочный ресторан Чарли Троттер на Эрмитаж Авеню – всемирно знаменитый. Он был настолько пафосный, что мы возненавидели его с первой минуты. Мы все четверо курили, так что нам пришлось сесть на террасе. Обслуживали там очень долго, а порции были меньше некуда.

Каждый раз, когда мимо проходил официант, мы заказывали корзину с хлебом. Мы потратили восемь сотен баксов на четверых и всё равно остались голодными. Когда мы ушли оттуда, я тут же отправился в греческий ресторан на Линкольн авеню и наелся шаурмы.

Мы не рассказывали Дэни и Эми многого о хоккее. Когда парни отдыхают со своими жёнами, никто не говорит о хоккее. Что случается в раздевалке, то там и остаётся. Зачем поносить кого-то после игры?

Но некоторые чересчур многое доверяют своим жёнам. Так что приходится быть осторожными, потому что женщины обожают делиться секретами. Одна тут всё встречалась с игроком, потом с другим. Она рассказала Дэни, что её новый парень плох в постели, потому что у него маленький член. А потом он подписал многомиллионный контракт и внезапно он стал хорош в постели и член не таким уж и маленьким. Забавно, что иногда могут сделать деньги, не так ли?

Дэни, бывало, приходилось выслушивать некоторые нелицеприятные вещи из комнаты жён. Как-то она зашла туда и одна что-то втирала о факторе игроков-тупоголовых отбойщиках.

Несла какую-то хрень о том, что не хочет, чтобы её дети дрались на льду и что драки это ино-родная часть хоккея. Дэни вступила с ней в спор: "Что ты несёшь про моего мужа? Он - сило-вик, но, если ты называешь его отбойщиком, то ты не знаешь ни черта, ни о нём, ни о хоккее. Я вот что тебе скажу – он может быть хоккейной суперзвездой, а твой муж где-то на уровне его задницы". Порой, женщины могут быть чересчур экспрессивными.

Дуги менял тачки, как я трусы. Он ездил на каждой по паре месяцев, затем находил что-то лучшее. У него было несколько улётных машин, и он всегда давал мне прокатиться на них, даже на "Феррари". Как-то он сказал мне, что я могу взять "Мазерати", ну там, забрать Дэни, в общем, ехать куда хочу. Я сказал, что я съезжу за Броган, заберу её из подготовительной груп-пы. Мы заехали за ней, я усадил её в откидное кресло, но вот её трицикл никак нельзя было за-сунуть в машину, без того, чтобы не повредить краску. В конце концов, её учитель забросил трицикл в свой фургон.

На день рождения Дэни я хотел подарить её новую машину. Дуги продал мне его нулё-вый "Бумер", 540i. Отдал просто за копейки. Это многое значило для меня. Чели с его женой также замечательно относились к нам. Он позволяли нам жить в их доме, в Блумфилд Хиллс, Мичиган, пока они отдыхали летом на Малибу. Три года подряд мы жили там, никакой платы, ничего. Просто по дружески. Однажды, когда мы были с Чели в баре какой-то мудила прице-пился ко мне. Всегда находится какой-то ушлёпок, который не даёт мне нормально отдохнуть. Я по-прежнему оставался "чистым", просто сказал: "Все нормально, приятель. Мы отдыхаем".

Этот всё выделялся, предлагал выйти, поговорить. Чели не вытерпел, взял пластико-вую бутылку с горчицей, подошёл к нему и выдавил всё ему в лицо и на футболку, после чего вернулся за стол. Посмотрев на меня, он тряхнул головой и сказал: "Ты не можешь больше бить кого-либо. Так принято в нашем обществе. Но я нашёл другой способ успокоить выскоч-ку".

Пулли был вице-президентом Блэкхокс, а также генеральным менеджером Чикаго почти двадцать лет. У нас с ним было много общего. Нам обоим нравились мускулистые машины – двухдверные "американцы" поздних 60-х с мощными движками и уймой лошадей под капотом. Нам было всё равно: стоковая или оригинальная тачка, главное, чтоб не слишком убитая. Мои машины всегда были легальными, с улучшенными движками. Назад на свой черно-белый "Шевроле" я поставил такие узкие колеса, что еще чуть-чуть и они не были бы разрешены к эксплуатации. С первой-второй передачи ты улетаешь со свистом на такой тачке. Я приехал на ней как-то на Гранд Бенд Спидвей, посмотреть, на что она была способна и это было впечат-ляюще. Пулли тоже был в восторге. Он относился ко мне совсем по-отечески. Он не был про-стофилей, но относился ко мне с уважением. Думаю, будет честно сказать, что я любил его.

В июле 1997 ГМом стал Боб Мюррей. Мы не попали в плэйофф в том сезоне, так что он уволил нашего тренера. Я никогда не звонил тренерам после их отставки, но Хартси я набрал, сказать ему, что мне жаль, что его уволили. Он был отличным парнем. После этого нашим тре-нером стал Дирк Грэм. Это было что-то. Он никогда не тренировал до этого команду НХЛ. Шесть лет он был капитаном в Чикаго, весьма неплохо играя. Последним его сезоном стал 1994-95. Он играл под руководством Майка Кинена и Дэррила Ситлера, и я не думаю, что есть тренеры более жёсткие чем эти. Однажды он и Джереми Рёник серьёзно повредили колени пе-ред плэйофф 1995. Но Дирк играл с этой травмой, что побудило и Рёника выйти на лёд.

Дирк прошёл путь от тихого лидера до довольно голосистого тренера. Он очень жестко обращался с игроками, в большинстве своём по правильному поводу, но, хотелось бы думать, что как бывшему игроку, ему стоило бы лучше наладить контакты с ребятами. Вместо этого, он напрягал игроков. Он высмеивал игроков, получивших травму. Тренером он любил нам устраивать выматывающие тренировки без шайбы. Он относился к нам как к детишкам из дет-ского сада.

Мы проиграли игру перед Рождественской вечеринкой 1998. Так что, когда мы привели свои семьи на стадион, на семейное катание, Дирк продержал нас на льду часа два и задрочил

так, что паре игроков потребовалось капельница из-за сильной дегидратации. Семьи сидели в вестибюле и ждали нас. По-блядски получилось – наказывай нас, но зачем наших жён и детей.

Его работа у нас закончилась после ужасной тренировки в феврале. М-р Виртц обменял Рёника на Алексея Жамнова. У Алекса были проблемы со спиной. Дирк наплевал на это и не делал ему никаких скидок на травму. Потом ещё выбыл один из наших лучших игроков, Тони Амонте. Мы проиграли 10 из 12 игр, после чего Грэма отправили восвояси.

У нас был Дуг Гилмор, но он пропустил 10 игр из-за травм и до конца так от них и не оправился. Пол Коффи пропустил почти весь сезон. За нас в том сезоне отыграло 47 игроков – просто вращающаяся дверь какая-то. Руководство считало, что у нас переходный год, в котором необходимо было решить, делать ставку на ветеранов или же на молодёжь. В итоге, команда взяла курс на омоложение. Боб Мюррей сказал, что от большинства из нас избавятся, однако, обменяли только Челиоса – в Детройт, 23-го марта.

Я случайно встретился с Чели, когда он собирался уже улетать в Детройт. Он сказал мне: "Не удивляйся, если ты увидишь меня с номером 24". Я особо не задумывался об этом, решил, что он шутит. Никто не брал мой номер в Детройте со времен моего ухода и, я уверен, что, если бы кто-то захотел его взять, он бы позвонил мне и мы бы обсудили это. В Чикаго Челиос носил номер 7, но в Детройте "семёрка" была закреплена за Тедом Линдсеем. А потом я увидел Челиоса в 24 номером. И он имел все права на это, ведь под этим номером он выигрывал кубок Стэнли за Монреаль. Да, собственно, какого хера, я рад, что номер взял Челиос, а не какой-нибудь европеец.

Когда Боб Мюррей уволил Грэма, он сказал, что больше никогда не возьмет неопытного тренера. Так что он, не долго думая, поднял одного из помощников, Лорна Моллекена до звания главного тренера. Лорни тренировал несколько лет молодёжные команды, несколько лет работал тренером в АХЛ, но в НХЛ он был новичком. И он ни одной игры в НХЛ сам не сыграл.

Мы открыли новый сезон в Сан-Хосе и нас жестоко отодрали 1:7. Многих жёстких парней тогда не выставили на игру. Но, примерно через месяц, мы вернулись на игру в Сан-Хосе. После предматчевой раскатки мы устроили на льду небольшое совещание. Мы собрались вокруг тренера, обсуждая наши дальнейшие действия. Лорни раздавал ЦУ: "Килгер, я хочу, чтоб ты схватил того-то, Проберт, первое, что я хочу от тебя увидеть, это то, как ты хватаешь Брентта Майерса и делаешь из него боксёрскую грушу. Так, Буши (Райан ВанденБуш), ты скидываешь краги с Грантом Маршаллом и выбиваешь из него дурь. Брауни и Эллисон, вы выбираете любого из оставшихся и тоже лупите их до усёру". Я прежде никогда не слышал такого на предматчевой раскатке.

Я спросил: "Что ты думаешь, Буш?"

Он ответил: "Боб, Маршалл – это мой приятель. Мы росли вместе".

"Не беспокойся, Буши. Я позабочусь о нём".

Но это был первый раз в моей карьере, когда тренер посылал меня или говорил мне выйти подраться с кем-либо. Я всегда знал своё ремесло и мне не нужен никто, кто говорил бы мне, что я должен делать. Порой, когда мы проигрывали, тренер мог послать меня на лёд и сказать: "Эй, Проби, ты на левый край или же поменяйся местами с левым нападающим". И, если напротив меня оказывался тафгай, то я отлично знал, что мне делать. Словом, тебя выпускали на лёд по делу, но об этом вслух не говорилось. Как только игрок соперников видел, что я качусь на тот фланг, он знал, что произойдёт. Некоторые, может, и боялись, но некоторые считали это хорошей возможностью – "Что ж, вот мне выпал отличный шанс показать себя". В одной из моих первых предсезонных игр за Чикаго, против Эдмонта, мы встали рядом с Денисом Бонви. Он сказал мне: "Эй, Проби, поехали. Ты был моим кумиром в юности, но я здесь, чтобы драться с тобой". Я уважил его желание. После завершения моей карьеры Бонви сказал в интервью: "Что ж, меня побил один из лучших", Он казался счастливым от одного лишь того, что ему посчастливилось побиться со мной.

И такое случалось частенько. Как-то в игре с Колорадо мне достался их новичок, здоровый, 107 кг, 195 см, Скотт Паркер. Он тоже сказал мне: "Проби, ты был моим кумиром, но тренер послал меня делать своё дело".

"Эй, приятель, ты же не хочешь этого прямо сейчас?" – Ответил я.

"Боб, тебе придётся драться со мной или сломать меня, но драка будет".

Я ждал до третьего периода. Мы уступали 1:4, и я пригладил его клюшкой: "Давай, парень, поехали". Получилось забавно. Он скинул краги, поднял кулаки вверх, всё такое, а я ждал его. Секунд через двадцать он, наконец, схватил мой джерси. А я в это время врезал ему пару раз по виску. Шлем у него слетел, и я долбанул ему со всей дури. Он опустился на одно колено, а лицо на глазах раздулось как воздушный шарик. Подоспели лайнсмены, и я сказал ему: "Похоже, я сломал тебя".

Судьи встали между нами, а Паркер, казалось, был немного оглушён. Он никак не хотел отцепляться от воротника моего джерси. Лайнсмены закричали на него: "Ты душишь его! Отпусти!" Паркер попытался врезать мне свободной рукой, пока лайнсмены пытались ослабить его хватку, ударяя по его руке. Прошло секунд сорок пять, лайнсмен всё удерживал меня со спины, а я оттягивал двумя руками воротник свитера от моего горла. Свитер растянулся аж на полметра.

Одноклубник Паркера Адам Дедмарш попытался оттащить его, подкатившись со спины, но не тут-то было. Помню, Паркер всё повторял: "Нет, нет, нет, нет". Снова и снова. Подъехал Джефф Оджерс и попытался уговорить Паркера отпустить мой джерси: "Эй, Паркс, в чём дело? Что ты делаешь?". Это было по-настоящему странно.

Паркера считали будущим чемпионом-тяжеловесом лиги. На следующий день Большому Папочке позвонил Скотти Боумэн, тренировавший Ред Уингс. Он спросил: "Ты видел, что сделал твой приятель?" Большой Папочка ответил, что, конечно, видел. А Боумэн сказал: "Это, возможно, самый сильный удар, который я когда-либо видел в хоккейной потасовке".

Когда Буши играл за Рейнджерс в 1997-98, он схлестнулся со Стю Гримсоном, тогда защищавшим цвета Анахайма. В их первом бою Буши пропустил несколько серьёзных ударов в голову. Он знал, что однажды ему придётся биться с Гримсоном опять, но он не заглядывал слишком далеко вперёд. В следующий раз они столкнулись в ноябре 1999, Буши играл за Чикаго. Он зарядил Гримсону точным ударом в нос и Стю быстро свалился на лёд. Потом, в перерыве Дэйв Мэнсон сказал Буши: "Буши, ты знаешь, что Стю хочет подраться с тобой снова, потому что он взъярился на тебя, что сам чёрт". Буши пожал плечами: "Да, ну и хрен с ним".

Естественно в начале второго периода Буши и Стю оказались рядом на вбрасывании. Стю не сказал ни слова, но как только шайба коснулась льда, он сбросил краги, откинул клюшку, откатился назад: "Поехали". Буши не спасовал: "Чёрт, понеслась". Буши рассказал, что у Стю была аж пена у рта, настолько он был взбешён. Сбросив перчатки, Райан бросился в бой, начав с размашистых ударов с правой, но четвёртым ударом Стю сломал ему нос. Буши упал на колени, но поднялся, отчаянно махая руками. В итоге, он упал поверх Стю. Кровищи было разлито мама не горюй. Жёсткая такая стычка вышла.

В примерно такой же ситуации Буши оказался и с Уэйдом Билагом из Колорадо, в первом периоде игры 6 января, 2000. Буши несколько раз достал соперника, но его нос вновь был сломан. В раздевалке я ему сказал: "Буши, не беспокойся, я позабочусь о Биле". Но Буши лишь хмыльнулся: "Пошёл нахер, Проби. Он мой".

Но когда мы оказались с Билагом на площадке, я вызвал его на бой.

21 февраля в игре между Бостоном и Ванкувером было много разборок между Дональдом Браширом и Марти МакСорли. Они подрались в первые две минуты игры, потом Брашир упал на их вратаря, Байрона Дафо. Как рассказал Марти, Брашир маячил перед воротами и Дафо слегка коснулся его. Брашир вставал с Дафо с широкой улыбкой на лице и высунутым в издёвке языком. Марти попытался вызвать его на бой, но Брашир отказался: "Мне нет нужды драться". Спустя некоторое время Брашир проехал мимо скамейки Бостона, поигрывая мускулами и

выпендриваясь. Пэт Бёрнс, тренер Бостона, не на шутку разозлился. МакСорли пока не стал принимать никаких мер, потому что Бостону надо было отыгрываться.

За 40 секунд до конца (Ванкувер вёл 5:2), Марк Кроуфорд выпустил Брашира на лёд. Бостон, в свою очередь, моментально убрал с площадки ближайшего защитника, и на лёд выскочил МакСорли. Он чуть-чуть опоздал встретиться с Браширом лицом-к-лицу, так что закричал: "Вернись обратно и дерись!" Брашир был неподалёку от своей скамейки запасных, через бортик которой уже свисали игроки в ожидании финальной сирены. МакСорли врезал ему клюшкой и, по его словам, неумышленно, попал ему в голову.

Я понимаю, что думал Марти: "Почему я должен догонять тафгая под самый конец игры? Он выделывался перед нашей лавкой, травмировал вратаря до конца сезона и Брашир знает, почему я вышел на лёд, но он попросту сбежал". Очень часто можно видеть, как один тафгай шлепает другого клюшкой, потому что просто наброситься сзади – это грязная игра. Марти не мог драться после финальной сирены – что означало автоматическую десятиминутную дисквалификацию. Марти – честный боец. Он бился всегда до конца, за ним числилось очень мало ударов исподтишка. Но на этот раз он слегка перегнул палку. Очень плохо, но что сделано, то сделано. Я бывал в похожих ситуациях, пытаюсь привлечь внимание оппонента. Брашир рухнул на лёд, шлем слетел, и он потерял сознание. А дальше всё разрослось как снежный ком.

Марти предъявили обвинение в нападении с применением оружия, что, по моему мнению, полная чушь. Что происходит на льду, там и должно оставаться. В суде Британской Колумбии он был признан виновным и приговорен к условному сроку.

Лига дисквалифицировала его на 23 игры, что тоже, по мне, чересчур жестко. Пятнадцать игр, не больше. Затем Бэттман продлил дисквалификацию на год. В прессе он заявил: "Трудно представить более безответственный и опасный поступок на льду, чем случился в этом эпизоде". У Бэттмана были ещё и личные счёты с Марти. В 1994 году Марти был в переговорном комитете от Ассоциации Игроков, так что они с Гэри обменялись несколькими серьёзными факфами за столом переговоров.

А сейчас Бэттман обычно повторяет: "Мы должны жестко регулировать игру. Это всё для того, чтобы игра стала чище". Но это всё зависит от точки зрения. Реальность состоит в том, что тренерам и ГМам нужны тафгаи на льду, но, в то же самое время, им приходится быть политически корректными. Из этого и происходят все непоследовательные решения. Правила для всех разные. Крис Саймон врезал со всей дури клюшкой по голове Райана Холлвега и получил 15 игр отдыха плюс игры плэйофф. А некоторым такие же трюки сходят с рук, они не получают даже пары минут штрафа. вспомните Криса Пронгера и его локоть в голову Дина МакАммонда в 2007 году. Пронгер отделался одной игрой, потому что "он просто сыграл чересчур жестко". Да какого хрена! Будьте последовательны. Лига защищает звёзд и саму игру. Никакой речи о беспристрастности и одинаковости наказания не идёт. Если ты тафгай, ты получаешь наказание по максимуму, просто за факт того, что ты тафгай.

Я дрался с Джорджем Лараком дважды, когда он играл за Ойлерс. Первый раз 14 ноября 1999 года, второй – 21 декабря 2001. Ему не удалось ударить меня, слава Богу. Мы обменялись парой тычков, но ничего по-настоящему так и не прилетело. Мы сошлись в клинче, мой свитер слетел и судьи разняли нас. Как можно видеть, я боец второй половины. То есть, чем дольше длится драка, тем лучше. Я уважаю Ларака, но нашу драку при всём желании, к классике отнести нельзя.

Во второй раз мы держались на дистанции секунд тридцать пять, прежде чем я ухватил его за свитер левой рукой и дальше всё пошло по сценарию первого поединка. Мы сблизались, обменялись парой зуботычин без особой силы в ударах. Ларак очень сильный боец.

Одним из самых запоминающихся событий 1998-99 года для меня стало 13 февраля, последняя игра в Мейпл Лифс Гарден. Мы выигрывали 5:2 в третьем периоде. Я получил шайбу, Даниил Марков попробовал сыграть не в тело, а в шайбу и я забил Кёртису Джозефу на 11:05 минуте. Лифс очень хотели забросить ещё шайбу, но у них так и не получилось. Джослин Тибо

стоял в наших воротах, отбив тринадцать бросков в том периоде. Минуты за 4 до конца я уже начал радоваться, потому что всё шло к тому, что я мог стать последним игроком, который забросил шайбу в Мейпл Лифс Гарден. Но, когда оставалось 3:06, грёбанные судьи выдумали удаление Тодду Уайту за высоко поднятую клюшку. Я подумал: "Черт побери, они не хотят, чтобы я стал тем, кто забросил последнюю".

У Рида Симпсона тогда сложилась выдающаяся игра. Два гола плюс передача и его назвали первой звездой матча. Он заспорил насчёт справедливости удаления, и Доми ввязался с ним в спор. Оба получили удаление за неспортивное поведение. За всю игру в том меньшинстве по нашим воротам бросили пару раз. Тибо первый отбил, а второй, посланный верхом Джейсоном Смитом, поймал в ловушку. Последним стал бросок Майка Джонсона, за пятьдесят секунд до конца. Его Тибо парировал щитками. И вот всё, игра завершилась, и я стал последним хоккеистом, забившим в Мейпл Лиф Гарден. Это многое значило для меня. В десятке лучших событий моей карьеры, без сомнения.

В том сезоне у меня не слишком сложилось с голами. До этой игры на моём счету было всего 2 шайбы и восемь передач, так что я был на седьмом небе от радости.

Мне нравилось коллекционировать всякую всячину - мотоциклы, машины, картины, часы (одни из самых клёвых - Бланкпен, мне подарила Дэни), монеты, всякие значки полицейских и пожарных, военные прибабасы, открытки, номерные знаки с моим номером, редкий ящик с инструментами для Харлея-Дэвидсона, открывашки, зажигалки "Vic", в общем, всё подряд. Дэни, бывает, говорит, что нам нужен дом больше размеров - не для нас, а для всей той фигни, что я собираю. Я хотел сохранить некоторые хоккейные сувениры для моих детей. Так что я вставил последнюю шайбу из Мейпл Лиф Гарденс в рамочку и повесил на стену.

Стив Чиассон был моим приятелем. Когда он погиб в автокатастрофе 3-го мая 1999 года, это стало шоком для меня. За свою карьеру играешь со столь многими игроками, что очень трудно поддерживать отношения после обмена. Я слышал о том, что случилось. Чейс играл за Харрикейнс. После проигрыша в серии плейофф Бостону, они собрались у одного из однолюбников пропустить по пиву. Его приятели говорили ему: "Давай мы вызовем тебе такси".

Он ответил: "Хорошо, вызывайте". Потом он вышел в гараж, выкурить сигарету в ожидании такси. Кто-то ещё приехал на вечеринку. Стив вскочил в свой пикап и уехал прежде, чем подъехало такси. Он погиб, вылетев с дороги и врезавшись в столб. Очень обидно. До дома было всего ничего, и он решил, что сможет добраться.

И знаете что странно? Его жена проснулась как раз в тот момент, когда он попал в аварию. Когда она услышала сирены, она поняла что случилось.

И меня просто убил комментарий Джимми Ди в прессе после похорон Стива. В интервью он сказал, что организация всегда знала, что у них когда-нибудь возникнут проблемы со Стивом. Уингс помогали ему бороться с алкоголизмом и очень плохо, что алкоголь стоил ему жизни. В общем, что-то в этом роде задвинул. По мне, за каким хреном копать в грязном белье. Он мёртв, что ещё надо? К тому же его называли алкоголиком, и что он умер из-за чрезмерного пристрастия к выпивке. Но это неправда. Несколько кружек пива с ребятами и точка. Надеюсь, на моих похоронах, те, кто помогал мне, не станут выкладывать всё подряд о моих проблемах. Лучше заткнитесь, да. Вот почему я и пишу эту книгу – рассказать обо всём до того, как кто-то начнёт нести чушь обо мне.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

В начале сезона 1999-2000 Боб Мюррей беспокоился о сохранности своей работы. Он хотел поменять мой контракт. Он набрал группу реально хороших игроков, вокруг которых можно было строить команду. В марте меня, Дэйва Мэнсона и Дуга Змолека он выставил на драфт отказов. У меня по контракту оставались ещё два года за 3,5 млн. долларов. В августе Мюррей прислал мне письмо, котором он описал три возможных варианта. Первый – я соглашаюсь на урезанную до миллиона зарплату на год, с опцией продления ещё на год за миллион или же выкуп второго года за 200000 долларов. Второе - Я мог подписать новое трёхлетнее соглашение по 400000 долларов за год. И третье - поскольку у меня односторонний контракт, я получал бы прежнюю оплату, но меня отправили бы в низшую лигу. А потом этот недоумок сказал прессе, что я игрок не выше четвертой тройки. Он блефовал.

Я созвонился с Мэнсоном и Змолеком и они были единодушны: "Скажи ему, куда он может отправляться с такими предложениями. У тебя односторонний контракт". Я считал точно также. Позвонив Мюррею, я сказал ему, пусть отправляет меня в низшую лигу. "Мне всё равно, если придётся весь год кататься на автобусе в ECHL. В конце года я куплю этот автобус".

Мюррея отправили в отставку к Рождеству, вместе с Лорном Моллекеном. Пулли вернулся на тренерский мостик 2-го декабря. К тому времени у нас счету было 5 побед, 15 поражений и 4 ничьи. Меня передвинули в первую тройку к Дагу Гилмору и Тони Амонте. К январю мы набрали неплохой ход, 8 побед, 4 поражения, 2 ничьи. Как говорится, всё что ни делается, всё к лучшему.

Дэни снова была беременна. На этот раз близнецами. УЗИ показало, что, как минимум, один – мальчик. Уже имея двух детей и двумя в ближайшей перспективе, нам требовался больший дом. Мы прикинули, что после завершения моего контракта, возможно, мне придётся завершить карьеру. Мы подумывали остаться в Чикаго или вернуться в Детройт, но без рабочей визы у меня могли бы возникнуть проблемы с пересечением границы. И дом, который мы могли бы купить в Уинзоре, был намного дешевле того, что нам могли предложить в Вест Блумфилде, Мичиган.

Мы поехали посмотреть предложенные варианты и нашли именно то, что хотели. Старый дом на тихой улице, выходящий на озеро Сент-Клер. Я мог видеть из него Штаты. Мы пытались сохранить старый дом, но не вышло. В итоге, мы сровняли его с землёй и заложили новое строительство в августе 2000 года. Постройка нашего Дома-на-Века заняла три года.

Близнецы родились на две недели раньше срока, 2-го мая 2000 года. Дэни давала имена всем нашим дочерям. Ей нравились редкие имена. Она назвала нашу третью дочь Деслин. Сына я назвал Джек, в честь Папы Джека, моего деда. Как и все наши дети, они родились крепкими и здоровыми. Джек весил 3,5 кило, Деслин 3,3 кило. Я взял их по одному в каждую руку и заплакал как дитя.

Моя роль в команде менялась с годами. В 2000-01 я играл в четвертой тройке, но не забивал себе по этому поводу голову. Игра по-прежнему доставляла мне наслаждение. В раздевалке всегда было весело. Мне нравилось изображать крик утки, который, по мне, звучал как будто крик дельфина. Вытягиваете губы трубочкой, прикладываете кулак и дуετε. Парни прозвали его криком дохлой индюшки. Он их бесил, но позволял слегка оживить атмосферу в раздевалке. Мне всегда больше нравились парни, которые умели веселиться, а не те, которые всё время ноют и жалуются. У тебя могут быть проблемы, но никто не любит смотреть на парня, сидящего рядом и скулящего из-за какой-то фигни.

Я знал, что я должен исполнять две роли – любящего своих жену и детей, мужа и тафгая на льду. Мне не требовался тренер, который трахал бы мне мозги своими умными речами, как бывало в прошлом: "Эй, хрен ли ты лыбишься? Тут не над чем смеяться. Нам нужно выигрывать". Я мог веселиться на тренировке, болтать и шутить со всеми, но наступало время игры, и я отлично знал, что я должен делать.

В апреле 2001 я как-то встал абсолютно разбитым. Я вряд ли мог подхватить грипп или простуду, однако, я кашлял и меня сильно знобило. Запрыгнув в горячую ванну, я едва смог вылезти из неё. Следующим вечером я вышел на лёд, но, парой дней позже, я чувствовал себя ещё хуже. Доктор определил у меня синусит, воспаление носовых пазух, после чего я неделю провалялся на больничном.

Мы не попали в плейофф четвертый год подряд, так что 3 мая нашим тренером был назначен Брайан Саттер. Он сразу объявил о том, что физическая подготовка – это главное. Я же надеялся, что я буду получать больше игрового времени, потому что Саттеру нравилась силовая борьба. Но проблемой была моя болезнь, от которой я так и не смог излечиться. В книжном я прикупил справочник по медицине и начал искать свои симптомы. Только одна зараза подходила под описание – ВИЧ. "Вот бядь!" – Думал я. – "Мне 36 лет и я умираю от СПИДа".

В следующие три месяца я минимум трижды сдавал кровь на анализ вместе с Дэни. О ней я беспокоился больше всего. О своей смерти я особо не беспокоился, но абсолютно не желал ей такого конца. Все наши тесты дали отрицательный результат, но я был уверен, что у меня ВИЧ. Мало ли тесты врут. Я терял вес с невероятной быстротой, а каждый вросший волосок выглядел для меня как ВИЧ-лишай. У Дэни выскочил герпес на губе, и я запаниковал.

Она пришла домой с результатами своего четвертого или пятого теста: "Смотри! У меня всё в порядке".

"Они не сказали тебе всего".

"Ты прав, это заговор".

А потом, как в том кино с Шер, "Власть Луны", она врезала мне по лицу: "Выкинь эту паранойю из головы". Дэни отправила меня в "Майо Клиник", а потом еще в одну больницу, 1-го августа 2001, на дополнительное тестирование. Я выложил 2464 доллара за томографию мозга, 119 – за анализ на болезнь Лайма, 1870 – томография спинного мозга, одиночную палату – 9800, мочу и кровь на антитела, проверку щитовидной железы, в общем, всё, что взбрело в голову. Сумма счёта составила 19337 долларов. Домой я отправился с рецептом на "Клонопин" для лечения излишнего беспокойства, "Селекса" для депрессии и болеутоляющее "Перкосет". СПИДа у меня не обнаружили. Оказалось, что у меня вирус Эпштейна-Барра, моноклеоз.

На старте 2001-02 Саттер выставлял меня в состав в первых 28 играх. Я считал, что всё складывается замечательно. Затем я пропустил несколько игр, пока наигрывали Джима Кемпбелла. Я называл его тоже Соупи, хотя никакого родства и в помине не было. Я не забывал много, я лишь обозначал своё присутствие на площадке, давил на психику соперников. Несмотря на то, что я сыграл всего в одной игре из последних одиннадцати, я закончи сезон со 176 минутами штрафа в 61 игре

Много писали о том, что я больше не вернусь в Чикаго и меня это выводило из себя. Я хотел сыграть ещё один сезон. Мне всего 65 игр не хватило до заветной тысячи.

Вне льда дела у меня сделались просто замечательно. Шесть лет я не заказывал ничего крепче "О'Дула". Как-то мы пообедали с приятелем, за месяц до окончания моего контракта. Я сказал ему: "Они хотят изменить мой контракт". После этого я заказал кофе и Бейлис.

Приятель не заморачивался: "Да, херово. Но я не собираюсь работать у тебя сиделкой".

Через пару недель Бейлис превратился в тройную дозу водки и воды, которые я выпивал в мгновение ока. Я все делал продуманно. Забирающие мою мочу на анализ обычно звонили мне за несколько часов до приезда. Только что отлитая моча в течение четырёх минут имеет определённую температуру – 36 градусов по Цельсию. У меня всегда был запас чистой мочи. Когда заборщик стучался в мою дверь, я не открывал сразу. Я ставил чистую мочу ровно на

12,5 секунд в микроволновку. Разогрев её, я проверял температуру и переливал её в колбочку с ограничителем. После этого я прятал её к себе в трусы за членом и шёл открывать.

Обязанностью заборщика было также наблюдать за тем, как я мочусь. Он следовал за мной в туалет, но я не пускал его дальше порога: "Стой! Смотри оттуда, этого достаточно. Я собираюсь вытащить свой хер прямо сейчас". Я отворачивался от него и начинал "ссать". Прежде чем я заполнял пробирку заборщика, я сливал немного в унитаз для пушей реалистичности процесса. Наполненную пробирку я отдавал и заканчивал процесс, мочась уже по-настоящему. Заборщик проверял полоску на пробирке, которая сигнализировала о температуре содержимого: "Всё в порядке". Вот так я обманывал науку.

Я не рассказывал об этом Дэни несколько лет, но когда поведал, она не шутку разозлилась: "Чёрт тебя дери, Боб, какой ты, блин, использовал термометр? Для мяса? Или для кофелатте?"

В одной из затяжных поездок команды на выездные игры, я решил поужинать с однолюбниками. Я с еще одним хоккеистом знали, что не будем играть на следующий день, так что, поужинав, мы заглянули в бар. Потом на такси мы поехали гулять с компанией людей, с которыми только что познакомились. Один из них был полицейский. Вот он умел оттянуться по полной. Он тормознул где-то в городе и вернулся в машину уже с кучей кокаина.

Мы вернулись в отель к 7 утра, только-только подготовиться к выезду автобуса в 7:30 на тренировку. Денис Савар вёл её. Мой приятель был не привыкши к таким бурным вечеринам, как я. Он вышел на лёд, попытался развернуться, заплёлся в ногах и рухнул ниц, разбив себе нос и губу. Савар недоуменно спросил: "Что с тобой такое?" Я, в целях конспирации, тоже сказал ему: "Едрить тебя налево, приятель, держи себя в руках",

На обратной дороге в отель, мой приятель сидел тише воды ниже травы. Потом он повернулся ко мне и сказал: "Проби, как ты можешь тусоваться всю ночь, а потом тренироваться и играть на следующий день. Ты – монстр. Просто монстр".

ДОРОГАЯ БОЛЕЗНЬ

2 мая 2002 года я укатил в Вегас на выходные и не вернулся к рождению близнецов. Тогда Дэни и осознала, что я снова сорвался. Это был конец сезона, многие отправляются в Вегас. Я решил, что это неплохая идея, позвонил Дэни и получил разрешение.

Мы заселились в "Белладжио". Он выделили нам громадный съют с тремя спальнями. Первым делом мы отправились на блэкджек. Играя в блэкджек, обычно удаётся вовремя прийти в себя и не просадить всё что можно. Так что я обычно вставал из-за стола, когда начинал проигрывать и возвращался чуть позже, увеличивая ставки до тех пор, пока я не начинал выигрывать. Я обычно удваивал ставки, после того, как выигрывал в паре раздач подряд.

Блэкджек – быстрая игра. И я быстро научился в неё играть. Мне нравилось считать выбывшие из игры карты, и я ненавидел играть за одним столом с тупицами. В блэкджеке нужно следовать основным правилам, поскольку в нём есть некоторые приёмы, которые стоит использовать, чтобы повысить свои шансы.

Мне совершенно не нравилось, когда к нам подсаживался кто-то, когда в "ботинке" оставалась половина заряженных карт. "Ботинок" – это пластиковый короб с открытым верхом, в который укладывается до восьми колод карт. Его используют для сдачи карт. Когда дилер заряжает "ботинок" только что перемешанными колодами, он "открывает ботинок". Но когда какой-то тупица подсаживается уже после нескольких раздач, это невежливо, особенно, если тебе карта прёт. Если я проигрывал, когда все играли по уму, я не возражал, но когда кто-то ещё подсирает тебе, это меня раздражало.

Как-то, когда я ещё не сорвался, мы с командой остановились в "MGM Grand" и заняли весь стол. Челиос играл со мной. Помню, мне тогда карта шла просто на загляденье, они слушались меня. Когда мне нужны были маленькие карты, я говорил: "Давай маленькую", когда картинки, говорил: "Давай картинку" или "Обезьяну". Это было замечательно. Я выиграл тогда около 50 штук, когда за стол уселся Реджи Джексон (знаменитый бейсболист) и начал тупить. Он остановился на картинке и пятерке бубей, когда крупье себе сдал десятку.

Я сказал: "Что ты делаешь? Ты бы побил это".

Реджи отвечал: "Ты что, не знаешь, кто я такой?"

"Знаю, но мне плевать. Мы тут отлично играли без тебя, так что давай проваливай"

Реджи почёл за благоразумие промолчать и просто уйти.

Но в ту ночь, в 2002 году я нормально сыграл на всех столах, в итоге оставшись при своих. Я не безумствовал как раньше, задирая ставки донельзя. Во мне оставалась ещё немного благоразумия, ведь завершение карьеры было не за горами. К тому же я выпивал аккуратно, ведь за мной поглядывали. Всё время, проведённое в Чикаго, я оставался трезвым и только один из моих одноклубников знал, что я вроде бы развязал. Но официантка подходила раз десять, и я выдул примерно двенадцать порций безалкогольного пива, прежде чем вмазать вискаря.

Некоторые из холостых игроков решили забуриться в стриптиз-бар, и я отправился с ними. Я всё расхаживал по бару, выпил виски у стойки, затем Кока-Колы у нашего стола. Потихоньку я набрался и начал высматривать в баре кто мог бы продать немного белого дерьма.

Потом появилась симпатичная танцовщица, которая всё вилась вокруг меня. Я спросил, нет ли у неё немного подарков для гостей вечеринки. Она оказалась стриптизёршей этого бара, так что она смогла помочь мне. Она раздобыла мне пару доз, и мы отправились в номер. Кокаин делает тебя более похотливым, чем козла с тремя херами.

Я вернулся домой на следующий день после рождения близнецов. Чувствовал я себя очень дерьмово. Отвешивал какие-то шуточки, бродил, понурился голову. К нормальной жизни я смог вернуться только когда отоспался пару дней.

Знаю, я поступил отвратительно, но что сделано, то сделано. Я не мог вернуть тот день обратно, так что, давай всё начнём сначала.

Я вернулся тем летом в Калифорнию и тренировался как проклятый. Мне повезло ещё закончить сезон без травм. Я брал большой вес и поднимал его. После приёма уймы протеина, мои мускулы стали большими и сильными. Я набрал вес из-за этого, но то был не жир, а именно мышцы.

В тренинг-кемп я приехал с весом в 109 килограмм. Брайан Саттер, который мне был до лампочки, был очень недоволен. Я отлично проявил себя в выставочных играх, но Саттер не ставил меня на игры. Объяснение было простым. По некоторым причинам, я бы и не сыграл много игр за Чикаго Блэкхокс. Явно, Саттер выступал против, когда, спасибо Пулли, 28 июня я подписал контракт на 600000 в год плюс 50000, если бы я отыграл 50 игр. Он умолял Тео Флери, чтобы тот подписался за 4 миллиона в год.

Когда появился Флери, я думал: "Что за мудак. Неужели за 4 миллиона в год он не может подобрать всё своё дерьмо?" Я не позволял себе пить за то, что как я считал, было большими деньгами, полтора миллиона в год на четыре года. К тому же я пропустил весь первый год, за который мне не заплатили, так что я потерял полтора лимона. Зато на анализ брали мочу регулярно. Пить я тоже не пил, считая, что мне заплатят. Я всегда успокаивал себя мыслью, что когда всё это закончится, я смогу делать всё, что захочу.

Я подумывал взбодрить Флери: "Давай, Тео, проснись, чувак. Заработай свою уйму бабок". Я не знал до тех пор, пока он не выпустил свою книгу, что он жертва того же тренера, что и Шелдон. Я очень ему сочувствовал.

Несмотря на то, что я помаленьку выпивал, я держал себя в форме и пытался помогать товарищам в раздевалке. Я убеждал себя, что, если меня выпустят играть, я продемонстрирую Саттеру всё, что я могу. Но я не сыграл ни одной игры. Ни одной. Я начал озлобляться: "Чёртов Саттер. Этот грёбаный членосос. Дай мне сыграть, я покажу всё". Прошёл ноябрь, а я по-прежнему так и не играл, не понимая почему. Потом, внезапно, мы обменяли к нам Криса Саймона из Вашингтон Кэпиталс. Мне нравился Крис – мы были с ним приятелями. Мы вместе тренировались летом. Но его обмен дал мне ясно понять, я моё время ушло. Если бы нас тренировал Пулли, думаю, я бы играл. Тысяча игр в НХЛ было бы великолепным достижением. Но обвинять только Саттера за то, что я не смог достичь этого рубежа, неправильно. Без дисквалификаций и реабилитаций из-за моих пьянок и наркоты, я бы легко набрал 1000 игр.

13 ноября 2002 года стал днём моей демобилизации. Ястребы больше не нуждались в моих услугах. В полностью расстроенных чувствах я позвонил Дэни. Она посочувствовала мне, но тогда же умерла её бабушка, так что она попросила меня приехать и помочь отвезти детей на похороны. Хуже времени придумать было трудно. Я прошёл обязательный тест мочи, так что я был свободен. Я решил немного выпить перед поездкой домой. Всё закончилось тем, что я так и не добрался до дома. Дэни собрала всех детей и отвезла их в Торонто сама. Она сказала мне, что выплакала всё глаза на похоронах бабушки, но половина этих слёз были из-за меня.

Блэкхокс определили меня в их радиовещательную команду, но я не хотел работать на радио. Особенно, когда я смотрел на лёд и знал, что я мог бы быть там. Это было самым тяжёлым. Спросите любого атлета, он вам скажет, что самым трудным днём был день завершения его карьеры. Это очень угнетает. Вся моя жизнь была построена вокруг хоккея. С шестнадцати лет я знал, чем я буду заниматься и что я буду тафгаем. Я думал: "Зачем быть трезвым. Мне пообещали заплатить оставшиеся по контракту деньги, но я должен сидеть в этом грёбаном радиосортире, через коридор от раздевалки и наблюдать как парни занимаются своим делом". Эта мысль причиняла боль. Я не знал, как с этим справиться. Вся моя жизнь, стремления и мечты крутились вокруг хоккея. Это разрывало меня изнутри. Я потерял свою сущность. Я потерял всё.

Что я собирался делать остаток своей жизни? Я достиг большинства своих целей. Что ещё осталось? И где-то в глубине разума я чувствовал, что доктора не рассказали мне всего. Я

чувствовал, что что-то было совершенно неправильно. Я никогда не думал, что я проживу долго. Мне было тридцать семь и я рассчитывал ещё, может, года на три жизни.

"Перкосет" мне не помогал, так что я получил рецепт на "Викодин". Месяц спустя, всё стало ещё хуже. Я вернулся к пьянкам-вечеринкам, уже не скрывая этого. Как любят говорить в "Анонимных алкоголиках" движение вперёд продолжается, пока ты не сорвёшься. Потом у меня снова начались проблемы с законом. Я влипал в неприятности только тогда, когда бухал или принимал наркотики.

Рождество я провёл в полном отрубе на диване. Затем вмешалась лига. Дэн Кронин, координатор их программы по борьбе с наркозависимостью, вместе с д-ром Брайаном Шоу из Ассоциации Игроков и д-р Льюис, звонили мне каждый день. Они постоянно спрашивали, в чём проблемы. Потом они завели разговор об очередной реабилитационной клинике.

Но кто желает отправиться на реабилитацию? Я каждый раз чувствовал, что меня вынуждают. Я сам абсолютно не имел никакого желания запирать себя в клинике. Мне нравились весёлые тусовки, но я знал, что в этом скрываются проблемы для Дэни и детей. Дэни очень злилась на меня. Она бесилась оттого, что я снова сорвался, и очень беспокоилась, куда всё это могло привести. Ей было что терять. Четверо детей, ещё два года строить дом на озере Сент-Клер. Она не говорила мне отправляться в клинику, но я знал, что я должен.

Следующие семь лет прошли как на американских горках, вверх-вниз. Очень часто я подводил свою семью. Когда я вспоминаю об этом, я понимаю, что гордиться абсолютно нечем. Честно говоря, я даже не могу поверить, что я мог такое вытворять. Я причинил боль стольким людям в прошлом, что сейчас я стараюсь никому не делать больно, особенно Дэни и детям. Но, чёрт побери. Вы, вполне может быть, уже слышали это от меня.

Я отправился в клинику в феврале 2003 года. На этот раз я попал в фонд Карон, в Пенсильвании. Через эту клинику прошло много знаменитостей. Лечение там стоило что-то около 25 тысяч в месяц. Я видел много известных лиц там. Одна двинутая тёлка всё время ходила там в шляпе и солнечных очках. Она не хотела, чтобы мы её узнавали, но таким образом просто привлекала больше внимания к себе.

Дэни навестила меня во время весенних каникул в школе. Один терапевт посоветовал ей приехать вместе с детьми, и она так и сделала. Примерно пять часов езды на машине. Они пробыли у меня пару дней. Это было чудесно, мы смогли побыть всё вместе.

В Кароне нас заставляли писать письмо алкоголизму.

Кто такой алкоголик? Знаете, все терапевты и чуваки из "Анонимных алкоголиков" говорят: "Однажды алкоголик – навсегда алкоголик". Порой я чувствовал себя, будто я никогда не был алкоголиком. Это слегка диковато. Почти как будто я перерос зависимость. Сейчас, одно-два пива и всё. Я больше не хочу. Я выпил пару бутылок вчера и, кажется, пил последний раз перед этим месяца два назад. Думаю, с возрастом становишься мудрее. В Кароне же особо упирали на то, что алкоголизм – это болезнь. Болезнь? Не уверен. Ещё скажите, что курение – это болезнь.

В любом случае, меня заставили написать письмо о своих чувствах.

"Дорогая Болезнь,

Ты отняла мою свободу, не дав выбрать здоровье. Ты забрала моё бесценное время для Дэни и моих четырёх детей. Ты лишила меня самоуважения и достоинства. Ты превратила меня в нечто, которым я не являюсь. Ты причинила мне проблемы в финансовом плане. Ты контролируешь мои мысли и чувства. Ты унесла меня прочь от того, что я любил делать. Ты отобрала у меня возможность сдерживать свои обещания. Временами ты отнимаешь меня у людей, которые любят меня по-настоящему. Ты лишила меня возможности присутствовать при рождении моих близнецов. Ты отняла у меня Рождество 2002 года. Ты многое отняла у меня, но настало время (ОСТАНОВИТЬСЯ) меняться.

Искренне Ваш,

Большой Боб"

Я прошёл курс лечения и мы вернулись в Канаду. У меня был крутой байк "Сузуки Хаябуса", на котором я и доехал из Чикаго в Уинзор. Дэни с детьми ехали на большом "Денали" позади. Этот нулёвый мотоцикл выдавал под 320 километров в час. Я проехал сквозь Чикаго до Джексона, что в штате Мичиган, словно я играл в компьютерную игру. Выжимал 240-270 километров в час, и особо не маньячил. Всё было под контролем. Порой я притормаживал, поджидая Дэни, после чего вновь уносился вдаль. Когда мы были неподалёку от Уэст Блумфилда, я повернул голову, посмотреть, где они, и с меня слетели солнечные очки.

Это был настоящий угар. Я был трезв как стёклышко. На таком звере, как этот мотоцикл, ты должен иметь полный контроль над всеми его возможностями. Со времен инцидента на "Корове Му-му", когда я был пьяным, я больше не водил "под мухой".

К сентябрю 2003 года была достроена только часть дома в Уинзоре. У нас была комната над гаражом на шесть машин и Дэни с детьми обитали там. А я приходил и уходил. Дэни же жила в режиме выживания, пытаясь заботиться о детях, одновременно ведя финансовые дела, чтобы мы могли дальше платить за дом. Он беспокоилась, как бы я не спустил всё.

Нас приезжала навестить мама Дэни Лесли. Она была легкой на подъём. Каждое утро она встречала в очках в кресле с Библией и чашкой чая. Она была очень набожной. Пока мы не затрагивали в разговорах эту тему, мы отлично общались. Лесли обратилась к христианской вере довольно поздно, и это полностью изменило всю её жизнь. Дэни же была ближе к тётке отца и своей бабушке. Она росла католиком, как и они. Дэни посещала Уинзорскую церковь Дружбы Христиан, весьма фанатичную. Но детей мы не растили чересчур религиозными. Мы с Дэни не любили, когда на нас давят, поэтому мы не хотели давить и на детей. Когда подросли, они бы всё решили сами.

Однажды утром, когда я только зашёл, я увидел Лесли. Я залёг на диван и заснул. Через несколько минут она начала трясти меня за плечо: "Боб, Боб, я должна поговорить с тобой".

Я открыл глаза: "Да?"

"Ты ходячий мертвец. Ты знаешь об этом, да?"

Я подумал: "Ну вот, опять начинается".

Она продолжала: "Я собираюсь поставить тебя сегодня перед выбором. Или ты продолжишь служить дьяволу или же ты оборотишься к Господу нашему и будешь жить".

Я отмахнулся: "Да, да", встал и пошёл на кухню за соком. Я чувствовал себя куском дерьма. Дэни дома не была, она уехала с детьми в школу.

Лесли преследовала меня: "Ну, ты сделал свой выбор, Боб?"

"Я собираюсь в гараж, покурить. Когда я поднимусь обратно, я дам тебе знать, хорошо?"

Вернулась Дэни. Несмотря на прошедшее время, она оставалась по-прежнему очень сексуальной. Я подошёл к ней и обнял. Она отстранила меня: "Да, Большой Мальчик, сходи-ка прими душ",

Я начал заводиться и нервничать. Я не мог присесть. Она собирается уйти от меня? Пара приятелей, ошивавшихся рядом, пытались утешать её, и я ненавидел это. Пару раз на вечеринках я злился, когда кто-то проводил чересчур много времени с ней. Я сказал ей об этом, но она разозлилась: "Ты совсем спятил? У меня нет времени побрить ноги для тебя, а ты говоришь о других парнях".

Я вышел, кусая ногти, выкурить ещё одну сигаретку. Снова подошла Лесли: "Ну что, Боб, ты принял решение?"

Что-то внутри меня сломалось. Я не хотел терять Дэни и детей. У детей в кухне был деревянный набор из маленького стола и стульев. Я сел на один стул, уронил голову на руку и начал рыдать: "Да, я принял решение".

"Могу ли я помолиться здесь с тобой и Дэниэллой, твоей женой?!"

И она спросила меня, хочу ли я принять Иисуса Христа, как моего Господа и Спасителя. Я ответил: "Да".

Мы переехали в основную часть дома 23 декабря. Дэни собиралась устроить большой Рождественский ужин, так что она взяла напрокат столы и стулья. Когда Дэни, Лесли и Дэн уехали в канун Рождества в магазин, я подготовил большой сюрприз. Когда они вернулись, перед входными ступеньками стояла деревянная рампа, а в окне что-то сияло. Я купил "Харлей-Дэвидсон" 1990 года, модель "Толстяк" – первый выпуск, серо-стального цвета с жёлтыми полосами на клапанной крышке. Пробег его был всего 200 километров. Я целый год искал такой мотоцикл.

"Толстяк" был назван в честь одной из атомных бомб, сброшенных на Японию, "Толстяк" и "Малыш". Это было круто.

Лесли не могла вымолвить ни слова. Дэни вошла и сказала: "Я не собираюсь стирать с него пыль, просто потому что он стоит внутри дома. Этого нет в описании работы".

ТАК ТЫ НЕ ГОВОРИ ДЖИМУ

Я любил заниматься сексом. Дэни называла меня озабоченным ублюдком. Она знала, если я изменял ей. Это всегда выходило наружу или же я сам чувствовал, что должен быть честным. Я не бежал ей рассказывать в ту же минуту, как изменил, напился или ещё что, но, в конечном итоге, это всегда открывалось. Вот почему я думаю, что все эти истории Тайгера Вудса и Сандры Баллок – чушь собачья. Дэни говорит, люди знают на ком, они женятся, и она точно знала, за кого она выходит замуж.

Уинзор город маленький и всё тайное скоро становится явным. Я звонил ей домой, прощупать почву. По телефону проблем никогда не было. Она говорила: "Привет, Малыш, ты собираешься домой? Хорошо, жду не дождусь". Потом я входил в дверь и *бац!* "Что это за херня? Посмотри на телефонные счета! Кому ты столько натрезвонивал, чёрт тебя побери?"

После моего ухода из хоккея, это стало практически игрой. Я никогда не ходил по тёлкам трезвым, обычно набравшись под завязку или под кокаином. Однажды в январе, я только намылился слинять, как Дэни говорит: "Хватит! Я иду с тобой".

"Я собираюсь в "Сильвер". – Местный стриптиз-бар.

"Отлично".

Я напился и начал подкатывать к барменше. Помнится, я ей пожал руку таким хитрым способом, когда средним пальцем проводишь по тыльной стороне руки. Прелестно, не так ли?

Десять лет назад Дэни бы взъярилась, но сейчас она просто рассмеялась. Она выстрелила в меня указательным пальцем, и цокнула языком: "Ты всё кое-что помнишь, Малыш! Ты – горячая штучка!" Я был слишком пьян, чтобы злиться.

На пути домой она сначала молчала. Потом спросила: "Что ты хочешь, Боб? Хочешь, чтоб я вошла с тобой в этот мир, чтоб увидеть, чем он так тебе нравится? Что мне нужно сделать? Я недостаточно хороша?"

Я занервничал: "Что ты имеешь в виду?"

"Это то, что делает тебя счастливым, Боб? Какое-то подобие семьи втроём?"

Это мигом прочистило мне мозги. Дэни и я были родственными душами. Она прошла со мной через самое худшее. Она стояла до конца и поддерживала меня. Она была моей путеводной нитью к нормальности. Я ничего не ответил, но несколько последующих дней я думал об этом. Неужели я довёл её до того, что она считает, что все мои загулы из-за неё.

Я позвонил Дэну Кронину и сказал, что хочу лечиться опять. Теперешний курс проходил во Флориде, Институте Возрождения, Палм Бич. Я старался изо всех сил, чтобы добиться результата. Это было моей самой любимой попыткой исцелиться. Я думаю, у меня начало получаться – до тех пор, пока я не попал в "дом-на-полпути".

Дэни с детьми были в Уинзоре, когда я начал постреабилитационную программу в Дельрей Бич, Флорида. Мы переехали на квартиру ещё с несколькими реабилитантами. Частью плана было устроиться на ежедневную работу. Я подал заявление в пляжный клуб, работать кабанабоем, то есть, разукрашивать пляжные домики – кабана и подавать гостям напитки. Мы думали, что поиск работы станет унижительным делом, но это оказалось весёлым делом. Люди там просто отличные и дружелюбные. Они же отдыхают, не так ли? Но бар это не лучшее место работы, когда ты лечишься от алкоголизма.

4 июня 2004 года я снова влез в неприятности. Моя смена была закончена и я беседовал в баре с одной богатой парочкой. Он был агент по недвижимости, она была в разводе и при деньгах. Они пригласили меня за стол и предложили выпить. Я отказался, но они настаивали и, в конце концов, я согласился. Суть-да-дело, речь зашла о кокаине. Я сказал, что я знаю одно такое местечко. И вместо того, чтобы возвратиться в "дом-на-полпути", я повёл её "Лексус", по-

тому что она была слишком пьяна. Я заехал в один район, который пользовался весьма дурной славой. Запад океана, неподалёку от железной дороги над хайвеем Дикси. Очень нехорошее место.

Я остановился перед магазинчиком на заправке. Парочка вылезла из машины и начала болтать с тамошними неграми. У тех были только маленькие шарики крэка по десять или двенадцать баксов. Они продают их прямо на углах улиц, держа наркоту в карманах. Перепалка началась, когда кто-то из этих отпустил грубую шуточку в адрес женщины. Я выскочил из машины: "Следи за базаром!"

Думаю, они решили, что мы копы: "Что ты хочешь, белый?"

"Ты чего мне хамишь? Я просто хочу купить немного кокса. Какие проблемы?"

Но они не унимались, понемногу заводя меня. Я сказал: "Отвалите нахер, я просто хочу немного кайфа".

Тем временем, рядом с нами остановился неприметный пикап. Кто-то позади меня спросил: "Что вы делаете здесь?"

Как оказалось, эти районы находились под усиленным патрулированием полиции. Белый "Лексус" естественно привлёк их внимание, потому что это явно была машина не из этих мест.

Я не пытался ничего спрятать, просто стоял. У меня не было никаких наркотиков при себе, но я начал беспокоиться, потому что не хотел никакого вмешательства полиции.

Еще один коп спросил: "Что вы делаете в этом районе?"

"Какого хера? Я ничего не делаю".

"Ты тут барьжишь?"

"Отвалите от меня. Я понятия не имею, о чём вы тут говорите. Я только что ушёл с работы".

"Хорошо, значит, ты собираешься тут прикупить немного кокаина".

"Твою мать, я просто хочу хорошо провести время. Я не делаю здесь ничего плохого".

"Лечь на землю".

"Ни хера я не буду куда ложиться".

Он вытащил "Тазер" (электрошокер) и повторил: "Я сказал, лечь на землю. Сейчас!" После этого он выстрелил. Зарядом там служат две пули-электрода. Я не почувствовал ничего, поскольку был слегка пьян. Похоже, это сработало в качестве анестезии, и я лишь упал на одно колено. Я попытался встать, как другой коп выстрелил в меня из своего парализатора. Меня всего затрясло и тряска сопровождалась жужжащим звуком. Когда действие тока закончилось, я был несказанно рад, но он вплепал в меня ещё заряд – бац! Не было никакой нужды стрелять в меня трижды. Весь мой запал кончился уже после второго выстрела. Я лежал на земле, а меня крутило уже человек шесть полицейских. Я думал: "Зачем так прыгать на меня. Вовсе не нужно было стрелять в меня из "Тазера". Зачем они вызывают подмогу, как сумасшедшие? У меня нет с собой ни грамма наркотиков". Потом один из копов подхватил мои солнечные очки за 600 долларов, примерил и засунул себе в карман.

Мне застегнули наручники на руках за спиной, а полицейский, стыривший мои очки, давил коленом мне сзади на шею. Я как смог повернул голову и сказал: "Ты, похоже, был жирдяем, которого все чмырили в школе, поэтому ты и пошёл работать в полицию".

Меня забрали в участок и обвинили в сопротивлении аресту и нападении на полицейского – всё то же самое обычное дерьмо, не так ли? Они должны обвинить меня в нападении. Вдруг я приду в суд и заявлю: "Эти парни избили меня. Они так туго затянули наручники, что повредили мне запястья. Я не мог нормально работать своей левой рукой неделю шесть". Им нужны запасные оправдания. В 99 процентах случаев они опровергают все выдвинутые против них обвинения.

Я снова чувствовал себя паршиво, потому что единственным поводом, из-за которого я отправился на курс лечения, была моя семья. Я не хотел подводить Дэни и детей. Я беспокоился, что эта история всплывёт в прессе, и они увидят её. В новости попало ещё и то, что я хотел засорить туалет в тюрьме, но это было не так. Когда меня поджарили "Тазером" в третий раз, я

слегка испачкал трусы. Так что, когда меня заперли в камере, я попытался отстирать свои трусы и раковина переполнилась.

У отца Дэни, Джима был приятель Арт, живший во Флориде. Они дружили с детства. Арт был похож на композитора-певца Питера Фрэмптона. Он был вроде дяди для Дэни. Сам я его знал постольку поскольку: "Как сам?" и всё. Когда мы сносили старый дом, Арт купил у нас всё старье: кирпичи, оконные рамы, буфеты, фанеру, сантехнику и тому подобное. Он построил из них дом где-то на озере Эри.

Джим позвонил Арту: "Арт, Боб в камере на Вест Палм Бич. Сможешь помочь вытащить его оттуда?"

Арт подъехал к полицейскому участку, но дежурный сержант не пустил его: "Я не могу впустить Вас к нему, Вы не член семьи". Но Арт умел разговаривать с людьми. Он поговорил с сержантом пару минут, после чего тот сказал: "Послушайте, я из Детройта. Мы все любили Проберта, так что заходи".

Они выпустили меня из камеры: "К тебе посетитель". Я терялся в догадках, кто бы это мог быть. Точно не Дэни. Она даже не брала трубку, не отвечала на мои звонки. В реабилитационный центр и "дом-на-полпути" я тоже не звонил, так что я вышел и огляделся. Не узнав сразу Арта, я прошёл мимо него, и он окликнул меня: "Боб, обернись. Я Арт, друг Джима Вуда".

Теперь я его узнал. Увидеть знакомое лицо было просто замечательно. Он поразился моему виду: "Боб, твоё лицо как кусок мяса. Все щёки ободраны, нос весь красный. Ты как клоун с родео". Я объяснил, что меня повозили лицом по асфальту, когда я отпустил свою острогу насчёт жирдяя.

Мы долго говорили с Артом. Я рассказал ему всё и о том, что я хочу избавиться от своей наркозависимости. Я любил чувство кайфа, доставляемое ими. Захватывающее дух чувство, словно я был ребёнком на карусели. Всё представлялось в ином свете, меня охватывал приятный дурман. Такое веселый, возбуждающий приход. Кокаин помогал мне чувствовать себе комфортнее в своей собственной шкуре.

Арт сказал: "Боб, ты оказал мне честь, рассказав об этом. Если в тебе есть что-то, заставляющее тебя хотеть кайфа, то тебе необязательно делать это у всех на виду. У тебя достаточно денег, чтобы заказать себе доставку на дом. Ты можешь уйти от лишнего внимания и получать своё удовольствие".

Тогда я спросил, смог бы он помочь найти проверенного пушера.

"Во-первых, я с Канады. Я здесь просто живу и я не хочу иметь с этим ничего общего. И, в любом случае, если я достану тебе кокаин, мой друг Джим Вуд убьёт меня". – Ответил Арт.

"Так ты не говори ему".

"Я так не могу. Он мой друг".

Арт дал мне свой номер телефона и сказал, что я могу звонить ему, если хочу заехать к нему в гости и поваляться на пляже или же просто посидеть поговорить.

Потом я позвонил одному своему приятелю, который владел тут кондоминиумом, и он внёс залог за меня.

Естественно, мои похождения не остались без внимания прессы и телевидения. Всё было расписано во всех красках.

Помнится мне, что снять все обвинения заняло полгода. Шаг вперёд, шаг назад. Копы не любят снимать все обвинения сразу. Им нравится поиграть с тобой, подвесить на тонкой верёвочке.

Суд состоялся только 15 февраля 2005 года. Под присягой я заявил: "Я ничего не делал и никого не трогал. Не было никаких причин стрелять в меня из "Газера". Полицейские даже спёрли мои солнечные очки. Мне предъявили обвинения в трёх тяжких преступлениях и одном мелком за просто так! Что за произвол".

После двух дней суда девяти присяжных понадобилось всего сорок пять минут, чтобы признать меня невиновным по всем статьям. Решение было единогласным.

Обвинителем был молодой двинутый мудак. Решение присяжных вывело его из себя. Он бросил свои сраные папки на стол и высказал: "Да, отлично. Что ж, м-р Проберт, иммиграционная служба ждёт Вас внизу". Но никого там не было. Думаю, он просто решил испортить мне настроение после своего проигрыша.

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЗДЕСЬ ОСТАВАТЬСЯ

Я вернулся домой ещё до суда во Флориде. Дэни заблокировала все наши счета так, что я не мог снять с них ни цента. Я завязал до осени 2004. Потом, в сентябре, я познакомился в Уинзоре с чуваками, которые любили покутить. Опять всё началось с кружки пива и всё пошло-поехало. Дэни, бывало, говорила, что это был просто тихий ужас. Она ненавидела всё это. Куда бы я не пошёл, мне везде предлагали выпивку, наркотики или "колеса". Я ей говорил, что всё зависело от меня, буду ли я принимать что-то или нет, но её выводило из себя то, что мы никак не могли избавиться от подобных проявлений "дружбы" в Уинзоре.

У меня вновь наступили тёмные времена, вечеринки круглые сутки. Я не соображал, что же творится в моей жизни. Внутри меня жила беспросветная скука. Многие не понимают, что это такое. Всё в твоём разуме, всё в твоём теле, всё, о чём ты только можешь думать, так это о кайфе. Потому что, когда у тебя приход, ты волен получить всё веселье, какое только хочешь, а на остальное просто насрать.

Отец Дэни Джим состоял в мотоклубе и мне нравилось гонять вместе с ними. Некоторые из моих школьных приятелей в Уинзоре также любили "Харлеи", так что мы начали собираться вместе. Двое из них имели отношение к мотобанде "Ангелы Ада" и их как-то словили в Уинзоре с большой порцией кокаина. Я пришёл посмотреть на суд над ними в марте 2005. Понятное дело, моя физиономия на следующий день красовалась на первой странице газет.

1-го июля 2005 года мы зависали с парой новых друзей у меня в гараже. Мне недавно исполнилось сорок лет. Я любил свой гараж, ставший моим храмом-убежищем. У меня там было всё: три движка, пара шасси, все мои инструменты, включая большой набор для "Харлея", колёса, пара мотоциклов, вместе с "Коровой", которая стала теперь стационарной, кресла, пепельницы и стол. И я всегда замечал, что кто-то подвинул что-то из моих вещей. В общем, мы бухали, и кто-то подогнал мне грибов.

Мы уже неплохо набрались к тому времени. У нас оставалась всего одна бутылка виски. Мы распили её прямо из горла и закусили горстями грибов. Это был конец всему. Я был в полном отрубе, сознание возвращалось ко мне лишь урывками. А тем временем Дэни и дети были дома.

Я начал бороться с одним из своих друзей прямо в гараже. Закончилась схватка после того, как мы завалились на двухместный "Порш" Дэни и пробили несколько дыр в стене. Крышу у нас снесло напрочь. Дэни услышала шум и спустилась в гараж. Она сказала что-то мне, и я пошёл за ней в дом. В кухне мне попался под руку набор ножей, стоящих в подставке и я швырнул их на пол. Я не кидал их куда-то конкретно, просто они оказались первым, что попало мне под руку. Я тоже начал на неё орать и Дэни испугалась. Она вызвала полицию и позвонила своему отцу.

Дэни была всё ещё напугана, когда приехал Джим, и это разозлило его до глубины души. Он влетел на кухню, где сидел я и нёс какую-то галиматью. Джим сказал, что я бубнил что-то мало внятное про то, что меня то ли достал какой-то чувак, то ли какой-то чувак давит на меня. Его беспокоило то, что я мог совсем слететь с катушек, и он не сможет меня удержать. Так что он даже не попытался меня успокоить. Он просто решил проследить, чтобы я не причинил никому вреда. Я же был совсем невменяем.

К дому приехало семь полицейских машин. По периметру дома у нас были установлены камеры, так что я просмотрел потом видео о том, что же было дальше. Я вышел на подъездную дорогу и попытался поговорить с одним из офицеров: "Подойди сюда, я хочу поговорить с тобой". В своих рапортах они указали, что я принял боксёрскую стойку и подзывал их в угрожающей манере. Но на видео чётко видно, что нападавшими были именно они. Они были готовы крутить меня ещё до того, как я вышел к ним. Копы подскочили ко мне и толкнули меня в

сторону гаража, так что я сильно приложился головой о дверь. После этого меня окатили струёй из газового баллончика. Пока я тёр глаза, мне заломили руки, нацепили наручники и впили в свою машину.

Меня отвезли в Белль Ривер, где я провёл ночь. С утра меня перевезли в Уинзор. Обычно там держат дня два-три, после чего отправляют в окружную тюрьму. Но я так и не попал в тюрьму – меня выпустили. Один из моих приятелей нашёл судью в воскресенье, который подписал мое прошение о выходе под залог. Приятель же и оплатил залог – тысячу долларов. Я оказался на свободе через два дня.

В рапортах полиция указала, что я нарушал общественный порядок, сопротивлялся аресту и напал на офицера полиции. По их версии, это и стало причиной моего задержания. Я в то же время отдал запись с видеокамер своему адвокату Пэту Дешарне. За неделю до суда Дешарне позвонил помощнику судьи, Тиму Кавано. Дешарне обычно не демонстрировал подобные улики до суда, предпочитая иметь их в качестве туза в рукаве, но он был высокого мнения о Кавано, так что пригласил его в офис на просмотр записи. Видео весьма озаботило обвинителя, и он взял его для демонстрации в полиции. За час до суда он сказал: "Я не собираюсь продолжать с такими уликами. Я снимаю обвинение".

Я то знал, что это было полное дерьмо, а не обвинение. Но я понятия не имел, что его снимут, так что должен был предстать перед судом в десять утра. Дешарне, пока ждал меня, весь извёлся. Судья спросил на суде: "Собирается ли м-р Проберт почтить нас своим присутствием?". Дешарне ответил: "Ваша Честь, мы знали заранее, что обвинитель намерен снять все обвинения. И каждый раз, когда м-р Проберт появляется здесь, в прессе начинается форменный цирк. Так что, если Вы не возражаете, я буду здесь в целях его защиты. Я его поверенный. Можем ли продолжить без него?" Судья не возражал.

Я позвонил Пэту в 11:30, спросить что случилось. Он ответил: "Ты, похоже, был абсолютно уверен в том, что мы выиграем дело, что даже не появился в суде. Я не знал до сегодняшнего утра, что он снимет все обвинения".

Мне стоило бы засудить этих мудаков, поскольку из-за них у меня появились проблемы. На видео было чётко видно, что все их рапорты – дерьмо собачье.

Пока дело не дошло до суда и не было выиграно, я находился на испытательном сроке. По идее, я не должен был пить или находиться в тех местах, где продают спиртное. Но я продолжал зависать с теми же самыми чуваками. 19 августа я оттягивался с приятелем. Мы были в центре Уинзора, как вдруг он куда-то исчез. Я пришёл к его дому и начал барабанить во входную дверь. Я должен был остаться у него, но он не открывал дверь. Дэни и я всё ещё не помирились после того инцидента с грибами. Её беспокоило то, что дети могут увидеть меня в таком виде, и она велела мне взять себя в руки. Я знал, что она была права, но я ещё не дошёл до своей точки возврата.

Сходив за сэндвичем, я вернулся и продолжил колотить в дверь. Никакой реакции. Я присел на бордюр, съел свой сэндвич. После этого я растянулся на тротуаре, отдохнуть и подождать приятеля. И, бляха-муха, я отрубился. Разбудила меня полиция. Участок был как раз напротив дома моего приятеля. Один из полицейских была женщина. Она задавала мне какие-то дебилские вопросы типа: "Хорошо, нам нужен адрес. Боб, куда ты хочешь ехать?"

"Зачем вам какой-то адрес. Я сегодня остаюсь у своего приятеля. Его пока нет дома, так что просто жду его".

"Нам нужно отправить тебя куда-то, где мы будем знать, что ты в безопасности".

"Что ж, домой мне пока дорога заказана, так что я буду ждать своего приятеля".

"Это не слишком хорошо, Боб. Куда бы ты хотел пойти, поскольку тут ты остаться не можешь".

Я не нашел ничего умнее, как сказать: "Какого хера вообще?"

Этого было достаточно: "Надень ему наручники".

Ранее этим днём я был на Уинзорском фестивале блюза. Кто-то там сунул мне пакетик в пятидолларовой купюре. Ну, вы понимаете: "Боб, здесь есть кое-что для тебя". Аккуратно сло-

женный этот пакетик покоился в моём бумажнике – кокаин на двадцать долларов. Я совсем о нём забыл.

Но эта баба решила, что она должна проверить каждый обрывок в моём бумажнике. Никакой нужды в этом не было. Бумажник проверяют, если нужно выяснить личность владельца. А она всё время называла меня Боб, прекрасно зная, кто я. И у них был мой домашний адрес, потому что они навещали меня не далее как месяц назад. Она прошерстила мой бумажник, достала оттуда свёрток из пятибаксовой купюры и развернула его.

Эта двадцатидолларовая порция кокаина обошлась мне в двадцать тысяч. Оплата Дешарне – 14000 долларов, штраф и очередная отправка на лечение. Это попало в мою криминальную историю, так что в Детройт я не мог больше вернуться из-за моих отношений с наркотиками. Теперь для поездки туда мне нужно разрешение. Меня впускают в страну на благотворительные мероприятия – я плачу 60 долларов и получаю пропуск на день или два.

Двадцатидолларовое дерьмо и я всё ещё плачу за него.

Я продолжал вести разгульный образ жизни, и это отражалось на Дэни и детях. Она звонила Джиму, когда ей требовалась помощь. Он приезжал и начинал ездить по мозгам: "Слышь, говнюк, почему она опять расстроена? Что ты опять сделал? Ты опять не в своём уме. Изгони этих демонов из себя, повзрослей".

В том июле Броган исполнилось одиннадцать, а Тьерни ждала своего девятого дня рождения. Я прикатил домой с несколькими друзьями по мотоциклам, переодеться, потом забрался на свой "Харлей" с двумя парочками и мы свалили. Броган позвонила Джиму: "Деда, Папа переодевался перед какими-то непонятными женщинами".

"Что? Дайте маму к телефону".

Дэни взяла трубку и он спросил: "Что происходит, Дэни?"

"Ох, он уехал с парой каких-то отморозков из Уинзора. Папа, ты можешь мне помочь. У нас завтра большая вечеринка по случаю дня рождения Тьерни, а ураган превратил наш задний двор в свалку".

Джим приехал и помог подстричь траву. Он оставил всё сено прямо на въезде в гараж, прямо снопами. Я только что прикупил новый "Форд Экспедишн" в версии от Эдди Бауэра – 60000 долларов. Джим открыл все его двери и засыпал полностью травой. Потом он закрыл двери и окна, оставив его на три дня на тридцатипятиградусной жаре. После этого он прибрался во дворе, подобрал каждый маленький кусочек мусора и тому подобного дерьма, и вывалил всё найденное в мой "Шевроле" 1970 года, 502 лошадиные силы, черный с белыми полосами.

Я никогда не говорил с ним об этом, потому что знал, что он был прав. Я вёл себя как полный мудак и заслуживал даже худшего обращения.

Но я до сих пор чувствую запах этой грёбаной травы в моём пикапе.

ПИСЬМО БРОГАН

Я перестал часто выпивать и принимать наркотики, а потом, в начале весны 2006 года, словно что-то замкнуло, и я решил почти уже завязать. Дети становились старше, а они же ведь далеко не глупые, не так ли? Когда они были маленькими, я ещё мог как-то скрываться, но не сейчас.

Броган исполнилось двенадцать, и она готовилась ко вторым в её жизни общешкольным соревнованиям по бегу по пересечённой местности. Я пообещал ей, что я приду посмотреть на неё, но так и не пришёл. Она написала мне письмо:

"Сегодня были мои вторые соревнования по бегу. Я пришла восемнадцатой из ста участников. Я отлично пробежала! Моя мама и (ключевое слово здесь "и") мой папа, оба пообещали мне, что они будут там. Но догадайтесь, кто так и не пришёл. Он!! Это был один из самых значимых дней в моей жизни. Словно мое сердце было там, а кто-то взял его и разорвал пополам. Я всерьёз думала, что он придёт, но он так и не появился. Теперь он официально вышел из моего доверия. Он причинил мне настоящую боль. Это убило меня. Не думаю, что я смогу заговорить с ним в течение двух недель. Не думаю, что я должна приглашать его на своё следующее соревнование. Он скажет: "Да, я обещаю", но так и не сдержит своего слова".

Я не мог выбросить это письмо из головы. Я всегда хотел быть героем в глазах своих детей.

Пола Коффи и меня пригласили на банкет в Галифаксе, 2-го сентября 2007 года. Помимо нас там присутствовали настоящие легенды – Горди Хоу, Спарки Андерсон, Джерри Чиверс.

С утра перед началом мы с Коффи съели по тарелке супа из моллюсков, после чего решили заценить обстановку в банкетном зале. Мы вошли туда и ошалели, столов было накрыто на 1500 человек. Я слегка ужаснулся. Кофф знал, что он собирается сказать этим вечером. Он намеревался поведать о спорте, чемпионстве, чего стоит играть в лиге и всё такое. У меня же в голове не было ни одной идеи.

Я спросил у Пола: "Кофф, может, подскажешь мне что-нибудь?"

"Да просто набросай по быстрому пару мыслей, Проби, и всё будет в порядке".

Но я не мог придумать вообще ничего. Уже началась торжественная часть, а я всё больше и больше волновался.

"Давай, Кофф! Кофф, ты должен помочь мне!"

Он взял листок бумаги и написал пару вступительных строк: "Как замечательно побывать здесь, в Галифаксе. Для меня большая честь сидеть за главным столом вместе с Горди Хоу...". Потом он написал большими буквами: "СЕМЬЯ".

"Боб, ты можешь говорить о чём угодно".

Настала моя очередь произнести речь, и я начал с благодарностей жителям Галифакса, потом рассказал немного о моих драках. Затронул тему моих зависимостей, рассказав о том, как трудно удерживаться от спиртного каждый день. После этого я говорил о своей семье. О Дэни, о детях и о радости, которую они мне дарят каждый день.

Я рассказал им о Броган, как я ей горжусь, как хорошо она умеет выступать перед публикой, и как я нервничаю сейчас, но, если она может, то и я смогу. Я рассказал им о Тьерни – её первом годе в хоккее и о том, что я считаю, что у нее есть хорошие перспективы. Упомянул о том, насколько она смышлена и как заботится обо всех, точь-в-точь как её мама. Потом поведал о двойняшках, как Джек похож на меня, ни секунды не сидит на месте, и как я научил его самому длинному слову в словаре "pneumonoultramicroscopicsilicovolcanokoniosis" – это бо-

лезнь от вдыхания вулканического пепла. О том, насколько крепкая девчонка Деслин. Как она, даже будучи маленькой, лупила Джека по голове своим плюшевым медвежонком.

А потом настала очередь Дэни. Я рассказал о том, что она была со мной всё это время. Она не была из тех, кто приходит под конец, она пережила со мной всё – переезд в Чикаго, возвращение в Уинзор, о некоторых тяжёлых вещах. Она всегда была рядом. Под конец я сказал, что я знаю, что семья значит для меня всё, и я не хочу подводить их. Моя речь вышла очень эмоциональной. Кофф сказал, что ему пришлось даже иногда опускать глаза, чтоб никто не видел, что он чересчур расчувствовался.

В последний раз я легально был в США 2-го января 2007 года, на церемонии поднятия свитера Стива Айзермана. Это было незабываемо. Мне позвонили за шесть недель до церемонии, стараясь узнать, точно буду ли я присутствовать, но я никогда не мог пообещать, что буду в Штатах, поскольку мне могли и не дать разрешения на въезд.

М-р Илич очень помог мне в разрешении проблем с иммиграционной службой, так что я смог приехать к Стиви. Хотя я до конца не верил, что таможня США пропустит меня в страну. Я сказал Дэни: "Я просто попробую".

Нас ждали в Детройте к 19:00, так что мы выехали из дома за два часа до начала. Мы решили проехать по мосту "Амбассадор", который был в пятнадцати минутах езды от нашего дома. Я всё ещё был уверен, что нас завернут на границе обратно. Мы ждали своей очереди в своей машине, сидя как на иголках. Я сказал Дэни: "Худший вариант? Мы возвращаемся домой. Ничего страшного". Джо Кошур постоянно звонил мне: "Проби, ты где? Проби, ты где? Сколько там машин перед вами? Сколько машин?"

Пограничники попросили нас выйти из машины и отвели в небольшую зону ожидания. С меня сняли отпечатки пальцев, я заполнил несколько бланков и заплатил 60 долларов за разрешение на въезд. Казалось, эта процедура будет длиться вечно, но, наконец-то, мы в США. У нас оставалось семь минут до начала игры. Я повернулся к Дэни и сказал: "Мы можем сделать это" и надавил на газ. Мы проезжали в противоположном направлении по улицам с односторонним движением, на красный и под "кирпич", по каким-то задворкам и переулкам. Мы приехали на место за две минуты до начала. Я лихо припарковался и бегом ломанулся на стадион. Охрана помогала мне продвинуться: "Давай, Проби! Давай! Давай!" Я увидел Стиви. Он был несказанно рад видеть меня здесь, и удивлен, что я всё-таки смог попасть сюда. Видели бы вы его лицо. Просто улёт. А потом я поприветствовал его жену Лизу. Мне она всегда нравилась. Она была весёлой и симпатичной и всегда относилась ко мне хорошо. Лиза была одной из крутых жен. Думаю, Дэни была рада видеть Стиви. Когда она впервые увидела его, у неё возникла некая романтическая привязанность к нему, так что я иногда поддразнивал её, чтоб увидеть, сколько оттенков красного появится у неё на лице.

Кто-то одел на меня джерси с моим именем. Я должен был выйти вместе с Джо Кошуром, но, поскольку не было точно известно, смогу ли я приехать, расстановку поменяли. Я вышел на лёд с Владимиром Константиновым. Он был парализован в автомобильной аварии, случившейся после празднования победы Детройта в кубке Стэнли в 1997 году. Его водитель врезался в дерево на Вудворд авеню в Бирмингеме, Мичиган.

Как обычно, болельщики Детройта приветствовали нас очень тепло. Но я был даже шокирован их приёмом. Я видел Дэни, стоявшую позади бокса для штрафников, на местах Большого Папочки. Слёзы текли у неё ручьем. Я помахал ей.

Стиви произнес свою речь, и болельщики буквально сошли с ума. Я был очень рад за Стиви. Он многое значил для клуба и заслуживал абсолютно всех похвал. Я гордился тем, что я был частью вечера Стиви.

ВЫСАДКА ДЕСАНТА

Я летал в Афганистан с генералом Риком Хилльером в 2007 и 2008. В середине мая 2007 года кубок Стэнли впервые побывал в зоне боевых действий. Все встретились в военном ангаре в Оттаве. Генерал Хилльер курил маленькую сигару неподалёку от самолета, и я составил ему компанию. Я узнал его сразу: "Вы – тот самый генерал!"

"Да, Боб, я тот самый генерал. Мы вылетаем вместе. Бойцы будут очень рады тому, что ты прилетел к ним. Я знаю, этот опыт будет совершенно новым для тебя. И я уверен в этом на все сто".

Он был прав. Это было незабываемое путешествие, особенно встреча с солдатами. Когда меня пригласили слетать туда во второй раз, я позвонил Трису и сказал: "Трис, ты должен тоже полететь туда".

"Что ты имеешь в виду?"

"Ты должен полететь туда"

Я перезвонил ему через пару дней: "Ну что, Трис, ты надумал? Ты должен лететь. Такого ты никогда не испытывал. Ты должен лететь".

Наконец, он решился, и в 2008 году наша поездка была очень похожа на прошлогоднюю. Мы провели 10 дней в Персидском заливе, где нас подобрал военный караван и доставил в их лагерь. Это не была ещё зона боевых действий, но в бараках всё было довольно тихо, потому что это была точка вылета самолётов в Афганистан. Крис Найлан – бывший тафгай Бостона и Монреаля, Трис и я сходили на пляж, покататься на верблюдах. Эти животные весьма большие. Они фырчат, плюются и рыгают. Да и амбре от них ещё то.

Потом мы отправились в зону боевых действий. Я сказал Трису: Если военные говорят тебе сделать что-то – делай! Если они говорят не делать что-то – не делай!"

Первое, что вы получаете в транспортном самолёте в Кандагар, это шлем и бронезилет. В опасных местах все одевают их на себя и до отправки обратно часто снимать их не приходится.

У транспортника вместо сидений были подвесные гамаки, прям как в кино. А мне ещё и дали поуправлять самолётом – вообще отпад. А потом у нас была тактическая посадка, с быстрым снижением, практически пикированием. При обычной посадке самолёт скользит по довольно пологой кривой, плавно и аккуратно. Пассажиры практически не замечают захода на посадку. Но в Кандагаре такая посадка слишком рискованное дело. Медленная плавная посадка может закончиться тем, что в борт откуда-нибудь издалека влепят ракету.

Тактическая посадка на военном самолёте – это звучит круто, но когда ты внутри транспортника, размерами с "Боинг-747" резко снижаешься с 6 километров до 500 метров, тебя, едва сдерживающего рвоту, швыряет по всему самолёту как тряпку. Такое, довольно опасное испытание. Аттракцион "Гигантский прыжок" – это лишь очень слабое подобие такого приземления. А мы проделывали такое еще и под прицелом врага, а не просто ради забавы.

Мы отправились в точку сбора "Канадский Дом", принять участие в игре хоккей с мячом. Там было невыносимо жарко – около 50 градусов по Цельсию. На первой игре собралось примерно несколько тысяч солдат. Не все они были из Канады, много было из Америки, попадались англичане, даже несколько афганцев. Игра была очень динамичной. Несколько солдат толкались, проверили меня на прочность, в углах площадки, что было забавно. После игры мы отправились на лётное поле Кандагара, где было устроено барбекю для канадских военных и гражданских. Тем вечером командующий распорядился выдать каждому по два пива. Солдатом это очень понравилось.

Никто не хотел расходиться спать. Так что, мы, попивая "Колу", проговорили до часу ночи. Примерно в полночь я огляделся вокруг и увидел, что вокруг сидит еще 300-400 солдат.

Многие покурили сигары, просто расслабились, болтали. У некоторых были ноутбуки. Молодой солдатик подошёл к нам с генералом: "Сэр, могу ли я попросить Вас и Проби поприветствовать мою невесту и маму в Канаде?" Он протянул нам ноутбук, на экране которого мы увидели их лица, а они могли видеть наши. Мы немного пошутили насчёт, что такая прелестная девушка делает с этим парнем, стоящим рядом с нами.

Атмосфера была просто невероятной, какой-то сюрреалистичной. Я гордился тем, что я – канадец, гордился тем, что я в Афганистане, горд тем, что сижу с одними из самых крутых парней нашей страны. В "Канадском Доме" каждый день играло какое-то спутниковое радио из Канады – один день, например, с Калгари, другой – с Торонто. Помимо этого, было два больших телевизионных экрана, на которых вещали канадские новостные каналы.

Моим самым любимым занятием там, было, сидеть с Трисом, курить, слушать канадскую музыку и беседовать с проходящими канадскими солдатами. Мы видели всех, от снайперов до пулемётчиков. Они всегда могли рассказать что-нибудь интересное. И они сами задавали множество вопросов. Дрался ли я с этим? Дрался ли я с тем? Кто был самый грозный соперник из тех, с кем я дрался? (Уверен, что был кто-то круче меня, но я с ним так и не встретился.) Какое наибольшее количество драк было у тебя за игру (31 раз по две драки и однажды – три, 10 января 2002, с Джоди Шелли.) Правда, что у тебя триста драк в НХЛ? (238.) Сколько ты заработал штрафных минут (3300.) Кто был твой любимый игрок? (Бобби Орр, без всяких или, и, но.) Играл ли ты против Гретцки? (Много раз.) Кто был лучшим забивалой? (Марио Лемье, я его большой фанат. Однажды я слышал, что он сказал, что, если бы он умер и мог воплотиться в другом игроке, он вернулся бы как Боб Проберт. Пожалуй, самый большой комплимент, который я получал.) У кого самый мощный бросок? (Эл Изфрейт.) У кого самый сильный удар? (Сэнди МакКарти.) Боялся ли ты кого-либо? (Нет.) Ты когда-нибудь планировал драку заранее? (Всего один раз – реванш с Доми.) С кем ты дрался чаще всего (Со Стю Гримсоном, 13 раз.) Грязный ли игрок Тай Доми? (Он исправился под конец.) Что за человек Тай Доми? (Спросите Триса, он жил с ним в одном номере.)

Генерал Хилльер взял нас на одну из военных баз, где располагались наши солдаты. Две трети наших войск базируются вне кандагарского аэродрома, в стране Талибана. Когда ты едешь на машине или грузовике по Кандагар, ты лучше всего понимаешь, что там за настроения. На вертолёте, в относительной безопасности, полной картины происходящего не получить.

Мы отправились туда на джипе – два спецназовца впереди и мы с генералом сзади. Водитель обернулся к нам и сказал генералу: "Если на нас нападут по дороге, Вы и я выскакиваем на правую сторону. Мне он сказал: "М-р Проберт, если Талибан решит нас накрыть, выскакивайте налево. Видите то оружие между сиденьями? Это гранатомёт М72. Если на нас нападут, Ваша задача выскочить из машины вместе с ним, потому он нам понадобится". Я взглянул на гранатомёт. Немногим меньше метра в длину и около 13 сантиметров в диаметре. Мы ехали примерно полтора часа через город и постоянно меняющиеся ландшафты, мимо самых разных людей, культуры и средств передвижения. Я жадно смотрел на всё это, не убирая руку с гранатомёта. Если Талибан всё же решится, я не оставлю его в машине. Может, слегка дико, но я даже немного надеялся, чтобы что-нибудь случилось.

Мы были практически лишены связи с кем-либо в Северной Америки, кроме прессы. Мы были ночью в Персидском заливе, уже ожидая обратного вылета, когда Брайан Уильямс, спортивный комментатор, достал свой телефон и предложил звонить кому угодно. Мы перезвонили всем кому могли, я же набрал Дэни и детей. Услышав их голоса, я прослезился. Они были в безопасности. Мне нужно было пройти весь этот путь вплоть до грёбаного Афганистана, чтобы я, наконец, осознал, каково всё это было...

Солдаты самые крутые парни в целом свете. Знаете, у них есть цель. Проходя реабилитацию, тебе всё время говорят, что жизнь – это просто начало, завтра твоё будущее с неограниченными возможностями. У меня же жизнь была повернута с ног на голову. Многие становятся

по-настоящему успешными примерно годам к сорока. Тяжелый труд приносит свои плоды, повышения по службе и тому подобное. И полная противоположность у меня – моя карьера закончилась. Я должен был решить, что делать дальше, иначе я бы снова начал влипать в неприятности.

Заработанные за годы хоккея травмы не отпускали меня. Мои колени и низ спины просто сводили меня с ума. Мне приходилось постоянно принимать болеутоляющие таблетки. Я начал играть в матчах ветеранов НХЛ и принимать "Перкосет". Постепенно я привык к нему и он перестал помогать, так что я переключился на "Оксиконтин". Кстати, когда я его принимал, меня совершенно не тянуло к выпивке. Я был этому очень рад – ты в отличном настроении и можешь делать что угодно. Бывало, я размышлял: "Почему что-то похожее не продают в барах? Почему бы всегда не чувствовать себя так?"

Когда я раньше принимал кокаин, я втягивал обычно по две "дорожки". У всех обычно они были сантиметров по семь в длину. Мои же были в два раза длиннее. Я называл их монстрами. С "колёсами" было тоже самое, я обычно говорил приятелю: "Давай забубеним монстра".

У меня были специальные инструменты для "Оксиконтин" – свой наборчик. Я использовал маленькие тёрки для ног, которые купил в аптеке. Я называл их молотилками. Растворив оболочку таблетки в "Коле", я растирал её, перемешивал кредиткой и делал дорожку.

Моя жизнь стала крутиться вокруг охоты за этими таблетками. Я всегда искал, где бы достать ещё упаковку. До поездки в Афганистан я употреблял по двадцать таблеток в день.

Где бы я ни был, я искал врача. Почти всегда они узнавали меня и поскольку у меня были с собой выписанные мне бутылочки с моим именем на них, я говорил: "Выпишите мне ещё рецепт, поскольку я повредил себе что-нибудь" или "Я упал и мне нужны ещё таблетки". В каждом городе. Вы удивитесь, узнав, сколько докторов может выписать вам эти таблетки. Ы Уинзоре я мог получить таблеток шестьдесят в месяц, но где-нибудь в Калгари или Ванкувере, в каждой клинике я мог выписать ещё по двадцать.

Когда я вернулся из Афганистана мне прописали "Субоксон". Он помогает избавиться от зависимости.

Я не уверен, почему я всегда всё портил, когда дела шли у меня хорошо. Пару месяцев назад нам позвонили и сказали, что меня выбрали в спортивный Зал Славы округа Эссекс. Я был очень рад, что смогу оставить такую память о себе для детей. Дэни сказала: "Не испорти ничего снова, просто потому что тебе сообщили хорошую новость. Не разочаровывай нас опять". "Старый Я", скорее всего, снова бы намотал машину на один из столбов, но на этот раз мы отправились на семейный ужин.

Весной 2009 года я принял участие в ледовом телевизионном шоу "Битва на льду". Я катался в паре с профессиональной фигуристкой Кристиной Ленко. Мы заработали 25000 долларов для благотворительного мероприятия "Раненые солдаты". Они раздали одежду, книги, компакт-диски солдатам в госпитале. Я тренировался вместе с Кристиной на полную катушку тем летом в Уинзоре. Она была прикольной девчонкой, на льду мы веселились не переставая, пусть мы даже и не смогли пройти дальше первого раунда. Я месяц учился кататься на фигурных коньках. Осенью мы были готовы к участию, но Тай Доми, тоже бывший участником шоу, так и не смог освоить фигурные коньки. Так что нам пришлось снова одеть хоккейные коньки. Я, конечно, был недоволен, но это ж Тай.

Я виделся с Трисом несколько недель назад на бейсбольной игре ветеранов НХЛ. Мы с ними обнялись по-дружески и мы долго проговорили. Я всегда вспоминал о его потасовке с Шоном Бурком в 1989. Отец Триса всегда просил его приглядывать за младшим братом. Его брат Боб, сыграл в НХЛ 5 игр за Лос-Анжелес в 1983-84. В НХЛ все игроки твоей команды – твои братья. Если у них неприятности – действует тоже самое правило – ты помогаешь им. В 1989 году Трис играл свою вторую игру за Лифс в Мейпл Лифс Гарденс. Они играли против

Девилс и уступали 2:5. Потом Лу Франчесчетти, которого прозвали маленький Френсис Гуидо, поймал кого-то на плечо у синей линии соперников. Шлем, клюшки, перчатки, всё полетело на лёд. Девилс всей командой ринулись бить его, а заодно и Дэна Дауста, который пришёл на помощь Лу. В конце концов, всё превратилось в драку пять-на-пять, а Шон Бурк катался там неподалёку. Он сбросил маску и заорал: "Эй там, давай сюда, биться". И Трису пришлось драться, правильно?

Трис говорит, что ему казалось, что это была самая долгая драка в целом свете: "Знаешь, Бобби? Драться очень тяжело. После игры я не мог поднять руки выше головы. Я не мог помять голову, не мог толком вдохнуть. Ну. В смысле, я не смог выкурить сигарету ещё три часа после игры".

Мы вспомнили наши поездки на восточное побережье, когда играли в АХЛ. Он вспомнил наш поход в какое-то кафе с лобстерами. Мы заказали по тарелке супа с моллюсками и по паре здоровенных лобстеров каждому. С детства у меня была аллергия на рыбу, но я не был уверен, что она распространяется на все морепродукты. Я никогда до того не пробовал лобстеров, так что Трис учил меня правильно раскрывать их. Он раскрыл одного, и сок попал мне прямо в глаз. Я, конечно, ответил ему тем же, превратив всё в лобстерную перестрелку. Когда после мы отправились к автобусу, Трис сказал: "Боб, почему ты весь красный?" Моя шея и уши жутко чесались, глотка сузилась, а лицо всё как будто свело.

"Могу предположить, что у меня аллергия на лобстеров".

"Ты шутишь что ли?"

"Нет, подозреваю у меня аллергия на ракообразных".

"О, мой Бог, ты чучело, зачем же ты их ел?"

"Нууу, потому что хотел их есть".

Трис – мой очень хороший друг и я сказал ему, что доктора прописали мне "Оксиконтин". Трис предупредил: "Ох, Проби, тебе стоит быть осторожнее с этой хернёй".

"Я знаю, знаю. Я уже прекращаю принимать их".

Я и в самом деле сократил количество таблеток. Я попросил Дэни помочь мне с этим, и она выдавала их мне небольшими порциями. Пока я держался.

Мы с Трисом расцеловались на прощанье, совсем как в старые добрые времена, когда мы играли. Я всегда подъезжал к нему и спрашивал: "Если б я был девушкой, ты бы приударил за мной?" А он отвечал: "Конечно же, Боб, поросёночек мой".

Я сказал, что был бы рад встретиться с ним на следующей игре в течение ближайших нескольких недель.

У меня всё были некоторые симптомы гриппа, я никак не мог до конца вылечиться. Я попросил у него "Ролэйд". Как-то на днях я швартовал катер, пытаюсь поставить его на место, и меня едва не вырвало от качки.

Дэни постоянно говорила мне о том, чтобы я ходил к доктору: "Ты нам нужен здоровым".

Я же начинал нервничать о самой мысли о визите к доктору. Думаю, это из-за ранней смерти моего отца, но я ненавидел проходить осмотры и сдавать анализы. Вдруг там обнаружится что-то серьёзное? И доктора заведут своё: "Вы не можете есть это, не можете есть то, Вам надо быть аккуратнее с этим". Словно медленная смерть. Такого я бы не пожелай никому.

1-го 2010 была наша семнадцатая годовщина свадьбы. Дэни и я решили заказать пиццу и отдохнуть с детьми и нашими псами, Карли и Саймоном. Я всегда хотел иметь золотистого ретривера или шоколадного лабрадора. Хорошую сторожевую собаку, когда я уезжаю из дома. Но у детей была аллергия, так что мы взяли йоркширских терьеров. Хорошие собачки, но, на мой взгляд, как-то больше подходящие для гомиков.

Мы все погрузились на катер, отправляясь на пикник на острове Печ. Он словно стоакровый парк на реке Детройт между Уинзором и Детройтом. Раньше он был захолустьем, но сейчас это часть Уинзора.

Река с его северной стороны относится к США, так что его патрулируют вертолёт и катера полиции Детройта. На юге его патрулируют катера полиции Уинзора. Когда я не мог вернуться в Канаду летом 1990 года, Шелдон Кеннеди и Дэйв Уинхем устраивали "Десантирование Дэни". Они забирали её на берегу и высаживали на Пече, где её уже ждал я. Мы день проводили вместе.

Дети всю дорогу до острова сидели в надувной лодке за катером. Вода была гладкой как стекло, да и погода просто замечательная. Мы расстелили скатерти на пляже и накрыли стол. Наши псы всё плавали. Я пытался научить их приносить палку, но это ж Йорки – вы понимаете.

Два малолетки пролетели на катере чуть ли не по берегу. Это разозлило меня, потому что наш катер стоял на берегу и волны могли побить его камнями. Я встал и наорал на них: "Эй, помедленнее. Это зона для купания". Я указал им на знак, они в ответ послали мне "фак".

Я вернулся к Дэни, сказав: "Грёбанные отморозки".

Она посмотрела на меня и сказала: "Привет, чайник закипает..."

По берегу расхаживали канадские гуси и собаки устроили погоню за ними. Дети убежали за ними, оставив нас с Дэни наедине. Вокруг была таинственная тишина. Никого вокруг, только чайки кружат над остатками нашей пиццы. Дэни положила голову мне на плечо. Я поцеловал её в губы. Она сказала: "Семнадцать лет, Малыш. Мы показали всем этим критикам".

Я ответил: "Это верно".

В семь вечера я встал и изобразил свой утиный крик. Дети прибежали обратно вместе с собаками. Я подхватил маленькую сучку Карли и спел ей свежесочинённую песенку.

Девочки вместе с Дэни подхватили мотив, и все мы смеялись до коликов в животе. Джек отцепил катер и помог столкнуть в воду, пока Дэни с девочками собирали мусор и складывали покрывала. Деклин выстрелила последним ядром с кормы, и мы отправились домой.

Я ненавижу возвращаться на канадскую сторону. Приходилось идти очень медленно, потому что это была запретная для быстрой езды зона. Я хотел вернуться домой засветло, поэтому пустил катер вокруг острова, на американскую сторону. Это было несколько рискованно. Если бы нас остановили, меня бы отправили в кутузку из-за моих проблем с иммиграцией. Зато здесь не было ограничения скорости, так что было гораздо интереснее. На полной скорости мы помчались в сторону дома.

Что за чудесный день нам выдался.

ЭПИЛОГ

5-го июля 2010 года в 14:00 Боб Проберт шёл на катере на озере Сент-Клер вместе со своей женой Дэни, двумя детьми, Тьерни и Джеком и свёкром со свекровью, Дэном и Лесли Паркинсонами. У него случился сердечный приступ, и его смерть была подтверждена в 17:00 пресс-секретарём полиции Онтарио Шоной Колтер. Патологоанатом констатировал смерть по естественным причинам. У Боба на 80% была закупорена левая коронарная артерия. У него было серьёзное сердечное заболевание. Его сердце было увеличено в размерах и уже долгое время было под напряжением.

Похороны состоялись 9-го июля в уинзорской церкви Дружбы Христиан.

22-го июля Дэни выбрала самую большую урну, которая только имелась в похоронном бюро – XXL. И она всё равно была слишком маленькой. Боб был больше чем сама жизнь.

ХРОНОЛОГИЯ

1965

5 июня – родился в Уинзоре, Онтарио.

1981

Начались проблемы с алкоголем.

1981-82

Играет за юниорскую команду Уинзор Клаб 240 (55 игр, 60 голов, 40 передач, 100 очков, 40 штрафных минут).

1982

29 мая – выбран в седьмом раунде драфта ОХЛ командой Brentford Alexanders.

28 августа – отец Проберта, Эл, умирает за неделю до отъезда Боба в тренинг-кемп Brentford.

1982-83

Играет за Brentford (51 игра, 12 Г, 16 П, 28 О, 133 ШМ – в регулярном сезоне, 8 И, 2 Г, 2 П, 4 О, 23 ШМ – в плейофф). Brentford финиширует четвёртым в дивизионе Эммс (70 И, 34 Пб, 33 Пр, 3 Н). В плейофф Brentford обыграл Лондон в первом раунде, 6 очков против 0 и уступил Солт Сент Мари во втором раунде – 2 очка против 8.

1983

8 июня – выбран на драфте Детройт Ред Уингс в третьем раунде, 46-ым. В пятом раунде, 88-ым был выбран Джо Кошур. Проберт и Кошур позже стали известны как "Брюиз Бразерс"

1983-84

Играет за Brentford (65 И, 35 Г, 28 П, 63 О, 189 ШМ – в регулярном сезоне, 6 И, 0 Г, 3 П, 3 О, 16 ШМ – в плейофф). Brentford занял второе место в дивизионе Эммс (70 И, 39 Пб, 28 Пр, 3 Н), завоевал путёвку в четвертьфинал плейофф ОХЛ, где проиграл Солт Сент Мари 4 очка против 8.

1984-85

Brentford Alexanders переехали в Гамильтон и сменили название на Stixokk. Проберт начал сезон в Гамильтоне (4 И, 0 Г, 1 П, 1 О, 21 ШМ), затем был обменян в Солт Сент Мари Грейхаундс (44 И, 20 Г, 52 П, 72 О, 172 ШМ). Грейхаундс выиграли чемпионский титул ОХЛ и уступили Принс Альберт Райдерс в полуфинале Мемориал Кап.

1985-86

Стал одним из последних отчислений команды в тренинг-кемпе. Начал сезон в Адирондайк Ред Уингс в АХЛ. Поделил сезон между АХЛ и Детройтом (32 И, 12 Г, 15 П, 27 О, 152 ШМ за Адирондайк; 10 И, 2 Г, 3 П, 5 О, 68 ШМ в плейофф Колдер Кап; 44 и, 8 Г, 13 П, 21 О, 186 ШМ за Детройт).

1985

6 ноября – дебютировал за Детройт в матче против Сент-Луиса.

15 декабря – набрал первое очко в НХЛ – результативная передача Эдди Джонстону в выездной игре против Чикаго Блэкхокс, закончившейся поражением 4:6

21 декабря – забросил первую шайбу в НХЛ в домашнем проигрыше Чикаго 3:6.

1986

17 января – дисквалифицирован НХЛ на 4 игры за удар головой Боба МакГилла в драке в игре в Торонто 13-го января.

4 апреля – арестован за вождение в нетрезвом виде в Уинзоре.

21 мая – в составе Адирондаик Ред Уингс завоевал Колдер Кап.

2 июля – обвинен в нападении на офицера полиции в Уинзоре. В октябре получил за это условный срок 2 года.

22 июля – проходил лечение в реабилитационном центре Хазельден, Миннесота и клинике Эбборт-Нортвестерн, Миннеаполис.

19 декабря – арестован за вождение в нетрезвом состоянии в Уинзоре. Дисквалифицирован на неопределённый срок Детройт Ред Уингс, пропустил две игры. В январе был признан виновным, оштрафован на 1000 долларов и лишен водительских прав.

1986-87

Отыграл часть сезона в Адирондаике (7 И, 1 Г, 4 П, 5 О, 15 ШМ) и 63 игры в Детройте (13 Г, 11 П, 24 О, 221 ШМ). В плейофф сыграл все 16 игр (3 Г, 4 П, 7 О, 63 ШМ).

1987

11 февраля – направлен на лечение алкоголизма в реабилитационный центр Брентвуд, Уинзор. Был выгнан примерно через месяц за нарушение внутренних правил.

5 марта – забил буллит в игре Против Миннесоты Норт Старс на Джо Луис Арена.

1987-88

Лучший сезон Проберта в карьере. Сыграл 74 игры. Его 29 голов, 33 передачи и 62 очка стали его самыми большими результатами за всю карьеру. Стал первым в лиге по количеству штрафных минут – 398. В плейофф сыграл 16 игр (8 Г, 13 П, 21 О, 51 ШМ) и побил рекорд Ред Уингс по очкам, набранным в одной розыгрыше плейофф, установленный Горди Хоу в 1955. Рекорд держался до 1995 (Сергей Федоров, 7 Г, 17 П, 24 О в 17 играх). Играл в тройке со Стивом Айзерманом и Джерардом (Спадди) Галлантом.

1988

8 февраля – принял участие в матче Всех Звёзд за команду конференции Кларенс Кэмпбелл. Ассистировал шайбе Уэйна Гретцки.

10 мая – в преддверии пятой игры финала конференции Кэмпбелл, шесть игроков Ред Уингс, включая Проберта, Петра Климу и Джона Шабо были уличены в нарушении внутриклубных правил, посетив бар в Эдмонтоне. Эдмонтон выиграл серию и вышел в финал кубка Стенли. Жак Демер принёс публичные извинения.

20 сентября – отправлен в Адирондак за опоздание на самолёт из Чикаго в Детройт. Три дня спустя, после позднего появления в Адирондаке, Детройт дисквалифицировал его.

1 октября – прошёл курс лечение от алкоголизма в клинике Бетти Форд, Калифорния. Покинул клинику до завершения программы лечения.

27 ноября – сыграл свою первую игру в сезон 1988-89

15 декабря – дисквалифицирован на три матча НХЛ за удар вратаря Торонто Аллана Бестера рукой в перчатке, удерживая при этом клюшку, в игре в Торонто, 10 декабря.

1988-89

Сыграл 25 игр за Детройт (4 Г, 2 П, 6 О, 106 ШМ). В плейофф не играл.

1989

2 января – Чикагский судья Энтони Петрон вынес постановление о депортации Проберта.

25 января – усажен на скамейку в домашней игре против Баффало после опоздания в Джо Луис Арена. Позже дисквалифицирован Детройтом на неопределённый срок. Сыграл следующую игру 25 февраля.

2 марта – арестован на американской стороне Уинзор-Детройтского тоннеля за попытку контрабанды кокаина через границу. Было найдено 14 грамм кокаина.

4 марта – дисквалифицирован на неопределённый срок НХЛ за арест 2 марта.

18 июля – признан виновным в контрабанде кокаина.

17 октября – приговорён к трём месяцам тюрьмы и штрафу в 2000 долларов за контрабанду кокаина и принудительному лечению от зависимостей.

1990

7 марта – получил разрешение на работу на 90 дней, позволившее ему тренироваться с Детройтом. Не мог покинуть пределов США, так как это было бы классифицировано как "самодепортация", вследствие чего не смог бы вернуться обратно.

9 марта – дисквалификация НХЛ снята.

22 марта – вернулся в состав Детройта. Отыграл в 4 играх регулярки, забив 3 гола и получив 21 минуту штрафа.

25 октября – судья Хорас Гилмор окружного суда Детройта постановил, что попытка американской Службы Иммиграции посадить Проберта в тюрьму противоречит Конституции. Из этого следовало, что Проберт остаётся на свободе до рассмотрения его дела о депортации.

1 декабря – столкнулся с вратарём Чикаго Эдди Белфуром на последних минутах игры на Джо Луис Арене. Получил травму левой руки и пропустил 12 игр.

1990-91

Сыграл 55 игр за Детройт (16 Г, 23 П, 39 О, 315 ШМ). В плейофф сыграл 6 игр (1 Г, 2 П, 3 О, 50 ШМ).

1991

27 февраля – тренер Брайан Мюррей назначил Проберта помощником капитана Детройта на период травмы Джерарда Галанта. "Считаю, его очень уважают в раздевалке". – Заявил Мюррей. – "Может, мы и не говорим об этом много, но мы видим, что он делает для нашего клуба",

9 апреля – дисквалифицирован на одну игру и оштрафован на 500 долларов за удар вратаря Сент-Луиса Винсента Риендо в игре плейофф 6 апреля.

1991-92

63 игры за Детройт в регулярке (20 Г, 24 П, 44 О, 276 ШМ), 11 игр в плейофф (1 г, 6 П, 7 О, 28 ШМ).

1992

29 января – суд постановил, что Проберт не будет депортирован принудительно.

6 марта – дисквалифицирован на 3 игры за размашистый удар клюшкой Гэри Батчера в игре против Сент-Луиса 29 февраля.

25 ноября – забросил сотую шайбу в НХЛ в домашней победе 11:6 над Сент-Луисом.

7 декабря – разрешено свободно пересечение канадско-американской границы.

1992-93

80 игр в регулярном сезоне (14 Г, 29 П, 43 О, 292 ШМ) и 7 в плейофф (0 Г, 3 П, 3 О, 10 ШМ).

1993

18 октября – Дисквалифицирован на 4 игры за удар клюшкой Боба Роуза в игре 15 октября в Торонто.

1993-94

Отыграл 66 игр в регулярном сезоне (7 г, 10 П, 17 О, 275 ШМ), 7 игр в плейофф (1 Г, 1 П, 2 О, 8 ШМ).

1994

14 июля – арестован и оштрафован в Ален Парке, Мичиган, за непредъявление водительских прав после неуверенной езды на автомобиле.

15 июля – получил травмы после столкновения на мотоцикле с автомобилем в Киго Харбор, Мичиган. В крови обнаружен уровень алкоголя втрое превышающий допустимый уровень. Также в крови были обнаружены следы кокаина.

20 июля – выставлен на драфт отказов Детройтом.

23 июля – подписан в качестве свободного агента Чикаго Блэкхокс.

25 июля – признан виновным в управлении транспортным средством в нетрезвом виде и аварии 15 июля.

2 сентября – помещён НХЛ на неопределённое время в неактивный статус и был направлен на лечение под от наркотической зависимости под наблюдением лиги. Пропустил весь сезон 1994-95.

1995

28 апреля – НХЛ восстановила статус Проберта, но он не мог играть вплоть до сезона 1995-96.

1995-96

Сыграл 78 игр за Чикаго в регулярном сезоне (19 Г, 21 П, 40 О, 237 ШМ), 10 в плейофф (0 Г, 2 П, 2 О, 23 ШМ).

1996-97

Сыграл 82 игры в регулярном сезоне (9 Г, 14 П, 23 О, 326 ШМ), 6 в плейофф (2 Г, 1 П, 3 О, 41 ШМ).

1997

9 октября – получил серьёзную травму правого колена в игре с Тампа Бей Лайтнинг. Пропустил 14 игр после артроскопической операции.

10 ноября – в первой же игре после выздоровления получил травму плечевого сустава в игре с Калгари. Ухудшил состояние в заварушке с Дарреном МакКарти из Дред Уингс 16 ноября. Лёг на операцию и пропустил 53 игры.

1997-98

Из-за травм сыграл всего 14 игр (2 Г, 1 П, 3 О, 48 ШМ). В плейофф Блэкхокс не попали.

1998

22 января – подписал новый трехлетний контракт с Блэкхокс.

4 апреля – вернулся в состав Чикаго в игре с Детройтом.

1998-99

78 игр (7 Г, 14 П, 21 О, 206 ШМ). Чикаго не попало в плейофф.

1999

13 февраля – гол на 11:05 в третьем периоде стал последним в истории, забитым на Мейпл Лиф Гарденс. На игре присутствовал 90-летний Гарольд "Маш" Марш, забивший первый гол на Гарденс, также игравший за Чикаго, 12 ноября 1931 года.

6 октября – дисквалифицирован на 4 игры за атаку со скамейки запасных на вратаря Шаркс Стива Шилдса в первой игре сезона, проигранной Чикаго 1:7.

1999-2000

69 игр (4 Г, 11 П, 15 О, 114 ШМ). Третий год подряд Чикаго не попало в плейофф.

2000

11 марта – стал шестым игроком в истории НХЛ, набравшим 3000 минут штрафа.

2000-01

Сыграл 79 игр (7 Г, 12 П, 19 О, 103 ШМ). Чикаго не попадает в плейофф четвертый год подряд.

2001

17 июля – подписал новый контракт с Чикаго.

2001-02

61 игра в регулярном сезоне (1 Г, 3 П, 4 О, 176 ШМ) и 2 в плейофф (не набрал очков и штрафных минут). Оставался в запасе 15 из 20 последних игр команды в регулярке.

2002

28 июня – заключил новый контракт с Чикаго.

8 октября – помещён в список травмированных.

15 ноября – Оставшись не востребовавшимся на драфте отказов, неофициально завершил карьеру. Присоединился к радиокомментаторам Чикаго.

2003

Февраль – проходил программу НХЛ лечения от зависимостей под наблюдением д-ра Дэйва Льюиса и д-ра Брайана Шоу.

Лето – объявил о завершении карьеры.

2004

4 июня – арестован в Делрей Бич, Флорида, после обстрела полицией из "Газера" и парализатора.

2005

17 февраля – после двух дней суда в Вест Палм Бич, Флорида был признан невиновным в предъявленных ему обвинениях в нападении на офицера полиции, сопротивлению аресту, угрозе офицеру и вызывающем поведении.

1 июля – арестован за нарушение общественного порядка, сопротивление аресту и нападение на полицейского у себя дома в Лейкшор, Онтарио.

19 августа – арестован в баре Уинзор за нарушение условий освобождения под залог, согласно которому он не должен появляться в местах, где подают спиртные напитки. Позже был освобожден после уплаты штрафа.

4 ноября – обвинения в случае 1 июля были сняты.

2007

2 января – принял участие в поднятии свитера Стива Айзермана под своды Джо Луис Арены.

Май – посетил канадские войска в Афганистане в составе группы бывших игроков НХЛ, включавшей Дэйва (Тигра) Уильямса, Рон Тагнатта, Режина Уля и Ивона Ламбера. С собой они привезли и кубок Стэнли.

Ноябрь – журнал "Хоккей Ньюс" провёл опрос 30 играющих энфорсеров, по одному из каждой команды НХЛ. Проберт был признан величайший энфорсером всех времен, получив 23 из 30 голосов.

2007-10

Часто играл в благотворительных играх, организуемых ветеранами НХЛ.

2008

Повторный визит в Афганистан, на этот раз с Марком ЛаФорестом, Крисом Найланом, Майком Гарнером и Марком Непьером.

Июнь – снялся в небольшой роль в фильме Майка Майерса "Секс Гуру".

Октябрь – снялся в канадском комедийном сериале "Вратарь по найму".

2009

Принял участие в ледовом шоу СВС "Битва на льду", в паре с Кристиной Ленко. Их пара стала первой выбывшей, но их выступление заработало 25000 долларов пожертвований раненым солдатам.

22 февраля – Чикаго Блэкхокс провело "Вечер Боба Проберта"

22 мая – произвёл символическое вбрасывание перед третьей игрой финала Западной конференции 2009 года между Чикаго и Детройтом.

2010

19 января – стал судьёй в выступлениях лучших игроков Канадской Хоккейной Лиги.

5 июля – катаясь на катере на озере Сент-Клер, умер от сердечного приступа.

9 июля – похороны состоялись в уинзорской церкви Дружбы Христиан.

ПАМЯТНЫЕ ВЕХИ КАРЬЕРЫ

- Выбран Брентфорд Александерс в седьмом раунде, 95-ым, на драфте ОХЛ 1982 года.
- Выбран Детройт Ред Уингс в третьем раунде, 46-ым, на драфте 1983 года.
- Выбран в команду дивизиона Эммс на игру Всех Звёзд ОХЛ, 1983-84. Не играл.
- Обменян Гамильтоном Стилхокс вместе с Шоном Тайерсом в Солт Сент Мари Грейхаундс на Алекса Хайди, Джона Инглиша и выбор в шестом раунде драфта 1985 года, ноябрь 1984.
- Выиграл титул чемпионов ОХЛ в составе Солт Сент Мари Грейхаундс.
- Дебютировал в НХЛ 6 ноября 1985 года против Сент-Луиса.
- Набрал первое очко в НХЛ на 8:57 2-го периода игры с Чикаго, 15 декабря 1985 (Чикаго победил 6:4).
- Первый гол в НХЛ, 12:57 3-ий период, 21 декабря 1985, против Чикаго (Чикаго победил 6:3).
- Сыграл в матче Всех Звёзд за команду конференции Кларенс Кэмпбелл, 1988. Носил номер 24, набрал очко за результативную передачу Уэйну Гретцки на 18:46 1-го периода.
- Лидировал в НХЛ по количеству сыгранных игр (82), 1996-97.
- Занял первое место в НХЛ по количеству штрафных минут (398), 1987-88.
- Попадал в десятку НХЛ по количеству штрафных минут в 1990-91 (315 - 3-ий), 1992-93 (292 – 8-ой), 1993-94 (275 – 7-ой), 1996-97 (326 – 2-ой) и 1998-99 (206 – 9-ый).
- Попадал в десятку лучших НХЛ по проценту результативных бросков в 1987-88 (23% - 9-ый), 1995-96 (19,6% - 10-ый).
- Попадал в десятку лучших бомбардиров плейофф в 1987-88 (21 очко – 7-ой).
- Попадал в десятку лучших по количеству голов в большинстве в плейофф в 1987-88 (5 – 2-ой).
- Шестое место по количеству набранных минут штрафа за карьеру – (3300).
- Установил рекорд Детройта по очкам, набранным в плейофф (8-13-21 в 16 играх), 1987-88. Рекорд продержался до 1995 года.
- Подписан как свободный агент Чикаго 23 июля 1994 года.
- Пропустил большую часть сезона из-за травмы плеча в игре с Детройтом, 16 ноября, 1997 года.
- Номинировался Чикаго на Билл Мастертон Мемориал Трофи в 2000-01.
- Завершил карьеру 16 ноября 2002 года.